Керн Анна Петровна

Дневник для отдохновения

Директ-Медиа
Москва, 2014

Керн Анна Петровна. **Дневник для отдохновения**. - М.: Директ-Медиа, 2014. - 112 стр.

ISBN: 978-5-4475-1047-3

Керн (Маркова-Виноградская) Анна Петровна (1800-1879) - приятельница А.С. Пушкина, автор мемуаров.

Вниманию читателей предлагается книга "Дневник для отдохновения", который автор вела летом, с 23 июня по 30 августа 1820 года, в Пскове. Частями она отправляла рукопись по почте в Лубны, к тетке Феодосии Петровне Полторацкой, которой он и посвящен.

Свои записи Керн вела по-французски, но нередко перемежала французский текст русскими фразами и целыми страницами. Издание книги, опубликованной полностью в переводе на русский язык, состоялось впервые в 1929 году.

Содержание

Анна Петровна Керн

Дневник для отдохновения

Дневник для отдохновения,

посвященный Феодосии Полторацкой, лучшему из друзей

Дневник

Псков, 23 июня 1820

Я обещала поверять вам все мои мысли, а также поступки, ни в чём не меняя порядка, который заведен был у нас в то блаженное время, когда мне не приходилось прибегать для этого к помощи пера и бумаги. Время это прошло безвозвратно, и оплакивать его бесполезно. Я утешаюсь надеждой, сией опорой несчастных: вера в божественное провидение позволяет мне уповать на будущее. Неужто и в будущем, хотя бы самом отдаленном, небо откажет мне в той единственной милости, о коей я прошу его в горячих моих молитвах? Нет, невозможно мне быть счастливой вдалеке от тех, кого я люблю. Итак, я здесь прозябаю, усердно стараясь выполнять долг свой, во всём следуя наставлениям добродетельного моего друга, навсегда запечатлевшимся в моей памяти: мне удается быть почти спокойной, когда я занята, а без дела я никогда не сижу, постоянно читаю либо пишу что-нибудь, сама поверяю счета, занимаюсь своей дочерью, словом, за весь день, можно сказать, минуты свободной нет, но если вдруг что-нибудь напомнит мне Лубны, мне делается так больно - невозможно описать вам чувства, которые меня тогда охватывают. Чтобы обрести сколько-нибудь спокойствия, мне надобно позабыть о пленительном призраке счастья, но как вычеркнуть из памяти ту единственную пору моего существования, когда я _ж_и_л_а? Как расстаться со сладостной мечтой души моей? За те упоительные дни блаженства и должна я теперь покорно и терпеливо сносить все. Да, никто никогда не любил так, как любила я, и ни у кого ещё не было более достойного избранника. Откладываю перо, боюсь совсем разволноваться.

Вообразите, куда ни брошу взгляд, всюду нахожу я раздирающие душу воспоминания: вот подсвечник, подарок лучшей и нежнейшей из матерей, а вот передо мной мой _а_л_ь_б_о_м, сей "Язык цветов" [1], с помощью которого я могу беседовать с вами, мой ангел, слева от меня - образа, напоминающие мне то место, где они прежде находились. У меня иной раз до того разыгрывается воображение, что чудится, будто их трогает моя судьба и они печалятся о том, что я несчастна. Представьте себе, я не могу надеть то платье, в котором ходила у вас, мне кажется это чем-то кощунственным, я сшила себе новое, домашнее - оно-то хоть не будет связано ни с какими воспоминаниями, мне подарил его муж, оно из коричневой материи, как (неразб.) и обошлось, кажется, всего в 23 рубля. Есть ещё и другие платья, вызывающие кое-какие нежные воспоминания, я даже смотреть на них не могу, слишком делается от этого грустно.

Звонят к вечерне, завтра праздник, Иванов день! Только для вашей Анеты нет больше праздников! В том счастливом краю, где живете вы, в этот вечер горят веселые огни, а у меня здесь все те же огни

ж_а_с_м_и_н_а.

24-го, полдень

Только что вернулась от обедни. По чрезмерной своей мягкости, я дала себя уговорить и вопреки собственному желанию поехала в монастырь, где нынче престольный праздник, а, следовательно, много народу. Обедню служил архиерей. Очень я раскаивалась в том, что поехала, и мысленно давала себе слово не быть впредь столь сговорчивой. Когда искренне жаждешь предаться молитве, делается не по себе, в толпе всех этих людей, которые обычно приходят в церковь лишь затем, чтобы покрасоваться. Невольные слёзы, что исторгает молитва из глубин взволнованной души, не могут свободно излиться среди такого множества людей, устремивших на тебя свои взоры. Так было и сегодня со мной. Я проклинала себя за несносную свою податливость и дорого бы дала, чтобы остаться незамеченной и иметь возможность вволю поплакать, благодаря создателя за прежние дни счастья, что он даровал мне. Я твёрдо решила отныне ходить только в ту церковь, где менее всего бывает народу.

25-го, в 5 часов пополудни

Нынче я в самом мрачном расположении духа, то есть ещё более мрачном, чем все прошлые дни. Я и сама не понимаю, отчего я стала всего бояться, даже стала суеверной,- сущий пустяк, сон какой-нибудь, и я уже сама не своя; вот сегодня мне приснилось, будто я потеряла правую серьгу, а потом нашла её сломанной, и мне уже кажется, что это не к добру, и не иначе как предзнаменование какое-то, потому что я никогда и не думаю о подобных вещах, а ведь снится нам, я в этом уверена, только то, о чём мы думаем. С тех пор как мы с вами расстались, не было ни одной ночи, чтобы мне не приснились Лубны, только на первом месте в этих снах Мирт, а Барвинок на втором.

Не кажется ли вам, милый друг, что сны посылаются нам небом, дабы утешая нас в наших горестях и уменьшая наши печали, тем самым вознаградить за дневные страдания. Я всякий раз, когда мне снится, будто я с вами, возношу благодарность господу за его милость, и тогда почти уверена, что он мною доволен.

Погода нынче отвратительна, муж отправился на учения за восемь вёрст отсюда. До чего я рада, что осталась одна,- легче дышится. Все сегодня словно сговорились мучить меня воспоминаниями - Киру Ивановичу [2] вдруг пришла фантазия сыграть на гитаре несколько мотивов, и выбрал он как раз те

самые, что играл в Лубнах, а я не могу слышать их спокойно. Но от чего я совсем разволновалась, так это от польского - помните, мы танцевали его несколько раз под гитару? Никогда этого не забуду; как больно мне, когда я вспоминаю о вас, и вместе с тем как хорошо. Эти чувства так теснят мне грудь, что становится трудно дышать.

Я сделала выписки из одной очень хорошей книги, которую только что прочла, "Эмили Монтань", посылаю их вам с этим номером дневника вместе с размышлениями, к коим они меня побудили; я уверена, что вы, как и я, найдете в этих отрывках много справедливого, ведь у нас с вами родственные души, все, что трогает меня, должно тронуть и вас, все, что меня поражает, должно и вас поразить. Но в одном я твёрдо уверена - что бы ни послала вам ваша Анета, все будет вам только приятно.

26-го, в 10 утра, суббота

Благодарю тебя, о господи, за счастливое пробуждение. Спасибо, мой ангел, за ваше письмо, да будет с вами благословение божие, да осыпет он вас бесконечными своими милостями. Если бы вы только могли вообразить себе, до чего я была счастлива, получив ваше письмо,- просто невозможно выразить это словами. Я обожаю Шиповника и Барвинка, так ясно представляю себе, как он благодарит вас взглядом, исполненным нежности; у меня выписано тут одно выражение, которое очень подходит к его глазам: "Я не знаю человека, которому так полезны были бы глаза его, ему словно нет даже надобности произносить слова, чтобы быть понятым, они говорят все, что он хочет сказать". И в самом деле, ведь мы не обменялись с ним и десятью словами, а сколько друг другу сказали! Как хорошо я знаю его душу! Ведь она прекрасна, не правда ли, мой ангел, разве не достойна она общения с моей душой и с вашей?

Мне пришла в голову одна мысль - помните эстамп, который я просила дать закончить тому юноше,- пусть он изобразит офицера в форменном сюртуке, со скрещенными на груди руками, это будет точь-в-точь Ш_и_п_о_в_н_и_к во время нашего последнего прощания. И я могла бы сама дорисовать то, что окончательно дополнило бы иллюзию,- *то есть ексельбант.*

Вот причина, почему я беспокойно провела ночь,- уснула я уже под утро, и мне привиделся сон - будто муж привел меня к предсказательнице, а та велит мне взойти в какую-то каморку, задает всякие вопросы, а потом вдруг говорит, что скоро я соединюсь с Шиповником. Вы представить себе не можете, до чего я поражена была, когда она произнесла его имя.

Суббота, в половине пятого

Как я сегодня счастлива! Читала и перечитывала ваше прелестное письмо более десяти раз. Кто ещё может похвалиться тем, что обладает подобным сокровищем? Да никто. Ваша Анета единственная счастливица. Небо подарило ей друга, которого нет больше ни у кого на свете.

Прежде всего скажу, что я во что бы то ни стало избавлюсь от этой особы [3], мы не можем оставаться вместе, слишком у нас несхожие характеры, чтобы мы долго могли выносить друг друга. Не хочу поднимать истории, подожду, пока мы найдем няню.

А теперь позвольте к этому присовокупить мои выписки вместе с их переводом, я сама его сделала, для того чтоб вы, если понадобится, могли бы познакомить с ними тех, кто недостаточно владеет французским; а может быть; вам и самой приятно будет иметь их на обоих языках: "Le cours de la vie n'est qu'un passage triste et languissant si l'on n'y respire l'air doux de 1'amour: *"Течение жизни нашей есть только скучный и унылый переход, если не дышишь в нём сладким воздухом любви".*

Разве это не бесспорная истина, мой ангел? Вы, быть может, скажете, что когда нет любви, её можно восполнить дружбой? На это я отвечу вам: только в том случае, когда речь идёт о дружбе, подобной нашей,- но ведь дружба наша та же любовь, я не то что люблю, я обожаю вас, и будь вы мужчиной, вы были бы моим избранником... но вы лучше меня, и я не смею продолжать сие сравнение. Вот что говорится в моём романе о чувствительности: "O, quel charme nous trouvons dans la sensibilite; c'est la pierre d'aimant qui attire tout a elle. La vertu peut exiger de l'estime, l'esprit et les talents de l'admiration, la beaute peut: exciter un desir passager; mais il n'y a que la sensibilite qui puisse inspirer l'amour",- Разумеется, автор хотел сказать: "le veritable amour", то есть и_с_т_и_н_н_у_ю _л_ю_б_о_в_ь, как определил её в своём переводе ваш друг. *"Какую неописанную прелесть мы находим в чувствительности. Это магнит, притягивающий к себе все. Добродетель вправе требовать уважения, разум и дарования - удивления; красота может возбудить желания, но одна только чувствительность может внушить истинную любовь".*

Именно она связывает и нас с вами, и уж тут-то можно сказать: "Il est bien triste que le bonheur ou le malheur de notre vie soient ordinairement decides avant que nous puissions juger de l'un ou de l'autre *(это относится только ко мне!) -* Retenus par la coutume oue par les prejuges bizarres et

ridicules, nous nous laissons entrainer par l'exemple de la multitude; ce n'est que quand il n'est plus temps que nous commencons a penser". К этому я бы ещё добавила, что мы не умели думать и, полагая в этом наше счастье, принимали решения, которые сделали нас на всю жизнь несчастными. *"Как прискорбно, что счастие или несчастие целой жизни нашей бывает обыкновенно решено прежде, нежели мы в состоянии судить о том или другом. Удерживаемые обычаем, а иногда и предрассудками странными и смешными, мы бываем увлечены общим примером и тогда только, когда уже не время, начинаем размышлять".*

Я нахожу, что всё это верные мысли, некоторые из них я могла бы подтвердить собственным моим опытом, не так ли, мой ангел? И самый лучший из них, по-моему, тот отрывок, в котором любовь рассматривается в связи со священными узами брака, здесь его взгляд совершенно совпадает с моим; я уверена, что и вы с этим согласитесь: "On dit que les mariages qui ne se font purement que par amour sont malheureux... Oui, les mariages dont la seule passion a forme les noeuds sont toujours infortunes; la passion se satisfait et la tendresse s'evanouit avec elle; mais l'amour *(истинная)* cet aimable enfant de la sympathie et de l'estime vous enchaine dans les liens d'une felicite continuelle. C'est l'unique bonheur qu'on puisse souhaiter... C'est quelque chose de plus que l'amitie, animee par le gout le plus vif et par le plus ardent desir de plaire... Le temps au lieu de ternir cette affection delicieuse la rend de jour en jour plus vive et plus interessante". И напротив, вовсе неверно, будто любовь может возникнуть при равнодушии друг к другу; я думаю, что равнодушие порождает одно лишь равнодушие, если не отвращение, а у натур заурядных и грубых - привычку. Я подобные истины объявляю ложными! *"Говорят, что супружества, заключенные по страсти, всегда несчастливы... Так, супружества, основанные на одной только страсти, не могут быть благополучны. Страсть удовольствована, и нежность исчезает с нею. Но любовь, сие любезное дитя симпатии и уважения, связывает нас узами бесконечного блаженства; это единственное счастье, позволительное желать. Она есть искуснее, нежнее дружества, оживляемого самым живым вкусом и пылким желанием нравиться. Время, не истребляя этой нежной привязанности, делает её день ото дня живее и приятнее".*

Ежели бы теперь, в мои годы, мне нужно было решать свою судьбу - уж я бы сумела быть счастливой. Но не будем об этом говорить, надобно

терпеть, а главное, не позволять себе роптать.

Прошу вас, милый друг, устройте так, чтобы не он переписывал *"Трумфа"*[4]. Во-первых, не хочу, чтобы муж что-нибудь заподозрил, вздумав сличать "Трумфа" с почерком, которым написаны стихи в моём альбоме. Во-вторых, это значило бы опозорить его руку, комедия эта недостойна того, чтобы он её переписывал.

И ещё прошу, ежели только вы этого не сделали, передайте ему "Мой друг-хранитель" [5] и пообещайте, что если он его потеряет, ему это будет прощёно. Уведомьте меня, если вы это уже сделали.

Посылаю вам лоскуток материи, из которой сшиты мои домашние платья, а по кисету, который я посылаю папеньке, вы увидите, какое платье я купила себе в Орше за 80 рублей, оно вроде того, что было на г-же Таубе, эта материя называется персидский шелк; такого же цвета и платье, которое мне привезли из Петербурга,- оно из той же материи, что и моё белое, муаровое, отделка у него прелестная, да только оно с короткими рукавами, и я не хочу надевать его, пока не сделаю к нему длинные рукава. Не хочу показывать свои красивые руки, как бы это не привело ко всяким приключениям, а с этим теперь покончено, и я буду обожать Шиповника до последнего своего вздоха, разумеется, однако, если он останется мне верен - своё сердце я отдаю в обмен на его. О, какая прекрасная, какая возвышенная у него душа!

Как вы думаете, ведь папеньке будет приятен этот кисет? Я бы ничего больше не успела сделать, но я сама его шью, вы мне напишите, понравится ли ему он? Скажу вам, что я ещё никуда не выезжала. Но на той неделе поеду к губернаторше и тогда надену это синее платье; оно сшито под шею и с длинными рукавами по тому фасону, как у Мальвины, что у вас на картинке осталось. Я поеду тоже к нашей полковнице. Я рада, что мне это позволили. Она добрая женщина, и лучше, моё правило, жить в миру со всеми; терпеть не могу быть в ссоре! Насчет Кира Ивановича скажу вам, что он более не сердится и обещал мне писать к папеньке и маменьке; вы, наверно, думаете, что Ольга Андреевна причиною его неудовольствия. Он со мной был довольно откровенен - признался, что ему было приятно видеть, что маменька так хорошо к нему расположена, но что папенька, приехавши из Петербурга, ни слова ему не сказал и при прощанье закричал, что все только на словах, а на деле ничего, что ему было больно. Я всячески старалась его извинить, и теперь он всё забыл. Я думаю, что вы по этой же почте получите удостоверение.

В 7 часов

А я все продолжаю писать, не боясь наскучить вам своей болтовней. Завтра воскресенье, пойду к обедне, буду благодарить господа за сегодняшний день - когда бы один такой день выпадал мне на долю каждую неделю, как я была бы счастлива! Вы будете получать мои письма тоже раз в неделю, только придётся вам тратить на них много времени - пожалуй, хватит чтения до следующей почты. Посылаю вам, мой ангел, два платка, которыми муж позволил мне распорядиться по моему усмотрению. Я помню, вы однажды выразили желание иметь полосатый платок. Другой я хочу подарить Ольге Андреевне, она женщина бедная, ей это будет приятно, да и к свадьбе пригодится. Возьмите себе, мой ангел, тот, который больше вам понравится, и носите его из любви к вашей Анете, а для неё нет большего счастья, чем сделать вам что-то приятное. Другой же пошлите от меня Ольге Андреевне. *Мне черный больше нравится, а впрочем, как вы хотите, моя бесценная. Я бы желала, чтобы и вам черный понравился. Пишите мне, мой ангел неоцененный, моё сокровище.* Пишите во имя всего, что вам дорого. *Употребите все старания, чтобы быть скоро здоровой, берегите себя для меня. Чтобы не подвергнуть себя вашему гневу, я не скажу вам, сколько драгоценно для меня ваше здоровье; оставляю перо, чтобы приняться за работу для папеньки. Обнимаю вас, мой ангел, и благословляю мысленно так же, как и Шиповника.*

В 8 часов

Минута свободная посвящена вам! Хочу ещё сегодня сказать вам все, что имею на душе. Сейчас читала прекрасное сравнение любви и дружбы из той самой книги и сообщаю: "L'amitie recherche les vertus les plus reelles et les plus solides. C'est a l'integrite, a la constance, a une ferme uniformite de caractere qu'elle l'attache. L'amour, au contraire, admire un je ne sais quoi. Il se cree lui-meme et pour lui meme l'Idole de son culte. Il trouve des charmes jusque dans les defauts de l'objet qui les fixe. Les folies, l'indiscretion, l'inconsistence, les caprices lui plaisent".

Я и сама чувствую, насколько это верно, как вспомню, в каком я была восторге, когда Шиповник рассердился на полковника Реп., он казался мне просто обворожительным в своём гневе. Если вы станете ему читать, обратите внимание на этот отрывок.

Воскресенье, в 10 часов утра

"Для дружбы нужны самые солидные добродетели; она обыкновенно приобретается справедливостью, постоянством и твердой однообразностью характера. Любовь же, напротив, восхищается всегда сим неизъяснимым je ne sais quoi {нечто *(фр.).*}. *Она сама и для себя только рождает идола, которому поклоняется, она находит прелести в пороках даже своего предмета". О, как это справедливо. Никогда не забуду, когда Шиповник рассердился.*

Но, видите ли, только что проснулась - и за перо. Сейчас еду к обедне. У нас очень холодно. Я надеваю черный бархатный капот, и он имеет для меня сладкие воспоминания. Целую ваши ручки и посылаю вам доброго дня, благодаря бога за прекрасный сон. Целую Шиповника глазки, увы! мысленно.

Сейчас возвратилась от обедни, была в соборе, усердно молилась богу, вспомня Троицын день. Архиерей служил, и певчие очень хорошо пели. Я была одна, совершенно одна. Вообразите, каково мне было, вспомня Лубны, мою бесценную маменьку. Сердце сильно у меня билось, когда я въезжала под большой каменный свод и подъезжала к вратам церкви; мне казалось, что я одна во всей природе, и когда вошла в церковь, насилу могла перевести дух; я пошла по левую сторону, где меньше было народу, и недалеко от левого крылоса заняла пустое место у стены, между двух очень бедных старушек. До половины обедни я спокойно молилась, но вдруг я заметила, что глаза всех мужчин устремлены на меня, чего никак нельзя было избежать, ибо они стояли на правой стороне, совершенно против меня; добрый мой телохранитель стоял недалеко позади меня. Ещё более меня потревожило то, что двое мужчин неподалеку от меня стояли, и увидела пьяных или сумасшедших, разговаривающих между собой, мне казалось, про меня. Я вспомнила вас, мой ангел. Вот что значит слабость нервов. Мне так сделалось дурно, что я чуть не упала и решила подозвать к себе Кира И. и после была спокойнее, спешила скорее из церкви, никого не видела. Голова и теперь кружится.

В 5 часов пополудни

Только что у меня был весьма интересный разговор с мужем, сейчас вам его перескажу. Он говорит, что слышал, будто с генералом, который командует в нашем корпусе второй дивизией, случился апоплексический

удар, он лежит в параличе, и поэтому есть слух, будто дивизию эту передадут мужу; если же нет, он тотчас же по возвращении императора хочет ехать в Петербург и там возложить устройство своей судьбы на меня. Он обещается, если мне это удастся, сделать для меня все, что я захочу, а самое главное моё желание - съездить в гости к вам. Вы рады? В благодарность за столь приятное обещание я дала слово, что сделаю все, что будет в моих силах, чтобы добиться у императора этого назначения.

Ещё он сказал, что ежели получит эту дивизию тотчас же, то позволит мне поехать к вам осенью. Так что я теперь почти уверена, что так или иначе увижу вас ещё до конца этого года. Разве это не восхитительно, мой ангел? Сообщите об этом Шиповнику и перескажите мне его ответ. Пока я ещё не смею и верить, что такое счастье возможно. Вы скажете, быть может, что это будет стоить слишком много денег, а я вам скажу, что нет, потому что в Риге очень дорога жизнь, а мы именно там будем квартировать, ежели планы осуществятся: к тому же ведь я тогда буду богатой - и жалование большое, и аренда, что и делать с такими деньгами, как не доставлять себе удовольствия в жизни, а для меня единственное удовольствие - это Лубны. Все другие места на свете мне безразличны.

Скажу вам, что мы с минуты на минуту ожидаем Лаптева, а потом корпусного командира. Муж хотел было устроить в его честь обед, но сделать этого не может, потому что не в ладах с Лаптевым [6], а я этому только рада - на мой взгляд, всё это такие ничтожные люди, у меня охоты нет видеть кого-либо из них, всякое новое лицо меня стесняет, не хочу никого видеть. Это очень верно, что "il est dangereux de trop se livrer aux charmes de l'amitie. Ils affaiblissent le gout qu' on a pour les societes ordinaires" {опасно слишком предаваться очарованиям дружбы, ибо она отбивает вкус к общению с другими людьми *(фр.).*}.

Да, мой ангел, после тех приятных бесед, что мы с вами вели, я уже не нахожу никого, с кем могла бы разговаривать. На мою беду, у меня нет середины - всё или ничего - мой нрав таков; я либо холодна, либо горяча, а равнодушной быть не умею. Поговорите-ка с Шиповником о моих планах, будет рад он, если я приеду в сентябре? Как, на ваш взгляд? О, если бы вы могли ответить на это! Если бы могли сейчас услышать меня!

Нынче у нас обедал один молодой человек, он адъютант Магденки [7], брат его дамы сердца, юноша весьма воспитанный и хорошего тона. Можете себе представить, я вышла только к обеду. Для меня просто мучение видеть кого-либо. Он сразу же затеял со мной любезный разговор - как видно, он был изумлен, увидев меня, только я ему, должно быть, показалась странной, чудной, или же глупой: я ведь не похожа на других! Признаюсь, иной раз я немножко кокетничаю, но теперь, когда все мои мысли заняты одним, я уверена, нет женщины, которая так мало стремилась бы нравиться, как я, мне это даже досадно. Вот почему я была бы самой надежной, самой верной, самой некокетливой женой, если бы... Да, но "если бы"! Это "если бы" почему-то преграждает путь всем моим благим намерениям. Можете быть уверенной, что Шиповника я буду любить до последнего своего вздоха, так что не беспокойтесь, несчастных из-за меня будет не так уж много, вы же знаете, что иной раз это получается помимо моей

воли. Так что просто из сострадания к мужскому полу я решила как можно реже показываться на людях, чтобы избавить его от страданий несчастной любви. Впрочем, довольно мне шутить, ангел мой. Это случается со мной только после добрых вестей. Этот дневник весь пропитан моей печалью.

6 часов

Сейчас перечла конец третьего номера и подивилась, какие глупости я там понаписала. Ну, да всё равно - они вас рассмешат, но вы не станете слишком осуждать меня за них и не отвратите от меня своего сердца. Если я заставлю вас посмеяться несколько минут - я этому буду только рада. *Только я вам советую не вдруг читать мой журнал, он может повредить вашему здоровью, и тогда я себе этого не прощу. Ещё раз прошу вас, мой ангел, берегите своё здоровье, если хотите, чтобы я своё берегла,-* нити наших жизней так тесно переплелись между собой, что ни одна из нас не может заболеть, не нанеся ущерба здоровью другой.

Я провела только что целый час в обществе нескольких офицеров нашей бригады и чуть не умерла со скуки. До чего же противные! Но когда ты спокоен, смотришь на них безо всякой досады, словно на китайские тени,- только и разницы, что эти говорят,- но наперед знаешь все их вопросы и ответы. Расстаешься с ними совершенно равнодушно.

Я оставила их заканчивать беседу с моим мужем; вы догадываетесь о предмете их разговоров - единственно доступном пониманию этих людей б_е_з_ _д_у_ш_и. *Бедная я!* Свою душу я стараюсь спрятать подальше, скрыть её, насколько это мне удается, и разговаривать с ними возможно более пошлым тоном.

А теперь, мой ангел, поздравляю вас с именинами дорогого папеньки. Хоть бы вы провели этот день веселее, чем проведет его ваша Анета! Уж верно, в этот день у вас будет и Шиповник. Это будет послезавтра. Я уже представляю себе, как вы, мой ангел, беседуете с милым моим Шиповником, стараясь успокоить прекрасную его душу, которая, я уверена, опечалена будет моим отсутствием. Поговорите с ним обо мне, скажите ему, что я хотела бы быть ему другом. На сей случай хочу привести слова героини моего романа: "Le voir, l'ecouter, etre son amie, la confidente de ses projets... Etre sans cesse temoin des sentiments de cette ame genereuse et sublime... Je ne cederais pas ce plaisir pour l'Empire du monde". *"Его видеть, его слышать, быть его другом, поверенной всех его предприятий... Быть беспрестанно свидетельницей всех чувствований этой*

прекрасной и великой души. Я не уступила бы сего удовольствия за обладание царством вселенной".

Во имя самого неба, прочтите ему этот отрывок, напишите, что он сказал. А вот ещё один: "Les gens qui donnent tout au sens, et ceux qui n'ont que de l'indifference, ne verront dans mon affection qu'un sentiment romanesque. Qu'il est peu de coeurs susceptibles d'aimer! Ils pensent sentir de la passion, de l'estime, ils en peuvent sentir le melange et c'est l'amour le mieux imite. Mais connaissent - ils le feu qui vivifie, cette tendresse animee qui nous jette dans l'oubli de nous - meme et nous transporte, dans une autre sphere, lorsque le bien-etre, l'honneur el la felicite de l'objet que nous aimons y est interesse?" - "*Люди, которые все относят к чувственности, или равнодушные почтут мою привязанность за романическое чувство. Сколь мало сердец, способных любить. Они могут иметь страсть, иметь почтение, они могут чувствовать и то и другое вместе: это только хорошее подражание любви, но знают ли они сей животворящий огонь, сию живую нежность, заставляющую вас забывать о себе, переноситься в другую сферу, когда касается до благополучия и чести обожаемого нами предмета?*"

Не знаю, понравится ли вам этот перевод, в нем, конечно, есть ошибки, но у меня нет словаря. Дайте ему это прочесть, если возможно, мне бы так этого хотелось, не откажите мне, доставьте мне это удовольствие, вы сделаете меня счастливой. Если бы вы были не вы, разве стала бы я говорить вам все это? Но я надеюсь на вашу снисходительность. "Les epanchements d'un coeur, tendre ne peuvent se verser que dans le sein d'une amie qui est affectee de la meme sensibilite" {Излить чувствительное сердце можно лишь на груди подруги, той же чувствительностью охваченной *(фр.).* }. Посылаю вам много писем, перешлите их по адресу, одно из них к Каролине; когда узнаете, где она, отправьте его ей. На сегодня прощаюсь с вами, ангел мой, обнимаю вас, желаю вам доброй ночи и приятных сновидений. Того же желаю и Шиповнику, да хранит его господь и вашу Анету вместе с ним. Прощайте, устала. До свидания, мой ангел.

Понедельник, 28 июня, в час

Все письма готовы, милый друг. Посылаю их вам - одно из них к Каролине. Как грустно мне будет завтра: ведь это также день именин дорогого моего Поля [8]. Поцелуйте его покрепче за меня, мой ангел. Я послала купить что-нибудь, чтобы передать ему. Буду в отчаянии, если ничего не найдут. Мне до того хотелось бы доставить ему удовольствие: я так его люблю. Прошу вас, посоветуйте Шиповнику

прочитать один роман: "Леонтина", соч. Коцебу [9]. Скажите ему, что вам хочется его прочесть, потому что я вам о нём говорила и нахожу в нём много схожего с историей моей жизни. И знаете что? Не будем больше называть его Шиповником, я нашла для него другое, более красивое имя - Иммортель {Иммортель - бессмертник, растение с сухими лепестками.}. Оно соответствует и его чувствам - помните, как однажды он всё повторял слово "вечно", а в последнюю нашу встречу, когда я пожалела, что его шляпа забрызгана грязью и совсем испорчена, он сказал: "Ничто не вечно". Так вот, отныне называйте его Иммортелем.

Прощайте, мой ангел, пора кончать, хотя бы ради того, чтобы поберечь ваши глаза, они, должно быть, устали, если вы читаете всё это подряд. *Итак, вы получите кусочек от вседневного мундира моего, который не возбуждает с_л_а_д_к_и_х _в_о_с_п_о_м_и_н_а_н_и_й.* Только это не цвет моей души, это просто случайность. Я бы предпочла черный цвет.

Три часа пополудни

Уже три часа, и я спешу успеть к почте. Прошу вас, обожаемый друг мой, передайте ему от меня тысячу приветов, скажите, как я благодарна за то, что он сразу же выполнил моё поручение. Я ведь понимаю, как ему, верно, тяжело было прийти в наш дом после моего отъезда. Согласитесь, что это было большой жертвой с его стороны. Вероятно, он был очень взволнован.

Итак, прощайте, моя дорогая. Переймите мою методу писания, то есть пишите что-нибудь каждый день. Прощайте же, мой дорогой, мой нежный друг, поцелуйте за меня дорогого моего Поля, я ничего не посылаю ему, мне это очень грустно. Передайте ему это письмецо, оно будет ему приятно. Бог да благословит вас всех, а в особенности вас и моего Иммортеля. Как только уйдет почта, я снова начну писать вам обо всем, что стану делать,- и так до следующего почтового дня. Мне трудно кончить это письмо - так я всё же с вами, а когда его унесут, я останусь опять одна.

О мой ангел, как я люблю вас! Некоторые отрывки из этого дневника вы можете прочитать милой маменьке. Поцелуйте ей за меня ручки, ножку её больную. Скажите ей, что люблю её так, что и выразить не могу. Скажите, что я готова была бы отдать половину своей жизни за то, чтобы другую половину провести подле неё и подле вас, мой ангелочек и мой друг, моё утешение; моё сокровище. Итак, прощайте, кончаю. Дневник этот сохраните: кто знает, может быть, наступят для нас более счастливые времена, и тогда мы вместе перечитаем его.

И ещё прошу, ради самого бога: берегите своё здоровье ради счастья вашей Анеты. Тысячу раз целую ваши руки, ваши глаза. Иммортелю

передайте, *что я в_е_ч_н_о_ не забуду его одолжения и в_е_ч_н_о_ буду ему благодарна. Христос с вами. Пишите, ради самого бога.*

1820. Псков

29 июня, 1 час пополудни

Какой грустный у меня сегодня день! А между тем погода прекрасная, ярко светит солнце, оно озаряет всю природу, оно согревает, живит все, что дышит; одну меня оно не может согреть. Я хотела бы, чтобы день этот был не так хорош: плохо, когда природа находится в противоречии с душой нашей. Верно говорится: *"К_о_г_д_а _н_а _с_е_р_д_ц_е_ _н_е_н_а_с_т_н_о, _т_а_к _и_ _в_ в_ё_д_р_о _д_о_ж_д_ь _и_д_е_т".*

*Я была в церкви, в с_о_б_о_р_е, там было людей очень мало, потому что весь beau monde {*высший свет *(фр.).} был у праздника. Я, по обыкновению, очень прилежно богу молилась, вспоминая Иммортеля. Я воображаю, что у вас в Лубнах сегодня очень весело, но не для вас, мой ангел; я знаю, что вы думаете о вашей Анете и сожалеете, что её с вами нет,* а Анету между тем снедают мимоза, жасмин, ноготки и все страдания, что неизменно сопутствуют мимозе, и никто представить себе не может, каково ей. О, сегодняшний день принесет мне много бед.

6 часов

Слава богу, день почти прошел. За обедом мой драгоценный супруг заставил меня пережить маленькую неприятность, и я, совсем позабыв ваш добрый совет не принимать подобные пустяки близко к сердцу, чуть от этого не заболела.

Вы знаете, что люди всегда склонны по себе судить о других, и вот из-за невинной шутки мой дорогой супруг рассердился - сперва на то, что повар не ему, а мне пришёл сказать, что он нынче именинник, а когда я, желая его оправдать, во время обеда пошутила, что это по моему департаменту, муж вообразил, будто я этим хочу напомнить, что повар принадлежит мне. Я думаю, будь я даже на такое способна, ему не следовало говорить это перед прислугой и своим дураком адъютантом. Но как же можно меня, столь деликатную в таких вопросах, заподозрить в подобной низости и так компрометировать перед всеми этими невеждами! Вы же понимаете, мой ангел, что тут никакая философия, никакой стоицизм не помогают, и относиться к этому хладнокровно нельзя! Я, признаться, от этого прямо

заболела и сказала ему причину, когда он меня спросил. Но разве ему что-нибудь втолкуешь?

Меня против моей воли заставили поехать на прогулку, а вернувшись, я нашла визитную карточку Лаптева, который нарочно выбрал это время, чтобы нанести нам визит. Говорят, он очень зол на моего дорогого супруга. *Сейчас был у нас Кир И. и спешил скорей уйти, боится долго оставаться.*

Я по-прежнему много читаю,- что бы я без этого стала делать! Читаю романы, дабы рассеяться. Что бы ни говорили против такого рода чтения, я считаю, что ничто не может лучше успокоить мои страдания. Соболезнуя героине романа, её любви, я занимаю свой ум и отвлекаю себя от мыслей, которые завладели мной целиком. Будь это серьезная книга, я бы в ней всё равно ничего не поняла,- даже если бы вздумала читать её вслух, потому что ум мой, сердце, воображение неотступно заняты лишь одной и той же мыслью. По-прежнему делаю выписки из всего, что читаю, и по-прежнему буду посылать их вам, милый друг.

Июня 30-го в 7 часов вечера

Сегодня мне не о чём писать вам, мой ангел; занятия мои все так же однообразны, ничто в них не меняется; встаю я очень поздно, потому что только тогда и счастлива, когда сплю.

Хотела нынче ехать с визитами, но, на моё счастье, лошадь повредила ногу, и теперь все откладывается до завтра. Я бы рада была и вовсе от них избавиться, но это совершенно невозможно: вчера губернатор [10] сам приезжал поздравить меня, а я в какой-то степени ему обязана, это у него я брала кибитку, без которой не могла бы приехать к вам [11]. А он денег брать за это не хочет, ни за что не хочет.

Забыла вам рассказать, за что мой муж сердит на Магденку: вы знаете, что мой муж всегда был неразборчив в выборе приятелей, чему доказательством Пётр Мартынович. Помните то забавное письмо, которое я получила от некоего Андреева. Я слыхала от Магденки, что это самый настоящий сумасшедший, человек очень злой, да к тому же ещё интриган, так вот, муж сказал, что кто-то ему доложил, будто Магденко хвастал тем, что очень мне помог с моей поездкой (в сущности, это чистая правда, но, я уверена, он слишком благороден, чтобы такое сказать). И я не сомневаюсь, что это Андреев наговорил на него мужу, чтобы их поссорить. Я просто счастлива, что мне не пришлось видеть этого человека. *Я теперь верю предчувствиям: помните ли, как я сердилась и была недовольна*

этим глупым письмом? Письмо моего мужа насчёт Магденки огорчило меня не меньше. Нужно вовсе не иметь никакого характера, чтобы полагаться на свидетельство какого-то сумасшедшего против человека, которому он стольким обязан и который, мне кажется, достаточно доказал свою дружбу.

Но довольно об этом, мой ангел, теперь поговорим обо мне. Вспоминаете ли вы меня еще? Разумеется, вспоминаете - сужу по своему сердцу, а также по небольшому отрывку, который я только что перевела и, с вашего позволения, привожу здесь: "Si l'on sent une cruelle peine en s'eloignant des lieux ou reside un objet cheri, il est plus douloureux encore de le voir disparaitre de ceux ou l'on reste apres lui. Une seule personne aimee semble emporter avec elle tous les agrements du sejour qu'elle quitte; son idee se retrace sans cesse, ranime le souvenir du plaisir que donnait sa presence; leur privation repand le degout a l'insipidite de tous les autres; chaque instant est marque par le regret d'un moment heureux; et pour une ame tendre tous le jours de l'absence sont des jours perdus".

Если это верно, если у него столь чувствительная душа, как мне показалось, он, должно быть, страдает, и даже больше, чем я. Но больше меня страдать невозможно! И хоть здешние места совсем не связаны с ним, память о нём столь глубоко врезалась в мою душу, что уже самый контраст между нынешними и минувшими днями рождает о нём воспоминания. Присовокуплю русский перевод:

"Горестно удаляться от мест, обитаемых любезным предметом; но ещё стократ горестнее оставаться в тех местах, от коих она (он) удаляется. Одно любезное существо, кажется, уносит с собою все приятности сего места. Образ её носится там беспрестанно и возбуждает воспоминания тех удовольствий, которые доставляло её присутствие; лишение оных распространяет скуку и отвращение на все прочее; всякая минута знаменуется сожалением о счастливейшей, и для нежной души дни отсутствия есть потерянные дни в жизни".

Я рада, ежели он думает об этом так же, как я и как автор "Христины", откуда я это выписала. А вы меня не браните, мой ангел, уповаю на доброту и снисходительность ваши, мой дорогой друг. Близко ли вы, далеко ли - я всегда говорю с вами совершенно откровенно. На сегодня прощаюсь, мой ангел. Расстаюсь с вами, чтобы пойти распорядиться

насчёт ужина, муж сейчас вернулся с учений, он всегда бранит меня, что я все занимаюсь. Он привез мне вишен - это здесь первые; а вы их там кушаете? Как бы я рада была поделиться ими с вами - от этого они стали бы для меня во сто крат слаще!

Все фрукты напоминают мне о тех апельсинах, которые я давала Иммортелю; а те, что он подарил мне, я ела дорогой и бережно храню от них корки в старой бумажке, которая, по счастливой случайности, попала мне в руки и оказалась исписанной его почерком - приказ по дивизии.

Прощайте, мой ангел, желаю вам доброй ночи, а также моему любезному Иммортелю, да посетят приятные сновидения вас обоих, ведь вы да ещё моя добрая маменька - самое дорогое, что есть у меня на свете.

Июль, 1820, 1-ое число;

Добрый день! Будьте здоровы, обожаемый; друг мой, так здоровы, как я вам того желаю. Я нынче прямо в ужасе - у нас будут к обеду посторонние, м_у_ж_ч_и_н_ы - старый генерал, два наших полковника и подполковник; нашего олуха адъютанта я не считаю, он как бы свой. Я бы отдала все на свете, чтобы избавиться от необходимости видеть этих людей, но чтобы доставить удовольствие мужу, придётся их принять. Не подумайте только, что моё отвращение к ним объясняется их возрастом или же недостаточной их учтивостью - вовсе нет - будь они даже прекрасны, как Антиной, и любезны, как Фонтенель [12], всё равно я чувствовала бы то же. Ничто так не тяготит меня, как необходимость казаться веселой, когда мне грустно. Вы ведь сами, милый друг, сотни раз бранили меня за то, что я не научилась притворяться, хоть это и необходимо в этом мире.

Только что муж подарил мне прелестное платье. Он получил его от некоей г-жи Бибиковой в благодарность за то, что выполнил её поручение в Риге. Очень красивый узор, особливо просветы хороши. Спешу вам его переслать с покорнейшей просьбой - велите сделать вышивку на кушаке и лифе и сообщить цену. Я не хочу, мой ангел, чтобы вы так деликатничали со мной в этих делах. Деньги могут понадобиться вам на лекарства. Вы же знаете, как я была бы счастлива оказаться вам полезной; так что сделайте милость, не церемоньтесь со мной, мой добрый друг, не то я вынуждена буду действовать совсем иначе, когда придет надобность просить вас о чём-либо, и тогда, вы это понимаете, между нами не станет прежнего доверия, а уж от этого я бы пришла в полное отчаяние. Так что, помня ваши обещания, уповаю, что вы время от времени постараетесь доставлять мне случай быть вам полезной.

Мне сегодня предстоит сделать визиты губернаторше и полковнице, которая уже была у меня первая. А 6-го, кажется, мы устраиваем торжественный обед в честь корпусного командира, он будет дан от лица

всей бригады у нас в доме, что позволит избежать неприятностей с приглашением Лаптева и даст ему возможность отказаться. Меня - на моё счастье - на обеде не будет по той причине, что там будут одни мужчины. Это не очень-то учтиво, но я от этого просто в восторге: оба полковника глупы до чрезвычайности и, на мой взгляд, предурно воспитаны. Им следовало бы дать бал, чтобы поддержать честь второй бригады; сегодня уже почти окончательно решили, что обед будет устроен в складчину и на нём будут только мужчины; ещё дан будет бал, тоже в складчину и тоже в нашем доме. Будет фейерверк, а я и полковница будем принимать гостей. Увы!

6 часов

Вернулась из гостей. Губернаторша и её муж премилые люди, так же как и все, кого я там видела. Меня очень хорошо принимали, а от полковницы я узнала, что, судя по всему, наш бал состояться не может. Самое большее будет обед, да и то не наверное.

10 часов

Желаю вам доброй ночи, милый мой друг. Забыла рассказать вам, что видела нынче этого ужасного Андреева. Вошел он, когда мы уже собирались вставать из-за стола. Трудно представить себе что-либо более безобразное - лицо отвратительное, просто отталкивающее. Добрейший *Кир. И.* сделал мне знак глазами, он ещё раньше предупреждал меня, что это человек опасный, особливо для меня. Поэтому я старалась избежать разговора с ним; однако я заметила, что он не отрывает от меня глаз; немного поколебавшись, он подошёл ко мне и спросил несколько странным тоном - долго ли я ещё оставалась дома после возвращения отца, я отвечала ему очень сухо и коротко, что после его приезда оставалась ещё две недели, потом воцарилось молчание; я спросила, знаком ли он с моим отцом? Он ответил, что да, после чего, видя, что я не расположена продолжать разговор, спросил, сколько лет моей дочке, которая сидела подле меня. Я ответила, что ей два года, и отвернулась. Он и во второй раз пытался заговорить со мной, только я на его вопрос не ответила, и на этом дело кончилось. Я теперь совершенно убедилась - да и муж в том признался,- что это он сказал ту ложь насчёт Магденки, я в этом была уверена. А теперь скажите, разве не права я была, когда рассердилась на то противное письмо и на письмо моего мужа, где он обвиняет Магденку?

Чем больше я узнаю этого человека, тем более убеждаюсь, что он достоин моего уважения. На сегодня довольно. Доброй вам ночи, мой ангел. Желаю сладких сновидений Иммортелю.

2 июля

Я очень плохо провела сегодня ночь, мой ангел. Вчера я долго не могла уснуть. Перед глазами моими все стояло последнее прощание. Признаюсь вам, что намеренно не прогоняла от себя эти опасные и сладостные мысли, чтобы видеть приятные сны, но нет, этой ночью небо отказало мне в таком утешении. Нынче я мужа ещё не видела, хотя уже почти полдень, он ушёл до того, как я проснулась. Я встала, прошла в свой кабинет и там пила чай, как всегда в полном одиночестве, потом взяла книгу и тут вдруг, к удивлению своему, услышала гром. В Лубнах он никогда не бывал для меня столь неожиданным, потому что там, вставши, всегда первым делом глядела на облака, чтобы знать, хорошая ли будет погода, и даже угадывала по их движению, хороший ли будет вечер, но теперь мне это безразлично, и я только для того и взглядываю на небо, чтобы увидеть, не в нашу ли сторону плывут тучи, и тогда я спокойна за дорогую мою маменьку; и я призываю бога-громовержца посылать грозы лучше сюда, а не тревожить мирный покой лубенских жителей. Пусть наслаждаются они всегда ясным небом, пусть будут довольны и счастливы и пусть не забывают, что есть на свете душа, которая только о том и мечтает, чтобы разделить с ними это счастие.

Мне сейчас пришла в голову забавная мысль, и хоть вы, может быть, скажете, что я слишком самонадеянна и что-нибудь ещё, всё равно я выскажу вам её. Представьте, я сейчас мельком взглянула в зеркало, и мне показалось чем-то оскорбительным, что я ныне так красива, так хороша собой. *Верьте или не верьте, как хотите, но это истинная правда.* Мне хотелось бы быть красивой лишь тогда, когда... ну, да вы понимаете, а пока пусть бы моя красота отдыхала и появлялась бы в полном блеске, лишь когда я того хочу. Вот странная мысль, наверно, скажете вы?

Половина шестого

Какая тоска! Это ужасно! Просто не знаю, куда деваться. Представьте себе моё положение - ни одной души, с кем я могла бы поговорить, от

чтения уже голова кружится, кончу книгу - и опять одна на белом свете; муж либо спит, либо на учениях, либо курит. О боже, сжалься надо мной!

Мне нужно вам признаться в большой слабости, но ведь я обещала ничего от вас не скрывать. Представьте себе, мой ангел, что я иной раз нахожу успокоение в мыслях о некоем счастии в грядущем, надежды на которое вы часто мне внушали; это одни лишь мечты, одно воображение, не следовало бы и думать об этом, не правда ли? Но что вы хотите, не могу от этого удержаться. *Кто не желает себе добра?* И всякий раз, когда я думаю о том, что буду вознаграждена за свои страдания, мне вспоминаются наши разговоры с вами и те горячие пожелания счастья, которые вы мне высказывали. Неужели преступление желать себе счастья? Мысль эта ужасна. Ответьте мне, мой ангел, успокойте меня, ради самого неба. Бог мне свидетель, зла я никому не желаю, напротив, желаю ему всякого счастья, только чтобы я к этому не имела отношения. Как мне выдержать подобную жизнь? О дорогой мой друг, приободрите же меня своими письмами, своими советами, утешьте меня, мой ангел, напишите мне о добродетелях Иммортеля. Я была бы в отчаянии, если бы он оказался недостоин моей любви, я бы себе этого не простила, это сделало бы меня навеки несчастной, ибо я люблю его так, что и выразить нельзя, люблю в нём решительно все; чем больше я думаю, тем яснее вижу, что это - настоящая любовь. Всё то, что при моём характере в других меня отталкивает, в нём мне нравится, вот, например (не стану говорить о его притягательности, о его очаровании), я веселая, а он всегда серьезен, и что же, мне это в нём мило; я люблю танцевать, а он не танцует, и что же, я нахожу это очаровательным, мне даже кажется, что это ему идёт. Впрочем, я танцевала с ним польский, до чего же я была тогда счастлива, да и он тоже - ни за какие царства не уступила бы я этого счастья - так радостно было держать его руку. При одном воспоминании у меня начинают литься слезы. До чего я слаба, боже мой! Простите меня, мой ангел! Для этого вам понадобится вся ваша снисходительность. Но не отказывайте мне в том, что может послужить мне утешением. Пишите мне об Иммортеле, ведь правда, есть какая-то мелодия даже в самом его взгляде,- воспользуюсь премилым выражением, которое я только что прочла. Другого такого взгляда нет в целом мире. Я сейчас нашла в конфектах красивый билетец, только я переделала его по-своему, вот он:

Je partage ses gouts, toute ma jouissance

Serait dans son aimable entretien.

O, quand il danse, j'aimerais la danse,

Apres l'avoir quitte je n'ai du gout pour rien. {*}

{* У меня с ним одни вкусы. Все моё счастье

В любезном разговоре с ним.

Когда он танцует - и я бы танцевала,

В разлуке с ним мне ничто не мило *(фр.).*}.

Покидаю вас, иду на прогулку с Катенькой [13]. Она торопит меня, до свидания, мой ангел, страстно прижимаю вас к сердцу.

В 7 часов

Вернулась с прогулки, но моцион не пошёл мне на пользу - у меня закружилась голова, так что, придя домой, я вынуждена была лечь, чтобы восстановить силы. У меня побаливает грудь, и я чувствую какую-то слабость. Но не беспокойтесь, мой ангел, постараюсь сохранить своё здоровье, чтобы любить вас.

Нынче вечером, в 8 часов, приезжал ко мне с визитом господин Бибиков с дочерью, г-жой Фигнер, молодой вдовой, очень любезной особой; она выказала весьма большое ко мне расположение и обещала приехать ещё завтра поутру, прежде чем возвращаться к себе в деревню - это за 10 вёрст отсюда, она нарочно приехала в город, чтобы посетить меня. В воскресенье, то есть послезавтра, предполагаю поехать туда на целый день. Хочешь не хочешь, а надобно понемногу выезжать и встречаться с людьми, чтобы не быть совсем затворницей, а то ведь я покидаю свою комнату только на время прогулок, да и это время провожу в закрытой карете.

Полночь

Только что прибыл П. Керн [14], он крайне со мною мил, говорит всякие любезности, то и дело целует ручки, поэтому волей-неволей и я с ним довольно приветлива, вы ведь знаете, какое у меня доброе и чувствительное сердце - тотчас же отзовется на всякое изъявление дружбы. А вот поучать себя я, разумеется, ему не позволю. Я думаю, что мне не дадут больше уделять столько времени моему писанию. Вот даже сейчас муж выговаривал мне за это, так что приходится отложить перо. Доброй вам ночи, мой ангел-хранитель, господь да благословит вас и его также.

3 июля в 10 часов

Только я проснулась, мой ангел, как принесли ваше прелестное письмо,

за которое бесконечно вас благодарю. Но признаться ли? Я не вполне им довольна, оно так коротко и вызывает у меня опасение - не больны ли вы? Да хранит вас от этого бог, милый мой друг, пишите мне так, как я вас о том просила - каждый день понемножку, а если вам не разобрать будет моего маранья - попросите у (неразб.) увеличительное стекло.

Вчера после ужина у меня не было времени, чтобы написать вам о разговоре, который был у нас за столом, а между тем он достаточно интересен, чтобы вы о нём узнали. Речь шла о графине Беннигсен [15], у которой, как утверждает мадемуазель, она служила. Муж стал уверять, что хорошо её знает, и сказал, что это женщина вполне достойная, которая всегда умела превосходно держать себя, что у неё было много похождений, но это простительно, потому что она очень молода, а муж очень стар, но на людях она с ним ласкова, и никто не заподозрит, что она его не любит. Вот прелестный способ вести себя. А как вам нравятся принципы моего драгоценного супруга?

Полдень

Только что уехала г-жа Фигнер, и теперь я тверже, чем когда-либо, решила никого больше у себя не принимать и ни к кому не ездить. Терпеть подобные неприятности в присутствии посторонних - это уж слишком. Я больше не могу. Нужно вам сказать, что мой дорогой супруг их не жалует, а причина в том, что там часто бывает молодежь из нашей бригады, и он не хочет, чтобы я там с ними встречалась. Она просила меня снова увидеться нынче поутру, как только встану с постели, и принять её в моём кабинете, чтобы не стеснять мужа. Так он сговорился со своим дорогим племянником, вошёл ко мне с любезнейшей физиономией и всякими своими *обинякáми* начал, ни с того ни с сего, что он-де "человек не светский", а простой солдат, и, уж по правде говоря, вполне доказал, что он п_р_о_с_т_о_й, потом привел своего племянника и начал его укорять, что вот, дескать, его я видеть не пожелала, и всё это с хитрой усмешкой, которая всегда у него бывает, когда он собирается сказать что-нибудь двусмысленное. Они со своим любезным племянником все время о чём-то шепчутся, не знаю, что у них там за секреты и о чём они говорят... а я так несчастна! Господин Керн вбил себе в голову, что должен всюду сопровождать меня в отсутствие своего дядюшки, и, мне кажется, собирается отправиться завтра к Бибиковым. *Я не знаю, как отделаться, а и там не будут ему рады, он держится так важно, бог весть отчего.*

Вы и теперь будете говорить, что счастье моё зависит от меня? Конечно, нет. Для этого вы слишком разумны. Итак, он считает, что любовников иметь непростительно только когда муж в добром здравии. Какой низменный взгляд! Каковы принципы! У *извозчика* и то мысли более

возвышенные; повторяю опять, я несчастна - несчастна оттого, что способна всё это понимать. Пожалейте вашу Анету, ещё немного - и она потеряет терпение. Вот какой этот п_о_ч_т_е_н_н_ы_й, этот д_е_л_и_к_а_т_н_ы_й, этот д_о_б_р_ы_й человек, этот ч_е_л_о_в_е_к _р_е_д_к_и_х _п_р_а_в_и_л. Пусть поймут, как велика та жертва, на которую меня обрекли. *Содрогнутся!* О, как жаль мне несчастного моего отца, если он любит меня и если есть у него глаза. Только ежели он станет говорить с вами об этом, скажите ему, что страдаю я не из-за одной ревности.

Половина четвертого

Признаться, меня немного мучила совесть - следует ли мне огорчать вас, поверяя вам все свои горести, но я полагаю, что неполная откровенность была бы ещё хуже. C'est aux jours de l'affliction que l'ame va reposer et s'epancher dans celle d'un ami avec cette confiante exactitude, qui n'appartient qu'a elle. Ceux qui pretendent que par delicatesse ont droit de cacher ses chagrins a ceux qu'on aime, injurient l'amitie ca son plus charmant caractere est de s'emparer des peines et de partager les plaisirs. On aime peu son ami ou on le malestime quand on lui ravit le droit de sentir tout ce qu'on eprouve {Именно в дни скорби ищет душа успокоения, изливаясь душе друга с той доверчивой откровенностью, которая присуща дружбе. Те, кто полагает, будто дозволено из деликатности таить свои горести от тех, кого любишь, оскорбляют дружбу, ибо самое пленительное её свойство - брать на себя горести друга и разделять его радости. Не любит или не уважает своего друга тот, кто отнимает у него право чувствовать всё то, что испытывает он *(фр.).*}.

Я нахожу, что это очень верная мысль, думаю, вы будете того же мнения.

Половина одиннадцатого

Сегодня, как обычно, была на прогулке. Г-н Керн сопровождал нас верхом, мы видели, как проехал Лаптев. Мне стало известно, что Магденко старался примирить с ним мужа - это сообщалось в письме (неразб.) к Киру И., ещё он ему написал, будто Лаптев согласен на это примирение из-за меня, потому что он меня любит и уважает. Все-таки мне это приятно. Завтра буду у обедни и увижу Лаптева. Меня занимает, как произойдёт эта

встреча. Ещё одна новость. Император проедет через Порхов 9-го числа, муж собирается поехать встречать его. Бог знает, что выйдет из этого. В газетах пишут, будто в Париже собралось 20 тысяч человек и все кричали: "Да здравствует Наполеон!" - и хотели прогнать короля. Говорят, будто от этого может случиться война. Как бы хорошо! Говорят, охотно веришь тому, чего желаешь. Вот и я готова этому поверить. *Ещё говорил сегодня один наш знакомый генерал, что он видел какой-то огненный столб - что значит война.* Прощайте, драгоценный мой друг, отдыхайте хорошенько, молитесь за вашу Анету. Забыла написать, что завтра я вместе с Катенькой еду в гости за 10 вёрст отсюда, так что у меня до самого вечера не будет больше времени беседовать с вами, может быть, целый день будет пропущен.

Ещё должна вам сообщить, что П. Керн собирается остаться у нас довольно надолго, со мною он более ласков, чем следовало бы, и гораздо более, чем мне бы того хотелось. Он все целует мне ручки, бросает на меня нежные взгляды, сравнивает то с солнцем, то с мадонной и говорит множество всяких глупостей, которых я не выношу. Все неискреннее мне противно, а он не может быть искренним, потому что я его не люблю. Сколько бы он ни притворялся, не может и не должен он меня любить, слишком он обожает своего дядюшку, а тот совсем меня к нему не ревнует, несмотря на все его нежности, что меня до чрезвычайности удивляет,- я готова думать, что они между собой сговорились, ведь вы же знаете, какой мой муж подозрительный. Не всякий отец так нежен с сыном, как он с племянником. Ах, когда бы была жива та женщина, как было бы хорошо, я тогда не знала бы Керна, жила бы себе подле вас, счастливая, спокойная, и дневник этот не был бы столь печален. Прощайте, мой ангел.

11 часов, 4-го числа

Вернулась от обедни, где горько плакала, моля бога, чтобы он ниспослал мне терпения, ибо мне оно нужно более, чем когда-либо. Молитесь за бедную Анету, невинную жертву судьбы; ничего больше написать не могу. В церкви было много народу, но меня никто не видел и Лаптев ко мне не подходил.

9 часов

Вернулась из гостей. Меня очень хорошо принимали, была только их

семья, которая состоит из отца, матери и четырех дочерей, одна из них вдова. Они премилые люди. Были там ещё двое молодых военных, один нашего полку, другой плац-адъютант, очень любезный и хорошо воспитанный молодой человек. Он целый день все возился с Катенькой, и, нужно сознаться, она нынче держалась прелесть как мило, а я, как могла, старалась тоже держаться полюбезнее, потому что с самого начала не могла заставить себя быть веселой. Мы гуляли, потом несколько раз прошлись в вальсе, а в половице седьмого я уехала, к великому сожалению всего этого милого семейства. Вот я уже и дома, мой ангел. П. Керн выехал верхом нам навстречу, я предложила ему сесть в карету; он как будто бы очень меня любит и становится со мною все более и более предупредительным. Он словно мне сочувствует и очень удивляется поведению своего дядюшки, говорит, что тот стал неузнаваем.

Понедельник, 5-го числа, в 10 часов

Здравствуйте, очаровательный мой друг. Вчера, слава богу, мне было чуточку повеселее. П. Керну удалось рассмешить меня своими шуточками, и мы целый вечер с ним смеялись. Муж отправился спать раньше нас. Как непринужденно и свободно чувствуешь себя с тем, к кому не испытываешь н_и_к_а_к_и_х ч_у_в_с_т_в. Он очень красивый мальчик, со мной очень любезен и более нежен, чем, быть может, хотел бы показать, и, однако, я совсем к нему равнодушна; верите мне теперь, что я люблю Иммортели? Слушая безвкусные комплименты Керна, я все вспоминаю милое и такое красноречивое молчание моего Иммортеля. *Я решилась не посылать вам остаток от лифа, а просить вас вышить талию, это будет слишком долго дожидаться. Вчера я узнала от Кира И., что Лаптев желал бы помириться, он думает, что я на него сердита и для того так стояла в церкви, чтобы меня не видали; он очень хорошо про меня говорит и сказал, что истинно для меня только хочет с ним помириться. Я не знаю, как это кончится, знаю только, что я права со всех сторон и преспокойно буду сидеть в своём кабинете и рассуждать о суете мирской. Меня сегодня хотели лишить последнего утешения и за расчетом посылать только раз в месяц мой журнал, но я буду платить за него, если нужно, трудами собственных рук моих, но не лишу добровольно себя этого утешения. Итак, посылаю вам только узор, который очень хорош. Если вы будете себе шить платье, то пусть*

будет такое, а больше никому не давайте. Прощайте, мой ангел. Христос с вами. Сейчас уйдет почта, мой ангел, пусть, дорогой мой друг, получите вы это письмо в таком добром здравии, какого я вам только желаю. Нынче видела его во сне и так была этим счастлива! Во имя неба, мой ангел, никому не рассказывайте об истории с Лаптевым. На днях приедет Магденко, и я очень рада буду его видеть. О, право же, он достойный человек. Итак, прощайте. Когда он приедет, я, может быть, смогу написать вам что-нибудь более приятное. Прощайте, мой ангел, пусть небо благословит вас и его тоже. Тысячи раз целую моего нежного, дивного друга и прошу его помнить о своей Анете.

1820, 6-го июля

Только что видела доброго, милого, уважаемого г-на Магденко, он нынче только приехал. Я была вне себя от радости, увидев его. Тому, кто печален, несчастлив и одинок, как я, так радостно видеть истинного друга, принимающего в нём участие и сочувствующего его страданиям. Представьте себе, мой ангел, что я чуть было не бросила писать свой дневник. Моя неосторожность едва не стала роковой для нашей переписки.

3 часа

Теперь всё это позади, и я вновь вам пишу, дабы по-прежнему поверять вам свои поступки и мысли. Его низость до того дошла, что в моё отсутствие он прочитал мой дневник, после чего устроил мне величайший скандал, и кончилось это тем, что я заболела. Сегодня мне уже лучше, и все превосходно уладилось - об одном только жалею,- что не осталась у вас подольше,- зачем не продлила я своего счастья? Но вы этого требовали. Представьте, он вчера мне заявил, что ежели я чувствую себя такой несчастной, нечего мне было и возвращаться, раз уж он меня отпустил, а он, разумеется, оставил бы меня в покое и не стал бы ни приезжать за мной, ни принуждать меня жить с ним, раз я все время колеблюсь. Вот вам его принципы, его образ мыслей. Чем больше я его узнаю, тем яснее вижу, что любит он во мне только женщину, все остальное ему совершенно безразлично. Магденко отправился обедать к Лаптеву, уходя, он просил позволения у меня и мужа на то, чтобы попытаться их примирить. Когда он вернется, сообщу вам, что из этого вышло.

7-ое

Все кончено. Только что ушёл от меня Магденко. Все его усилия помирить мужа с Лаптевым ни к чему не привели; он заявил, что считает его смертельным врагом. Он сказал Магденке, что ничто, никогда не поколеблет его уважения ко мне, что он навсегда сохранит ко мне величайшее почтение, но мужа будет ненавидеть до последнего своего вздоха. Нужно вам сказать, что племянник держится престранно - то он до невозможности нежен, а то словно бы осуждает моё поведение. Я буду просто в восторге, когда меня избавят от него.

Полночь

Только что провела несколько прелестных часов в обществе достойнейшего Магденки. Лишь теперь я по-настоящему узнаю его, и чем больше вижу, тем больше люблю. Вы представить себе не можете, как он выигрывает при более близком знакомстве, ум его основательнее и тоньше, чем это кажется вначале. Все сомнения мои рассеялись, мы поговорили с ним вполне откровенно, он мне сказал, что с первой же минуты знакомства меня понял. Он признался, что характер мужа весьма затрудняет дружбу с ним, что у них уже было немало размолвок, но что он усвоил себе особую манеру обращения с ним и готов вынести от него что угодно, чтобы только не потерять моего расположения. Он до такой степени сумел изучить все оттенки моего характера, что понимает меня без слов. Я с увлечением говорила ему о вас, он знает вас и любит. Даже во время моего отсутствия он сумел оказать мне услугу, отговорив мужа от намерения написать неприятное письмо моей милой маменьке, в ответ на полученное от неё, словом, *настоящий меценат,* поистине бесценный человек. Кончаю, как и начала - похвалой ему. Прощайте, мой ангел. Доброй вам ночи, милый друг, и Иммортелю тоже.

8-е, 6 часов

Сегодня у нас был торжественный обед. Лаптев не приехал, хотя обед был дан от лица бригады. Обед был великолепный, лучшие фрукты и лучшие вина. Я, как вы знаете, на нём не присутствовала, но корпусной командир г-н Гильфрейхт, который вообще женщин не любит, а меня видел только раз, спросил у мужа обо мне, и завтра снова будет у нас к обеду, нарочно, чтобы иметь случай меня видеть. Это желание разделяет с ним и

его адъютант. Возможно даже, что ещё нынче вечером я буду иметь честь поить их чаем, если только они не слишком поздно вернутся с маневров. Так что, волей-неволей, мне придётся показываться. Дорогой племянничек мне все больше и больше не нравится, особенно когда он берется давать советы. Эта их дурацкая самоуверенность выводит меня из себя. *Что досадно, что не знают, где её употребить.*

Скажу вам ещё, мой ангел, что поскольку Лаптев так открыто выражает свою враждебность, Магденко советует перейти в другую дивизию. Вы, может быть, подумаете, зная мою привязанность к вам и к моим дорогим родителям, что я стану просить мужа перевестись в 15-ю дивизию. Ни в коем случае. Напротив, поскольку он насчёт этого подумывает, я постараюсь, как могу, его от этой мысли отговорить. Магденко обещал меня поддержать, а то ведь при его характере он не уживется с Роттом и двух дней, а уж если вдобавок будет ещё ревность, вряд ли это кончится так мирно, вспомните, каков он был с Сакеном и даже с младшими офицерами. Теперь то же самое с Лаптевым, но у этого-то хоть дурной характер, а Сакен - само спокойствие, и будь на его месте Ротт, ссора эта имела бы совсем другие последствия.

Итак, не предполагайте меня видеть в Лубнах в 15-й дивизии - и вот мои доводы: 1) я не хочу, чтобы мои родители каждую минуту видели, до какой степени я несчастная; 2) чтобы избежать необходимости каждую минуту краснеть от стыда, что, как вы понимаете, весьма тягостно; 3) мне невыносимо будет жить в такой близости от Иммортеля; 4) не хочу вас всех стеснять и своим присутствием делать вас окончательно несчастной. Заранее уверена, что вы согласитесь со всеми этими доводами. Можете даже изложить их моему отцу, ежели он настолько слеп, что думает, будто мы когда-нибудь сможем жить все вместе.

Я только что ела чудесные вишни. Представьте себе, четыре вишенки на одной тонкой веточке, одна над другой. Я в первый раз видела такое маленькое чудо и прежде всего подумала о вас, милый друг мой. Как я счастлива была бы разделить их с вами.

9-го в 10 часов вечера

Весь нынешний день я так была занята, что только сейчас нашла свободную минуту. У меня обедал корпусной командир, губернатор и ещё несколько человек. Они уехали сразу после обеда, а я такую чувствовала

слабость, что по сю пору пролежала в постели. Сейчас только встала, но собираюсь снова лечь. Муж ужинает, а я пишу. Я себя очень дурно чувствовала сегодня, должно быть, из-за всех этих треволнений, они расстроили мне нервы. Прощайте, бесценный друг мой, благослови вас бог, будьте здоровы. Хоть бы ваше письмо, которого я жду с превеликим нетерпением, принесло мне весть о том, что здоровье ваше поправляется. Поверьте, только это способно заставить меня переносить мою жизнь вдали от вас и всех тех, кто мне дорог. Доброй ночи, милый мой друг, я очень устала, *совсем ослабела, бог с вами, моя родная.* Подтвердите Иммортелю, хотя бы намеком, как близко к сердцу я принимаю его судьбу. Ещё раз прощайте, не могу больше.

Ваша Анета вечно.

1820, 10 июля

Я вне себя от волнения: узнала новость, от которой сама не своя. Говорят, Кир И. получил какое-то известие. Я уверена, что оно касается Иммортеля. Он присылал сказать, что придет показать мне письмо от своей жены. Я все потом перескажу вам, мой ангел, там, конечно, должно быть что-то для меня. Видели бы вы, в каком я состоянии! Я так волнуюсь! Хоть бы он поскорее приходил. У меня есть тимьян, я мечтала лишь иметь резеду, с моей мимозой нужно много желтой настурции, чтобы скрыть ноготки и шиповник, которые мучают меня. Благодаря утрате резеды, оринель взял такую силу, что вокруг уже нет ничего, кроме ноготков, тростника и букса. Нет в моём цветнике (неразб.). Вот каково состояние моего сада. Покидаю вас, нужно одеваться. До свидания, после все узнаете.

10 часов вечера

Его я не видела, а, следовательно, ничего нового не узнала. Ноготок меня не оставляет, есть у меня большой лютик, дабы что-нибудь узнать, и нет желтых кувшинок, пока я немного не успокоюсь. Прощайте, мой ангел, доброй вам ночи, спите спокойно. Завтра воскресенье, пойду к обедне. Да будут услышаны горячие мои молитвы о вашем выздоровлении.

11-е, 9 часов утра

Никаких известий. У меня нет больше терпения. Остается только слабая

надежда на сегодняшнюю почту. Не браните меня, мой ангел, а пожалейте. Прощайте, иду в церковь.

11 часов вечера

Только я вернулась из церкви, как меня стали уговаривать ехать к одной даме в деревню, на обед. Мне совсем этого не хотелось, но чтобы доставить удовольствие драгоценному супругу и дорогому племяннику, пришлось согласиться. Так как платье было не в порядке, бедную А. А. стали бранить самым свинским образом, она не в силах была это стерпеть, и вот с завтрашнего дня она рассчитана. Разве не нрава я была, что ничего ей не сказала по этому поводу, ведь я хорошо знаю её характер, но, на моё несчастье, человек сколько-нибудь стоящий не сможет у меня жить. Завтра я её отпускаю, заплачу ей за покрывало и пояски, которые вы просили вышить. Надо сознаться, работа очень тонкая. Прощайте, мой ангел, будьте здоровы, и да хранит нас господь во святой троице.

12-е, 9 часов утра

Я только что встала, и мне тут же было объявлено, что её больше ни одной минуты не желают терпеть в доме. Будь это из-за её поведения, я бы ему простила, но нет, это чистый каприз, глупое самолюбие, которое задето тем, что она отказалась остаться, когда он просил её об этом, после того как её так обидел. Какая жизнь ждет всякого, кому придётся служить у меня!

Ничего более приятного я сообщить вам не могу, разве только то, что в лагере будет бал у двух наших полковников. Я была бы счастлива, если бы могла на нём не быть, но думаю, что это будет невозможно. Прощайте, добрый мой ангел, единственное моё утешение, единственный друг мой. Я часто размышляю о дружбе, что связывает нас, и каждый раз прихожу к заключению, что дружба та же любовь, ибо чаще всего мы любим характеры, противоположные нашим. Очень верно сказано: "Quand les ames s'entendent, les esprits n'ont pas besoin de se ressembler. Nous aimons peut-etre d'avantage celui qui differe de nous par les manieres. Il n'est pas necessaire que les caracteres soient absolument semblables si la base des sentiments est la meme" {Когда души понимают друг друга, умы могут быть и не схожи; мы, быть может, более любим того, кто отличается от нас. Нет необходимости в полном подобии характеров, если основа чувств одна и

та же *(фр.).*}.

Наша дружба тому доказательство, милый мой друг, а в отношении любви вы можете найти тому подтверждение опять же на моём примере. *Мы совсем разных свойств, но души наши и правила одинаковые, и вот почему существует между нами симпатия.* "Amour, tu blesses avec promptitude, tu gueris lentement quand c'est l'ame que tu a atteinte!" {Амур, ты ранишь в одно мгновенье, ты медленно исцеляешь душу, которой коснулся! *(фр.)*}

Пришел дорогой племянничек и стал меня утешать на свой лад - говорит, что не из чего мне огорчаться, раз мой муж и ребёнок в добром здравии. Мне немалого труда стоило объяснить ему, что сострадать чувствительному сердцу может лишь тот, кто сам способен чувствовать! Я присутствовала при выдворении мадемуазель и теперь совершенно разбита, чувствую себя очень скверно, бог знает чем всё это кончится. Но прошу вас, мой ангел, не тревожьтесь. Не пугайтесь, даже если я захвораю: тот, кто желает себе смерти, не умирает,- я буду жить долго, чтобы любить вас и страдать, так уж мне на роду написано, и я безропотно подчиняюсь своей судьбе. Ещё раз не пугайтесь, ежели я немного заболею; для меня это будет только счастьем; это избавит меня, по крайней мере, от необходимости выходить из комнаты и показывать своё людям несчастное лицо.

Как грустно течет для меня время. У Вольтера есть такой стих:

Ciel, que le temps est un bien precieux,

Tout se consume et l'amour seul l'emploie {*}.

{* О небо, какое драгоценное благо - время. Оно истребляет все, и одна только любовь властна над ним *(фр.).*}

А я так скажу, что над временем властвуют и любовь и дружба. "Amitie, que tu as de charmes! Heureux qui t'inspire, encore plus heureux qui l'eprouve" {Дружба, сколько в тебе очарованья! Блажен, кто внушает это чувство, ещё блаженнее тот, кто его испытывает *(фр.).*},- говорит г-жа де Пьенн [16].

Раз уж я все вам про себя рассказываю, расскажу, что только что прочитала прекрасный роман "Два друга" г-жи де Пьенн, где очень хорошо и подробно даны портреты этих двух друзей. Не стану говорить, который из двух больше мне по душе, пока не узнаю вашего мнения; вы, конечно, догадываетесь, что это тот, у которого больше сходства с Иммортелей. Присоединяю на отдельном листочке небольшой отрывок оттуда.

Я так и знала, что он напишет маменьке, будто выгнал мадемуазель единственно ради её удовольствия. О, какая это неправда! *Разуверьте маменьку, пожалуйста, потому что прежде он и не думал поспешить сделать ей это удовольствие, а вдруг взбесился, наговорил грубостей, после того* как сам же просил её остаться, но когда она отказалась, он из самолюбия или уязвленной гордости не позволил ей провести в доме даже одну лишнюю ночь. *Прощайте, мой бесценный ангел. Христос с вами и со мною также. Прощайте ещё раз. Вот уже почта пришла, и нет писем. Бога ради, пишите хоть каждую неделю. Обнимаю вас тысячу раз. Я завидую иногда иным людям* и очень часто говорю вслед за г-жой Пьенн: "Qu'ils sont heureux ceux donl les sentiments sont d'accord avec la vertu et que les remords ne ternissent pas" {Как счастливы те, чьи чувства согласны с добродетелью и кого не омрачают угрызения совести *(фр.)*.}.

Прощайте же, милый мой ангел, ради бога будьте здоровы. *Приласкайте за меня маменьку мою родную, скажите ей, что я её без души люблю, обожаю. Попросите её, чтобы она чаще ко мне писала. Христос с вами. Грустно, очень грустно, да нечего делать.* Скажите Иммортелю все, что вы сочтете возможным, я никогда не забуду его, это немыслимо. Прощай все, что только есть у меня дорогого на свете. Катенька вам шлет поклон, она прелестна, так ещё ребячлива, я очень люблю её, она единственное моё утешение. Прощайте, мой ангел. *Не хочется расстаться, покуда ещё можно что-нибудь сказать, а все - старое, или что вы давно, давно уже знаете. Я с нетерпением считаю числа теперь в ожидании ваших писем и приезда милого Магденки. Прощайте ещё раз. Ежели приехал Коссаревский, заставьте его доделать картинку, как я вам писала. Скажите Иммортелю, что в_е_ч_н_о я не забуду.*

Ваша Анета.

1820, июля 14-го, в 11 часов вечера

Мне так грустно сегодня! Никаких известий от вас, вы забыли обо мне. Все меня покидают! Я очень несчастна! Вот уже две почты прошли, а от вас ни единой строчки. Я нынче целый день плачу. Боже мой! А вдруг вы заболели? Эта ужасная мысль непереносима. Как ни мучительно мне было бы ваше небрежение, я бы предпочла, чтобы именно оно явилось причиной отсутствия писем от вас. Я растеряла свои мысли, свои способности, ничего не думаю, ничего не чувствую, ничего не делаю. Была минута, когда я испугалась, уж не схожу ли я с ума, представьте, вдруг как-то, помимо собственной воли, я стала повторять каждую минуту: писем нет,- и от этих слов горькие слёзы текли из глаз моих. Мне нет надобности говорить вам, что все окружающее меня здесь не способствует тому, чтобы я чувствовала себя счастливой. Мне уж лучше быть одной, нежели выслушивать плоские шуточки, которые отпускает

драгоценный племянничек. Как противно видеть молодого человека столь распущенного - никакой деликатности, и мысли у него самые грязные. Вот что меня здесь окружает. Уже два дня, как она уехала, никто не приходит, так что когда нет у меня охоты наслаждаться этой приятной беседой, я совершенно одна. Как грустно мне читать восхитительную книгу г-жи Сталь [17] и не иметь подле себя никого, с кем я могла бы поделиться прекрасными местами, кои там встречаются.

Всю переписку с другими я забросила, берусь за перо, только чтобы писать к вам, и *точно могу сказать: беру перо. Им начертать могу лишь имя несравненно.* Спокойной ночи, мой ангел.

15-го, в 4 часа пополудни

Ничего нового не могу сообщить вам сегодня, милый друг мой. Я не могу сказать: "Les journees se suivent mais ne se ressemblent pas" {Дни следуют друг за другом, но не схожи между собой *(фр.).*}. К несчастью, мои дни ужас до чего однообразны. Мой драгоценный супруг только и делает, что с утра до вечера лежит и курит. Мне, по крайней мере, от этого спокойнее, если только от меня не начинают требовать, чтобы и я проводила время таким образом. Ах, боже мой, нет у меня больше терпенья, уверяю вас. Не знаю, что со мной будет. Бедная я! Пожалейте меня, ради самого бога, молитесь за меня, а главное, утешайте меня своими письмами. Я с таким нетерпением жду следующей почты! Перо падает из моих рук.

10 часов вечера

Никакой перемены. Все та же однообразность, все та же печаль. Навестил меня *Кир И.,* говорит, что Лаптев справлялся у него насчёт моего здоровья, а как услышал, что тот меня не видел, тут же велел ему пойти ко мне во второй раз и продолжать бывать в нашем доме, чтобы никто не подумал, будто это он ему запрещает. Мы пробыли вместе всего несколько минут, поговорили о вас, о Лубнах, и это было для меня словно несколько капель живительного эликсира, от которого ко мне возвратились силы. Не браните меня, но ежели мне теперь представится случай соединиться с вами, я не стану упускать его. Особенно если племянник вздумает поселиться рядом с нами. Нет, право, я не вынесу подобной жизни. Сегодня он стал говорить, что хочет ехать через всю Россию повидаться с нашей - то есть своей - родней, а закончится это путешествие Лубнами, и уж там мы и останемся. Спросил, буду ли я этому рада. Я, признаться, ответила ему совершенно искренне, что в его обществе мне решительно все равно, где жить, а племянник добавил: то есть в любом месте невесело. Вы понимаете, что я на это промолчала, а муж тогда говорит:

коли так, отправитесь на Украину к своим родным, а я поеду к своим, и племянник сказал, что он-де возьмёт *Катеньку с собой,-* на что я сухо ответила, что на это у него нет права, и вышла. Нет, честное слово, и с одним-то Керном трудно жить, а уж когда их двое - это просто непереносимо. Нет у меня больше сил.

Прощайте, мой ангел, ласковый, нежный друг мой. Будьте здоровы, богом прошу вас, на коленях умоляю, поберегите для меня драгоценное своё здоровье. Что со мной будет, если вы расхвораетесь! Храни вас господь. Доброй вам ночи, сейчас буду молиться за вас и за... Прощайте, да пребудет с вами ангел-хранитель, и да ниспошлет он вам сладкие сны.

16-го, в 11 часов утра

Здравствуйте, нежный друг мой! У меня ничего нового. Я по-прежнему читаю "Германию" г-жи Сталь, вы представить себе не можете, как это прекрасно. Буду делать оттуда выписки и в точности перепишу их для вас. Как хорошо поняла она сердце человеческое. Как, должно быть, она чувствительна и добродетельна.

В 10 часов вечера

Вернулась из деревни, куда ездила с визитом, это в четырех верстах отсюда. Муж пожелал, чтобы племянник поехал вместе со мной, а тот не стал отказываться - я уже писала, что он на свой лад очень нежен со мной, когда мы остаемся одни, все сетует, что я-де его не люблю. Мы провели там два часа. Это весьма приятные люди, которые очень меня любят. Возвратись домой, мы застали у нас некоего г-на Пальчикова, премилого господина. Он обещал одолжить мне книг и фортепиано, за что я ему весьма благодарна, это развлечет меня, а то я и вправду стала совершенной мизантропкой.

Особенно делается мне грустно в вечерние сумерки; мною тогда до такой степени, овладевает меланхолия, что я никого не желаю видеть, и если в такие минуты слышу звук какого-нибудь инструмента, слёзы так и льются потоками из моих глаз. Единственное утешение - это моя дочка, она удивительно как привязана ко мне и очень ласковая.

Представьте, она сразу же замечает, когда я чем-либо огорчена, ласкается ко мне и спрашивает: "Кто вас обидел?" С каждым днём она становится все милее, для своего возраста она даже весьма разумна, и

мне нравится, что у неё есть деликатность. Вообразите себе, видит она однажды, что муж сидит на её месте. Она подходит к нему, смотрит на него, затем оглядывается вокруг, словно ищет места, и говорит ему: "Где бы вам сесть?" Не правда ли, это очень учтиво и тонко для ребёнка её лет? Вы, быть может, скажете мне: вот вам и утешение, дорогая Анета, вот вам средство от всех ваших горестей. Нет, мой добрый ангел, ничто не может рассеять моей печали. Да, разумеется, иной раз дитя моё приносит мне минуты утешения, но ко всему этому всегда примешивается печаль.

Никакая философия на свете не может заставить меня забыть, что судьба моя связана с человеком, любить которого я не в силах и которого я не могу позволить себе хотя бы уважать. Словом, скажу прямо - я почти его ненавижу. Каюсь, это великий грех, но кабы мне не нужно было касаться до него так близко, тогда другое дело, я бы даже любила его, потому что душа моя не способна к ненависти; может быть, если бы он не требовал от меня любви, я бы любила его так, как любят отца или дядюшку, конечно, не более того.

Прощайте, мой ангел, доброй вам ночи, я не заметила, как летит время, когда я с вами, я забываюсь. Эта фраза напомнила мне..., но нет, прочь воспоминания, пусть не смущают они мой сон. Нужно сказать вам, что мне нынче снилось, будто сюда приехала мой ангел - маменька. Какой сладостный то был сон и как я была счастлива! Ну, спокойной ночи, а то я никогда не кончу. Спите спокойно, а главное, пусть я вам приснюсь - вам и Иммортелю.

17-е, 10 часов вечера

Мне нечего написать вам о сегодняшнем дне, чувствую себя совсем больной - у меня жар и ломота во всех членах. Иду спать. Спокойной ночи, мой ангел. Думайте о вашей Анете.

18-е, воскресенье, 2 часа дня

Нынче я в церкви не была, потому что дурно себя чувствовала, и на улице дождь. Утром были у нас с визитом два адъютанта Лаптева, после их ухода я снова взялась за свою книгу, своё утешение, за г-жу Сталь. Только что прочла замечательный отрывок, он очень близок мне по мыслям, и, хоть и очень длинен, я не могу лишить вас удовольствия и переписываю его здесь: "L'ame est un foyer qui rayonne dans tous les sens.

C'est dans ce foyer que consiste l'existence. Toutes les observations et toutes les philosophies doivent se tourner vers ce "moi", centre et modele de nos sentiments et de nos idees. Sans doute l'incomplet langage nous oblige a nous servir d'expressions erronees, il faut repeter suivant l'usage: tel individu a de la raison ou de 1'imagination ou de la sensibilite etc.; mais si l'on voulait s'entendre pas un mot, on devrait dire seulement: il a de l'ame, il a beaucoup d'ame. C'est ce souffle divin qui fait tout l'homme" {Душа есть некий фокус, от которого во все стороны расходятся лучи света. В этом фокусе и сосредоточено бытие человека. Все наблюдения и все философии должны обращаться к этому "я", вместилищу и образу наших чувствований и наших идей. Разумеется, бедность нашего языка вынуждает нас пользоваться неверными выражениями и повторять вслед за другими: такой-то умен, или чувствителен, или обладает воображением и т. д. Но если бы люди захотели понимать друг друга с первого слова, достаточно было бы сказать: в нём есть душа, у него много души. Вот это-то дуновение и выражает собой всего человека *(фр.).*} (разве не прекрасно это сказано, мой ангел, и разве это не верно?). "Aimer on apprend plus sur ce qui tient aux mysteres de l'ame que la metaphisique la plus subtile (это неоспоримо). On ne s'attache jamais a telle ou telle qualite de la personne qu'on prefere et tous les madrigaux disent un grand mot philosophique en repetant que c'est pour un, "je ne sais quoi" qu'on aime, car ce "je ne sais quoi" c'est l'ensemble et l'harmonie que nous reconnaissons par l'amour, par 1'admiration, par tous les sentiments qui nous revelent ce qu'il y a de plus profond et de plus intime dans le coeur d'un autre" {То, что происходит в тайниках души, более научает нас любить, нежели самая искусная метафизика... Предпочитая кого-либо всем другим, мы исходим отнюдь не из того или иного его достоинства, и все любовные вирши выражают великую философскую истину, всячески повторяя, что любят за "нечто неизъяснимое". Это "нечто" - та целостность, та гармония, которая предстает нам через любовь, через восхищение, через все те чувства, кои открывают нам в сердце другого самую глубину его, внутреннюю его сущность *(фр.).*}.

Какая она прелесть, г-жа Сталь, я преклоняюсь перед ней, и, однако, мне кажется, что не всякому дано уметь любить это "нечто неизъяснимое" и понимать чувства того, "в ком есть душа, много души". Если увидите г-на Ротта, дайте ему прочитать этот отрывок, я уверена, что он ему понравится.

7 часов вечера

Совершили небольшую прогулку до лагеря. Муж остался там на музыке, а мне не захотелось - слишком много там народа, а это так мучительно чувствовать себя совсем одной среди множества людей. Весь город туда ездит, целая толпа. Вчера ездила туда полковница в сопровождении многих других дам, думаю, она и сегодня там. Муж даже настаивал, чтобы я поехала, но я отказалась и решила, что поеду, только если уж невозможно будет отказаться. Никто про меня не скажет, что я люблю развлечения.

Только что пришёл П. Керн, зовет меня с ним прогуляться пешком. Пойду, а то я все сижу, мне это будет полезно. До свидания.

Понедельник в 11 утра

Вчера мы пошли гулять и незаметно дошли до самого лагеря. Мы были от него уж совсем близко, как вдруг повстречали Лаптева верхом; он учтиво мне поклонился и сказал: *"Я имел честь быть у вас с моим почтением, но меня не пустили",* а я ответила, что очень сожалею, что он не застал меня дома. Потом он говорит: *"Я всегда привык вас почитать". Я поклонилась и пошла дальше. Пришедши в лагерь, мы сели в карету и слушали зорю.* Потом ко мне подошло несколько офицеров. Пришел муж, сел к нам в карету, и мы поехали. Дорогой вышел горячий спор насчёт Лаптева. Мне было заявлено, *что я как женщина должна была его хорошенько отбрить. Но я думаю, что в самых больших ссорах учтивость не неуместна.*

Прощайте, добрый мой ангел. Почта отправляется нынче, а я от вас ничего ещё не получила. Поверьте, не знаю, куда деваться от тоски, видно, я рождена для печали, она со мною неразлучна. Ещё раз прощайте. Передайте от меня поклон Иммортелю. Передайте ещё г-ну Ротту, что Кайсаров на него сердит за то, что он ему не пишет.

Прощайте ещё раз, ради бога будьте здоровы, и ежели мои глупости слишком вас расстраивают, я ради вашего здоровья найду в себе силы отказаться от радости писать вам. Тысячу раз целую ваши прекрасные глаза, хоть бы вы не разлюбили меня, а уж я-то вас люблю. *Забыла вам сказать, что Анна А. поехала в Одессу и, верно, будет у вас, проезжая через Лубны. Прощайте ещё раз, моя бесценная. Христос с вами. Я*

обнимаю вас очень крепко. Прощайте и молитесь за вашу Анету. Пишите, ради бога.

Псков, 1820, 19 июля, 8 часов вечера

Отправила сегодняшнюю почту, вас она всё-таки порадует, а вот вы меня забыли, от вас ничего нет. *Сейчас привезли мне фортепиано, но очень расстроено, никакое воображение не сможет доставить с_л_а_д_к_о_г_о _в_о_с_п_о_м_и_н_а_н_и_я. Сейчас, я слышу, в лагере бьют зорю - у вас в это время, может быть, также бьют зорю? Но какая разница! Вспоминаете ли вы меня иногда? Как грустно в_е_ч_н_о _п_и_т_а_т_ь_с_я _м_е_ч_т_о_й, в_о_о_б_р_а_ж_е_н_и_е_м! А это только моя пища. Это меня заставило вспомнить очень справедливые стихи французские, которые были написаны на стене в станции:*

Dieu fit la donce Illusion

Pour les heureux fous du bel age,

Pour les vieux fous - l'Ambition,

Et l'Etude pour le sage {*}.

{* Бог создал сладостную мечту

Для счастливых безумцев юных лет,

Для старых безумцев - честолюбие

И науку - для мудрецов *(фр.)*.}

Они довольно справедливы, но не всегда можно питаться этой сладкой мечтой, часто вздыхаешь о сущности.

Полночь

Спокойной ночи, милый друг. *Я сейчас, имела большой спор с мужем.* Представьте себе, он рассказывает, будто Каролина к нему была неравнодушна и будто взглянуть на него не могла без того, чтобы не покраснеть от радости. Какое преувеличенное мнение о самом себе и какого дурного мнения он о женщинах! А я так полагаю, ежели бы все холостяки на него были похожи, замужним женщинам ничего ни стоило бы сохранять свою добродетель. Это наименее опасный мужчина из всех, кого я знаю, а ведь он-то воображает, будто никто не может перед ним устоять. Даже сомнений у него на этот счет нет, его самонадеянность придает ему

уверенности. Но довольно об этом предмете. Доброй ночи, мой ангел, спите спокойным сном, и пусть приснюсь я вам - и Иммортелю.

20-го, в 6 вечера

Была сегодня у обедни вместе с П. Керном. Вообще последние дни мне ничего не хочется, я злая, сама себе противна, я больна, то есть нехорошо себя чувствую, только вы не пугайтесь, это не опасный недуг, и тут-то мне нет удачи - а я словно окаменела - хожу, разговариваю, иной раз даже смеюсь - и при этом не испытываю никаких чувств. Все делаю, как автомат, только тоску свою чувствую, а когда по утрам и вечерам молюсь богу, все чувства мои оживают, и я горько плачу.

8 часов

Только что вернулась с прогулки - мы с П. Керном совершили прелестную поездку в карете до дома архиерея. Дом этот расположен в трёх верстах отсюда, на высокой горе, у подножья которой течет красивая река Великая [18]. Мы вышли из кареты, отыскали едва заметную узкую тропинку, спустились по ней к реке и там гуляли по большим камням, любуясь прекрасными видами, расстилавшимися перед нами со всех сторон. *Я удивляюсь, что мы никого не встретили на таком приятном месте, что означает дурной вкус жителей, которые имеют такие грубые чувства, что не сумеют восхищаться величественной красотой природы. Однако же мы нашли одного уединенного человека, сидящего между двух больших камней на самом берегу реки; удочка его лежала без действия; и он сидел задумавшись; я долго на него смотрела, хотела спросить, кто он такой, но боялась быть нескромною и подумала - может быть, он влюблен, а свой своему поневоле друг.*

Я не думаю, чтобы Анна Петровна всё это думала, гуляя со мной, потому чистосердечно признаюсь, я ей не давал покою ни одной минуты {Написано П. Керном. *(Примеч. А. П. Керн.)*}.

Вообразите, какой повеса - выхватил перо и написал.

Пролежало на столе без всякого действия {Тоже. *(Примеч. А. П. Керн.)*}.

Экой шалун! Но вы этому посмеетесь, моя бесценная, и я очень рада, если наши глупости вам принесут хотя немного удовольствия. Он очень милый мальчик, и я замечаю, что он очень ко мне расположен, и я думаю, на этот раз не ошибаюсь.

11 часов

Был у меня только что небольшой разговор с П. Керном. Он признался мне, что мать его была замужем, но тайно, а такой тайный брак законной силы не имеет. Вот от этого она и умерла. Как мне жаль бедную женщину, хотя она уже теперь не страдает! Значит, не для меня одной существование этого человека оказалось гибельным. И подобному

существу я была принесена в жертву! Какие усилия приходится мне делать над собой, чтобы не роптать на судьбу. Доброй вам ночи, мой ангел, я замечаю, что невольно все возвращаюсь к одному и тому же предмету. Спите спокойно, спокойнее, чем бедная ваша Анета.

22-го, 6 часов

Вы удивитесь, мой ангел, что я пропустила целый день, не писавши вам, я вчера была в отчаянном положении, самому неприятелю моему не желаю половину того чувствовать, что я чувствовала. Обманутая надежда в получении писем ужасно терзала мою душу, целый день я почти была в беспамятстве, сильная истерика к вечеру привела меня в совершенное расслабление, чтобы испытать хоть ночью покой, я стала сама купать Катеньку, и это утомление доставило мне несколько минут беспокойного сна. Я и теперь не могу придумать, что значит ваше молчание. Ужели хотите вы сделать мою жизнь ещё более горькой? Ради самого неба, успокойте меня. Я не стала бы жаловаться, если бы мои страдания могли бы привести меня к смерти, но они только изнуряют меня, делают мне жизнь ненавистной, не приводя её к концу. Вчера пришёл Кир И., я была ещё в постели, и племянник предложил провести его прямо ко мне. Видимо, он был взволнован, увидев меня в этом состоянии. Я спросила, нет ли писем, он ответил, что есть одно, полученное 14 мая, я настоятельно просила дать мне его прочесть, и он дал. Что за слог, какая восхитительная манера выражаться! *Я переписала для себя.* Он пишет, что ему кажется, будто папеньке известно, что он нас сопровождал. Не из-за этого ли вы все стали так несправедливы ко мне? Ведь папенька ни разу не написал мне с тех пор, как возвратился из Нежина. Во имя всего, что вам дорого, успокойте меня. Ещё Иммортель пишет про то, какая тоска царила у нас в доме, когда он пришёл туда в первый раз. Он с восторгом говорит о вас, о маменьке, о том, что в ту минуту ему показалось, будто он член нашей семьи, но тут же добавляет: *восхитительная, обманчивая мечта!* И я подумала, что в глубине наших сердец мы чувствуем: он в самом деле к ней причастен. Какой могла бы я быть счастливой, если бы... Прощайте, мой ангел, молитесь за меня. Ещё немного - и я сойду с ума. О боже, сжалься надо мной! Обнимаю вас.

1820-го, 22-е, 11 часов веч.

Я не знаю почему, но я стала гораздо покойнее по окончании 13-го

номера моего журнала, я думаю, что это потому, что я вверила вам, мой ангел, все тяготившее мою душу.- Я стала после этого разумнее и более терпеливо дожидаюсь следующей среды. Разговор с добрейшим Киром И. успокоил меня. Мы с ним говорили о вас, об Иммортеле, о милой маменьке, и это был бальзам, смягчивший мои страдания.

Доброй ночи, мой ангел, ради бога, будьте спокойны, я тоже почти что успокоилась. Не знаю, как могла я даже на одну минуту подумать, что должна чего-либо опасаться, когда у меня там вы - *меценат мой бесценный, я ничего не должна бояться, имев такого друга и защитника, утешителя и покровителя, всё вместе,* словом, ангела-хранителя. Отдыхайте хорошенько, а я отдыхаю с думой о вас, своём счастье и спокойствии.

24-го утром

Бог услышал хоть одну мою молитву, и сегодня поутру я получила милые ваши строки. Прежде всего обняла очень крепко милого и доброго П., что он поспешил меня сам обрадовать. Потом разорвала печать, по обыкновению со слезами. Я не могу равнодушно видеть одного начертания руки вашей, точно так как... Судите, как я вас обожаю. Маменькина рука производит во мне некое нежное чувство, но ваша и папенькина производит почти одинаков, восхитительное, приятное, тяжелое, мучительное, усладительное чувство. Заснувши вчера со слезами, я вас видела во сне, очень неприятным образом: мне казалось, что я лежала вместе е вами в угловой на постели (обманчивая мечта!). Но вот что странно: я не чувствовала того сладкого удовольствия, которое я всегда ощущала, быв с вами вместе; что-то тяготило грудь мою; вы жаловались, что вы всегда одни, что вы нездоровы; вдруг мы услышали ужасный крик, и нам сказали, что маменьке сделалось дурно. Это потрясение меня разбудило, а несколько минут спустя я получила неоцененное письмо ваше. Ради самого бога, продолжайте утешать меня, мой бесценный ангел. Я все думаю, я близка к отчаянию. Вообразите, что нет не только дня, но ни минуты, когда бы я была спокойна. Теперь ужасная будущность терзает мою душу. Богу угодно посылать ко мне всякого рода испытания. Ежели любя наказует, то он меня очень любит. Простите, я почти ропщу. Вы одни, я уверена, примете участие в моем, горестном положении. Вы одни поймете,

услышите, почувствуете мою душу. Вы одни знаете, мой ангел, что отнюдь не из легкомыслия я не хотела, чтобы у нас были дети. Что может быть ужаснее, чем страдать ради человека тебе ненавистного? Это жестокая правда, но я с вами откровенна. Нет тех мук, которые я с радостью не перенесла бы ради того, кого люблю, нет ничего сладостнее, чем страдать из-за человека, коего обожаешь. Вы ведь помните, как я ждала первого ребенка, а чего только не пришлось выстрадать бедному моему сердцу от грубого обращения, и когда я была беременной, и во время родов, и потом, вместо благодарности за перенесенные страдания. Нет, невозможно описать, в каком я отчаянии, мой ангел. Будь вы здоровы, я, кажется, стала бы умолять вас приехать и спасти меня, но это ведь невозможно, да я и не хочу отнимать вас у тех, для кого вы служите утешением и кто мне дороже самой себя, то есть дорогих моих р_о_д_и_т_е_л_е_й, дорогого П_о_л_я. С великим нетерпением жду следующей почты; хоть бы она принесла мне какое-то утешение; впрочем, я могу ждать его только от неба. Однако есть нечто, что могло бы сделать мою жизнь менее невыносимой; это уверенность, что я не утратила любви своих друзей и родителей; когда бы к знала, что они сохранят её навеки, мне, быть может, достало бы мужества и далее нести эту тяжкую ношу жизни. *Но кто меня в этом уверит? Вы мне пишете о папеньке, а не пишете его слова, что он говорит,* он ведь так красиво говорит, знаете, кабы вы пересказали мне его собственные слова, вы очень бы тем меня порадовали, и каждое его слово, каждый слог я бы запечатлела в самой глубине моего сердца. Так вот, умоляю вас, мой нежный друг, как станете пересказывать мне ваш с ним разговор, перескажите также и то, что в_ы _с_а_м_и говорили.

Вы, однако, ничего не пишете о моём здоровье. Как я рассеянна - видите ли, хотела сказать: о вашем, но это все равно. Итак, вы ничего не говорите о м_о_ё_м здоровье, продолжаются ли ваши спазмы. Я думаю, и из письма вашего видно, что они вас не так часто посещают. Дай бог, чтобы это была правда, единственное моё утешение. Я всякий день воссылаю теплые молитвы ко всевышнему о сем. Пусть некоторые холодные люди удивляются моей нежной, может быть, беспримерной привязанности. Я им скажу "хотя любить - тужить, но не любить - не жить". Итак, я хочу терзаться, тужить и жить, покуда богу будет угодно переселить меня в вечность. Прощайте, моя бесценная,

утешительного ничего не имею вам сказать, пора бросить перо.

2 часа пополудни

Сейчас ездила немножко прокатиться в надежде, что это рассеет мои мысли, но тщетная надежда. Как грустно, когда приходится сказать себе: мне не на что больше надеяться. Зачем вы прогнали меня от себя? Зачем переполнили чашу моих страданий? Можно ведь было не разлучаться, а найти какой-нибудь предлог, чтобы прожить у вас ещё хотя бы несколько месяцев. Он ведь сам сказал, что лучше было мне остаться, чем, возвратись, чувствовать себя такой несчастной. Мне большого труда стоит не роптать на своего отца, и я часто (невольно!) спрашиваю себя: зачем не захотел он узнать мою душу, такую любящую? Зачем обрек её на то, чтобы она никогда не знала любви без угрызений совести?

Боже, прости мне сей невольный ропот, ты, видящий все тайники души моей, прости мне ещё раз за всякую мысль, всякое слово, вырвавшееся у меня от непереносимой муки...

10 часов вечера

Что за счастливый день. Я ездила в баню; приезжаю, до смерти спешила домой, и нахожу посылку. Чуть-чуть не бросилась на шею адъютанту нашему, так в эту минуту мне он угодил, но опомнилась, и никогда не была ещё к нему так ласкова, благодарила его с жаром. О, как я сегодня счастлива, мой ангел, благодарю вас тысячу раз за все присланное. За вуаль я давно уже заплатила и ещё дала 9 рублей за пояски. Теперь благодарю вас за прекрасную закладочку и поясочек. Прошу вас, мой ангел, прислать мне шитья. Я буду продавать и надеюсь скоро же иметь случай достать дешевых и хороших чулок из Митавы. Спасибо вам за резеду, я положила её у своего сердца и никогда с ней не расстанусь.

Сделайте милость, посылайте к нам почаще такие праздники. Вы не поверите, как скоро от вас получат письма, то здесь пляшут и скачут, а без этого мы должны все плакать {Написано Е. Ф. Керном. *(Примеч. А. П. Керн.)*}.

Не могла отказать ему перо. Он непременно хотел приписать. Не думайте, однако, что он что-нибудь знает. Адъютант распечатал пакет, он передал его мне самой, и я дала ему прочесть только то, что можно. За

свои письма не беспокойтесь, мой ангел, мне всегда передают их в собственные руки, и за свои я тоже спокойна. Я совершенно уверена, что никакого риска здесь нет. Я той же почтой всегда пишу и маменьке, так что все пока благополучно.

Спасибо вам также за стихи, они прелестны; и вправду, нет ничего драгоценнее дружбы. Насчет Трумера ничего вам не скажу, мне досадно, что вышло такое огорчение. Письмо ваше прелестно, только одно меня в нём огорчило - как могли вы подумать, что я люблю вас меньше, чем вы меня. Выбросьте эту мысль из головы, ангел мой, милый друг мой, клянусь спасением своей души, что нет на всем божьем свете никого, кто способен был бы любить вас нежнее, чем ваша дочь, та, что всегда с вами откровенна и не боится обнаружить перед вами даже свои недостатки, рискуя потерять вашу дружбу и ваше уважение, ибо знает всю вашу снисходительность.

Завтра воскресение, пойду в церковь, дабы возблагодарить создателя за дарованный мне счастливый день, *это правда, что по вере вашей будет вам и то также, что за богом молитва не пропадет. Прощайте, мой бесценный ангел,* завтра уже буду знать, получено ли письмо, и тогда в точности отчитаюсь перед вами.

25-го, в 5 часов вечера

Нынче утром я была у обедни, видела в церкви Кира И., он сказал, что пришло письмо, только он его ещё не получил; жду его с минуты на минуту, чтобы узнать, что за письмо. Вы и вообразить себе не можете моё нетерпение, только л-б-вь моя может с ним сравниться. Не осмеливаюсь написать сие слово полностью. Я спряталась в дальнем углу, но он меня всё же заметил и поклонился.

Только что пришли сказать, что ко мне приехали гости.

Сейчас гости уехали, пили у меня чай. А Кир И. все не идёт, не знаю, что бы это значило. А между тем мне не хотелось бы отсылать этот дневник, ничего не сказав по поводу книги. Скажите, мой ангел, показывали ли вам мою записку и что о ней думают?

Муж сейчас в лагере, там, кажется, небольшое празднество для мужчин. Нынешней ночью, а может быть, и завтра, мы ждем генерала Кайсарова, о котором, кажется, я вам говорила, что он необычайно со мной любезен.

Когда он уедет, я вам напишу; к тому же после него я ожидаю визита Магденки, так что следующей почтой смогу сообщить вам что-нибудь более интересное. Сейчас я ужасно неспокойна, от нетерпения сама не своя.

Как я благодарна вам, дорогой друг, за все, "то вы для меня делаете, какой Поль милый [19], что он благодарит вас и просит поберечь ваше здоровье, я просто в восторге, что он выучил: "Je t'aime tant" [20], и ни капли не удивляюсь, что он говорит его так выразительно, ведь он и обычные слова произносит выразительно.

Хоть вы мне этого не говорите, но я вижу, что вы одобряете мой вкус, как с нравственной стороны, так и в отношении внешности.

Поговорим о другом. Вы, мой ангел, словно выговариваете мне за А. А. А я вам на это скажу, что как приехала, так сразу сказала мужу, что надобно найти няню, а её рассчитать, потому что мне её обхождение не нравится. Так ему угодно было тянуть время, он этим не занялся, а потом вдруг, ни с того ни с сего, вспылил из-за какого-то платья и наговорил ей всяких грубостей. Потом сам же до того дошёл, что просил её остаться, а когда она не захотела (чему я очень была рада), тогда он ни минуты лишней не позволил ей оставаться в доме. А теперь, чтобы перед вами выглядеть правым, он пишет маменьке, что-де сделал это, чтобы ей угодить. Прошу вас, мой ангел, оправдайте меня перед папенькой, а то я вижу он гневается на меня, если судить по эпитету к имени Анны А. в его последнем письме; никогда он так мне не писал; сделайте милость, скажите ему, что я слишком была бы несчастна, если бы заслужила его недовольство, а ведь у меня не осталось никакого другого утешения, кроме любви моих родителей. Слишком жестоко было бы отнять её у меня.

Я думаю, вы не можете жаловаться на мою леность, мой бесценный ангел, но я вас прошу (хоть эта просьба и дорого мне стоит), ежели вам тяжело много писать, то не пишите так много, только непременно раз в неделю и так, как я вам сказала.

Он приходил, только ещё не получил, обещал завтра прислать.

Не бойтесь ничего, мой ангел, и не беспокойтесь, я буду осторожна, насколько это возможно. Будте здоровы, ради меня, а главное, верьте в нашу дружбу, которую ничто не может омрачить. Напишите мне, пожалуйста, сколько Полю исполнилось лет, спросите его, как поживает его семья, мне хотелось бы знать имя его матери, и если есть у него сестры, в каких краях они живут и как их звать. Надеюсь, вы всё это мне

сообщите, а ежели станете читать ему из моих писем, перескажите мне потом, что он говорил, только перескажите собственные его слова.

Муж вернулся из лагеря, где были танцы, да ещё и сейчас танцуют. Было много приглашенных дам. Этот праздник устраивал один молодой капитан из нашего полка, но меня не приглашали, потому что я не бываю в доме его матери, муж не хочет, а причина та, что у неё двое молодых сыновей.

Понедельник, 26-го, 10 часов утра

Сегодня у нас обедает Кайсаров, после свидания с ним буду все вам описывать. Я просто в упоении. Порадуйтесь и вы моему счастью. Я получила несколько слов, меня благодарят и просят принять Йорика [21]. Я зашила записку в кусочек материи и теперь ношу его на своём крестике у сердца. Что за человек! Какая душа, какое сердце! Как он заслуживает счастья!

Прощайте, мой ангел, нынче я счастлива. Будьте здоровы, любите меня по-прежнему. Кайсаров только что ушёл от нас. Он держится очень учтиво и очень зол на Ротта за то, что тот ему не пишет. Передайте ему это, пожалуйста.

Ещё раз прощайте, молитесь за вашу Анету. Я читала его письмо к Киру И., он себя не помнит от счастья. Ещё раз прощайте.

1820. Псков. 26-го, в понедельник,5 часов пополудни

Наши поехали на учения, а я села опять с вами побеседовать. Кайсаров у нас обедал, был очень любезен, и я обещала ему писать к Ротту, чтоб некоторым образом загладить вину свою, что я не привезла ему ответа, что и исполнила: сегодняшней почтой послала в маменькином письме.

Только что получила Йорика, в нём отмечены многие места, напоминающие наше с ним положение. Записка написана в высшей степени почтительно, в ней всего десять строк, в которых он благодарит меня и клятвенно обещает сохранить уважение ко мне до конца своих дней. А в книге в одном месте просит хоть строчку, написанную моим почерком, и в письме к Киру И. велит ему взять за книги собственноручную расписку у той, коей они принадлежат. В записке он более осторожен, но в книге говорит все, что хочет, то есть отмечает все те места, что напоминают его чувства. Йорика я спрятала, потому что он может вызвать подозрения. Но он ещё прислал поэму о Петре Великом, думая, что она мне принадлежит, он взял её у Алексеева. Вот о ней я скажу, будто давала

её читать Киру И. Думаю, мне следует поблагодарить его за поэму, но пока повремени́ю, *а вы скажите ему от меня, что я читаю прекрасную речь, что он прислал, и она мне очень понравилась и делает честь его тонкому вкусу. Если бы можно, я бы её у себя оставила, не как любительница, но подражательница любителям отечественной словесности.*

10 часов вечера

Сейчас опять Кайсаров ужинал у меня, он уверяет, будто Ротт в меня влюблен, и не хочет мне верить, что нет. Я это предвидел, говорит он, я догадывался об этом, да иначе и быть не могло. Именно у ваших ножек должен он курить вам фимиам, это его настоящее место, и ещё много всяких вещей в этом же роде. Он попросил переслать ему подлинный ответ Ротта, а затем, отвернувшись, сказал, что просит это; ради любопытства, чтобы увидеть, в каком тоне он ко мне станет писать.

Завтра в лагере торжественный обед, кажется без дам, а затем чай и танцы у губернатора. Я тоже поеду, уж не знаю, весело ли мне там будет, думаю, навряд ли. По нынешнему состоянию моего сердца, одиночество гораздо более мне по нраву. Признаться ли? Достойный предает, что завладел моей душой, ныне поглощает все мои силы и интересы. И ещё признаюсь: первый раз люблю я взаправду, и все другие мужчины совершенно мне безразличны. Бывало прежде, когда я думала, что люблю, меня всё же иной раз заботил мой успех, теперь всё это кажется мне ничтожным. Любезный Кайсаров ничуть не трогает моего сердца, несмотря на все лестные слова, что он мне расточает. Вот уже три недели, как я живу под одной крышей с интересным молодым человеком, который меня любит и иногда говорит мне это, и все время находится подле - однако это ничуть меня не затрагивает, я чувствую, что не могу любить его истинной любовью, ибо души наши чужие друг другу, а без этого не может быть истинной любви. Признаюсь вам, что всё это просто несравнимо, там моя душа чувствует его душу в каждом слове, которое он произносит (надобно бы сказать: произносил, ибо счастливое то время миновало), а иной раз даже когда и молчит. Никогда мне этого не забыть. В своём письме он рассказывает об именинах папеньки, о Поле, о том, как он похож на меня, о недовольствах Лизы. Он даже удивляется её характеру, но *он просит мне об этом не сказывать,* потому что, если это меня огорчит, он потом всю

жизнь будет несчастен. Так что прошу вас, мой ангел, пусть это останется между нами. А вы мне насчёт этого никогда не писали, может быть, дело в том, что вы редко её видаете? Прежде всего я вам скажу, что меня она ненавидит, потому что завидует и не любит ни брата (оттого, что у него сходство со мной), ни маленькую сестрицу. Это дурной характер, но вот её любят и не принесут в жертву, и воспитание она получит блестящее. Простите, мой ангел, что я немного ропщу, когда сравниваю её судьбу со своей.

Спокойной ночи, мой единственный друг, передайте милой моей маменьке, что ничто не может сравниться с моей любовью к ней, и про себя тоже знайте, мой ангел, что нет на свете никого, кто любил бы вас более нежно, чем ваша Анета. Спите спокойно.

27-го, в 2 часа

Только что ушёл Кайсаров, он у нас завтракал, сейчас все они в лагере, а я сижу одна. Я уже вам писала, что мы нынче едем на вечер к губернатору, не думаю, что я получу там удовольствие, разве можно это сравнить с веселием, какое я испытала у вас - никогда не изгладится у меня сладостное воспоминание о том вечере, когда я была у вас вместе с маменькой. Какая я была тогда счастливая! Всё это теперь кончено навеки, и я предпочла бы смерть теперешней жизни.

И в довершение всех моих бед, меня ещё преследует этот его племянник, ни минуты нет от него покоя, потому что он всё своё время проводит со мной, для меня в сто раз было бы лучше, если бы он меня не любил, по крайней мере, не ходил бы за мной по пятам, и у меня было бы больше свободного времени.

27-го июля. В полночь.

Мы только что вернулись. Вечер у губернатора был довольно приятный. Танцев не было, пили чай, за ужином очень потешались над малороссами, особенно *Кайсаров беспрестанно со мной ссорится, а кажется, очень меня любит. Мы там ужинали, а оттуда в одной карете возвратились назад.* Муж просил его, чтобы он каждый раз, как будет здесь проезжать, останавливался у нас, и мне сказал, чтобы я о том попросила. Тогда я ему говорю по-русски: *"Нам очень будет приятно, если вы без церемоний у нас остановитесь".* Тут вдруг он со страстью схватывает мою руку (мы

рядом сидели), горячо её пожимает и спрашивает: "В самом деле? Это правда?" Я ему отвечаю, что, разумеется, это доставит нам большое удовольствие, а он поцеловал мне руку, и я никак опомниться потом не могла - мы как раз выходили из кареты, а муж из неё уже вышел.

Надобно вам сказать, что губернаторша очень собой хороша, только в ней совсем нет светской учтивости, которая бывает у нас, когда мы того хотим. Уезжая, он ещё мне сказал, что её красота блекнет, когда меня увидишь. Вот вам небольшой отчёт о нынешнем вечере. Прощайте, добрый друг мой, спокойной ночи, спите спокойно. *Я сегодня была в новом шитом платье, и ваша закладочка синей шерсти прекрасной с синелью, и белая шаль. Прощайте ещё раз, м_о_й _д_р_у_г-х_р_а_н_и_т_е_л_ь, а_н_г_е_л _м_о_й. Вечно ваша Анета.*

28 июля, в 11 часов утра, среда

Здравствуйте, мой нежный друг. Нынче муж, кажется, переезжает в лагерь, а значит, и мне надобно будет быть там. Признаться, мне это довольно грустно; я сделалась страшной мизантропкой, ибо чувствую себя гораздо счастливее, когда никого не вижу. Кайсаров уехал ещё вчера к вечеру, я очень этому рада, а вот что меня огорчает, так это то, что Магденко к нам сюда не приедет, он сказал *Кайсарову,* что ему это неприятно из-за ссоры обоих генералов. Пока здесь был *Кайсаров, Кир* сказывался больным.

Думаю поехать сегодня к г-же Пальчиковой, чтобы поблагодарить её за любезность - она дала мне фортепиано и книги, а у меня до этих пор голова до того была занята, что я не могла найти минуты, чтобы хотя бы поблагодарить её запиской. Не следует быть неблагодарной, всегда надобно высказывать память сердца (такое определение благодарности сказал мне вчера *Кайсаров).*

30-го июля, пятница

Весь вчерашний день я не писала вам, мой ангел, и вот почему: приходит вчера после обеда мой драгоценный супруг и сообщает о своём намерении пригласить губернаторшу и ещё некоторых дам в лагерь на чай, а после устроить танцы. Мы с ним наметили программу, и я уже было собралась ехать к г-же Пальчиковой, как вдруг мой драгоценный, мой благородный супруг спрашивает у меня ключи. Я прекрасно понимала, что

они ему без надобности, а просто он желает испытать, не побоюсь ли я их ему оставить; меня, признаться, это возмутило, я не хотела их ему давать, тогда он отнял их у меня чуть ли не силой. Я была просто взбешена таким недостойным и подлым поведением. *Вся внутренняя перевернулась.* Я ему сказала, что сам дьявол бы так себя не вёл. Вы ведь знаете, какая мягкая у меня натура, добром от меня можно добиться самой большой жертвы. И что же после этого он делает, как вы думаете? Садится со мной в карету, не даёт мне из неё выйти, и дорогой орет на меня во всю глотку - он-де слишком добр, что все мне прощает, меня-де видели, я-де стояла за углом с одним офицером. А как увидел моё возмущение, тут же прибавил, что ничему этому не поверил. Тогда я сказала, что лучше быть запертой в монастыре до конца своих дней, чем продолжать жизнь с ним. Если бы не то, что, на вечное своё несчастье, я, кажется, беременна, ни на минуту бы с ним больше не оставалась!

Как я несчастна, что вынуждена огорчить вас, я сама первая от этого плачу, но к кому же мне прибегнуть, что мне теперь делать? Зачем велели вы мне уехать от вас? Уединенная, замкнутая жизнь, какую я здесь веду, всё равно не спасает меня от этих оскорблений. Потолкуйте об этом с *Ольгой Андреевной и напишите, что мне делать.* Только, ради самого неба, ради любви ко мне, ради всего, что вам дорого, не огорчайтесь из-за этого, мой ангел, не то мне уж вовсе не к кому будет прибегнуть. Между тем он не хочет огласки. Если бы я тогда осталась, никто ничего бы не знал, и все бы считали, что мы по-прежнему в добром согласии, теперь же этого уже нельзя будет сделать. Вы не думайте, что мне скучно будет дома,- нет, я сидела бы, запершись, в одной комнате, ни с кем, кроме вас, не видясь, и довольна была бы своей судьбой; правда, я чувствую себя созданной для светской жизни, но вспомните,- ведь умела же я быть веселой в вашем уединении. Так вот, я решила, что в Петербург с ним осенью не поеду, а, может быть, отправлюсь повидать моих подруг, после чего до конца моих дней буду жить подле вас. Если же, на своё несчастье, я в самом деле беременна (это ещё не наверное), то рожать я, может быть, поеду в Берново к тетушке Анне Ивановне, а ежели бог даст, я рожу прежде времени (о чем ежечасно молю бога и думаю, что не грешу перед ним), тогда я, может быть, приеду прямо к вам, если только буду уверена, что отец меня не выгонит: ведь сказал же он однажды мужу, что, если бы я его оставила, двери родительского дома были бы для меня закрыты. В

своём ослеплении он уже заранее готовится сделать своё дитя несчастным. Не пришлось бы ему в этом каяться! Вот бедную маменьку мне более всего жалко, сестра Лиза никогда - смею это утверждать - не станет так любить её, как я, и не будет так предана ей до последнего своего вздоха!

Надобно вам сказать, что позднее он всё же попросил у меня прощёния за грубость. Бедная моя дочка, которая была с нами, так испугалась громких воплей этого бешеного человека, что с ней сделался понос. Так что мне кажется, что хотя бы ради интересов ребёнка нам лучше не жить вместе, ведь для неё это дурной пример, а она уже все начинает понимать. Проехавши несколько верст, мы поворотили домой. А вчера я снова туда поехала. Эти милые люди очень мне были рады, они ведь все любят меня до обожания. Я их пригласила на сегодня, итак, у нас будет большой бал и ещё фейерверк. Какой контраст с тем, что творится в глубине моей печальной души! Может быть, и дорогой мой Магденко тоже приедет, и мне кажется, что произойдёт примирение с Лаптевым. Этим занялся губернатор, оба противника должны явиться к нему с утра, и, если все уладится, Лаптев сегодня вечером приедет в лагерь.

Вот вам описание тех двух дней, в которые я не имела силы держать перо. Если вы, мой ангел, прикажете мне оставаться и терпеть, я безропотно вам подчинюсь. Но говорю заранее, что стану жить ещё более уединенно и ни за какие богатства мира не поеду с ним в столицу. Я слишком несчастна и не в состоянии буду показывать свету безмятежное лицо, в то время как в сердце моём - смерть. Ведь вы согласны со мной, не правда ли?

30-го июля, пятница

Бал наш состоится сегодня. Завтра я сообщу вам, как он прошел. *Вчера я читала прекрасную эту речь казанского епископа; признаюсь, она очень подействовала на мою душу, и это чтение очень полезное для тех, которые надеются только на вечную жизнь. Скажите Иммортелю, что я убедительно прошу оставить, ежели можно, её у себя, что это будет служить бальзамом для больной души моей. Признаюсь вам, картины, живо описанная, будущей жизни много успокоила мои чувства и придала твердости переносить мои несчастья,- это послание настоящего ангела-утешителя. Советую вам достать это и прочесть, оно*

достойно вашего внимания.

Прощайте, мой ангел, теперь мне легче стало, когда, я излила чувства свои в вашу душу. Оставляю перо, чтобы приготовиться к празднику нашему; и успею, может быть, показать посторонним спокойную и веселую наружность.

Только что получила письмо от Магденки. Он отказывается от нашего приглашения под предлогом простуды, которая даже помешала ему (по его словам) лично представить свой второй полк Кайсарову. Его письмо наполнено всякими лестными для меня словами, он говорит о безграничной своей преданности мне, что-де, зная его сердце, я могу судить, насколько тяжело ему быть вынужденным отказать мне. Я думаю, настоящая причина та, что он не хочет быть втянутым в какие-либо распри между моим драгоценным супругом и Лаптевым!

А насчёт последнего я сейчас узнала, что губернатору нынче утром удалось их примирить и Лаптев пообещал приехать в лагерь. Надеюсь, что вас порадует эта новость, хоть я и уверена, что помирились они не от чистого сердца; но, по крайней мере, будут соблюдены внешние приличия,- а это уже для общества что-то значит.

Однако, принимая в соображение содержание моих писем, я навряд ли могу рассчитывать, что вы ожидаете почту с особым удовольствием. Я отдала бы все на свете, чтобы иметь возможность сообщать вам иногда приятные новости, но я не должна ничего таить от вас, это нарушило бы всю прелесть взаимного нашего доверия - и вот мне постоянно приходится вас огорчать, а ведь я бы десять лет жизни отдала, чтоб только уберечь вас от всего печального и вернуть вам здоровье. Чем больше я думаю, тем более раскаиваюсь, что написала вам о всех своих горестях, умоляю вас, милый мой друг, не печальтесь, не расстраивайте из-за меня драгоценное своё здоровье, берегите его ради нас, не я одна вас о том молю. Есть особы, несказанно мне дорогие и весьма достойные вашего уважения (осмелюсь даже сказать, любви), кои просят вас об этом ради меня. Только посоветуйте, как мне быть, все, что вы скажете, будет для меня священным, и я немедля последую вашему совету.

Как ни отрадно было бы мне переписываться с Полем, я только что написала ему несколько строк, в которых благодарю его за книги и уведомляю, что это последние строки, кои он от меня получит, ибо я не

желаю иметь повод упрекать себя за тайную переписку. Вот дословно то, что я ему написала, и я уверена, вы меня за это похвалите. Но вы не станете гневаться, если я скажу вам, что его записочку, которая вся дышит почтительностью, благоговением и благодарностью ко мне, я зашила в кусочек тафты и ношу на крестике подле сердца, на месте того талисмана, что вы мне надели и который я спрятала. Не браните меня, мой ангел, за сие невинное утешение.

Я сейчас вновь перечитала прелестные надписи на Йорике. Что за тонкость чувств, какое благородство в малейшем его поступке. И это существо, столь достойное моей привязанности, законы не дозволяют мне любить, и я вынуждена жить для человека, чей нрав вам хорошо известен.

Дайте мне возможность порадоваться хотя бы тому, что вы изредка говорите ему обо мне, что ему, я знаю, хорошо известно, как велико моё к нему уважение. Я не смею сказать ему, что отвечаю на его нежные чувства всем существом своим, что ничья любовь не может сравниться с той, какую я питаю к нему и которой он столь достоин во всех отношениях. Но не скрывайте от него хотя бы то, что я несчастлива, и ежели он почитает себя страдальцем, пусть знает, по крайней мере, что я страдаю ещё более его.

Скажите мне, имеете ли вы иногда возможность читать ему из моих писем? Меня бы очень это утешило. Не браните меня. Вам, верно, кажется, что я слишком много пишу о сем предмете, но подумайте, мой ангел, несчастный утопающий хватается за соломинку, чтобы спасти себе жизнь,- так проявите же в этих обстоятельствах свою обычную снисходительность и простите своё дитя, единственного своего друга, за то, что он слишком предаётся сердечной своей склонности, которая лишь одна являет ему поддержку в его горестях. Может ли сердце, столь любящее, как мое, жить без любви - той невинной любви, какой является наша, любви, которая никому не причиняет зла и уготавливает нам, быть может, вечное блаженство.

31-го июля, в субботу

Сейчас четыре часа пополудни, а я только что встала с постели, так устала от бала. Бал был блестящий - чудная иллюминация, прелестный фейерверк, а после этого разыгран был небольшой ночной бой. Лаптев был как нельзя более любезен, все были счастливы и довольны, кроме

вашей Анеты.

Во вторник офицеры наших двух полков тоже дают бал в тех же палатках - полковник просил меня оказать им честь и, как вчера, принимать дам и быть хозяйкой праздника. Так что мне предстоит ещё один бал, а потом генерал Лаптев тоже намерен устроить праздник.

Я не отказала доброму полковнику быть хозяйкой на их балу (его жена не может быть, она сама кормит), он меня просил во имя всего корпуса офицеров, они все меня очень любят. Это очень утешительно, но не утешает. Уголок вашей комнаты я предпочла бы царствованию над всеми здешними сердцами, всеми почестями и суетными удовольствиями.

Буду ожидать с большим нетерпением ответа на эти нумера; вы извините, что не пышное и не пространное описание нашего бала. Я не буду по-прежнему (когда я была свободна и спокойна) описывать вам мои п_о_б_е_д_ы. Я их не примечала и слушала хладнокровно двусмысленные недоконченные доказательства удивления - *в_о_с_х_и_щ_е_н_и_я.*

31-го июля, суббота

Итак, я вам о сей статье ничего более не скажу. Так как вы здесь никого не знаете, то вам и не интересно знать действующие лица этого праздника. Насчет моего наряда скажу вам, что на мне было белое вышитое платье на розовом чехле, зеленые шелковые башмаки и зелёный платочек, на голове ничего. Сейчас получила неоцененное письмо ваше, мой ангел; никогда без слёз не читаю драгоценные для меня ваши строки. Как я счастлива, что вы мною довольны, это заставляет меня забывать и терпеливо сносить все мои страдания. Теперь скажу вам, что мне хотелось, чтобы вы сами выбрали себе платок, и потому я не сказала вам, что черный я надевала один раз и потому желала, чтобы он перешёл с моих плеч на ваши плечи. Этого я вам тогда не сказала, думая, что вы пожертвуете своим вкусом, чтобы сделать мне удовольствие. Я очень рада, что кисет мой понравился папеньке, и благодарна за снисходительность его. Доставление утешения Ольге Андреевне также принесло мне неизъяснимое удовольствие. Приезд Бухариной[22] *не так меня утешает, я боюсь... простите, она не может и вполовину иметь к вам столько привязанности, я хоть совершенно уверена в вашей, но кто не ревнив, любя? Я не имею нужды просить вас не оставлять мою бесценную маменьку; я знаю вашу душу; хоть это желание можно назвать эгоизмом, но я желала бы, если возможно, чтобы вы их не оставляли, и если я смею сказать своё мнение, то я думаю, хорошо бы было почтеннейшей бабушке продать своё имущество в Соснице*[23]*, где ничто её не привязывает, и переехать жить с Пелагеей Петровной.*

Ваше здоровье, хотя и поправится, не скоро позволит её навестить; а тогда я бы была совершенно на счет ваш покойна. Я сужу о вас по себе и без содрогания не могу подумать, как с вашей душой жить между такими людьми, как в Соснице, это меньше, чем не жить. Напишите мне, как вам покажется, моё мнение. Ещё благодарю вас за присылку

письма Каролининого. Оно немножко странно для меня после прочих. О том предмете она не упоминает, меня удивляет это чрезвычайно, да и вы не сказали мне на счет этого своего мнения, каким образом она попадет в Лубны, я не понимаю.

За выписку из этой прекрасной проповеди очень благодарю, потому что это мне показывает, что у нас почти одинакой вкус, эти самые места мне понравились. Я удивляюсь, что вы думаете, что она для меня не будет занимательна: я её имею. Я несколько раз перечитала её с величайшим удовольствием, и у меня явилось желание попросить его оставить мне её навсегда, если это не будет для него слишком большим лишением. Но я узнала, что и у вас тоже она была, стало быть, есть с неё список, так что теперь я уверена, что он мне не откажет. *Она так хороша, так усладительна, что чтение её успокаивает самые большие горести надеждой награды за оные и лучшую жизнь.* Болезнь его очень меня тревожит, слава богу, что она не опасна. Скажите ему от меня, что я прошу его беречь своё здоровие и что я крайне ему признательна за утешение, которое он доставил мне сим усладительным чтением.

"То, что любим, удаляется от нас! То, чего желаем, убегает нас; то, чего страшимся, случается с нами; мы никогда не бываем счастливы со всех сторон". Это я больше, нежели кто-нибудь, могу сказать. Кому, кажется (по наружности), более счастие улыбается? Кто, однако ж, внутренне более страдает? Вы одна это знаете и одна можете несколько облегчить оные. "Одно лишение не заменяется всем, что в руках наших". Как это справедливо! Вчера во время окружавших меня веселостей сколько раз я думала об этой проповеди. Как мало соответствовали все эти веселости тихим и скромным желаниям моего сердца; как охотно бы я поклялась никогда не участвовать в оных, если бы когда-нибудь исполнились последние. Тогда ваша комната превратилась бы для меня в рай земной. Никакие добродетели в вашем присутствии не могли бы быть чужды моему сердцу. Две чувствительнейшие в мире души наслаждались бы неоцененной вашей дружбой и старались бы всеми силами успокаивать вас и сберегать неоцененное для них ваше здоровье.

Но я примечаю, что я пустилась почти в житейские желания, и хотя это не похоже на суету суетствий, но на такое совершенное счастие, которого вряд ли какой смертный достоин; простите, я все пишу, не

поправляя и не обдумывая, что приходит мне в голову, и оттого нередко забываюсь. Любовь ваша мне порукой за ваше снисхождение. Вы пишете мне ещё, что люди есть, которые завидуют моей к вам дружбе. Бог с ними. Надобно уметь любить, чтоб заслужить быть любиму. Не любив никого, кроме себя и свои выгоды, я не понимаю, как можно завидовать взаимности, оказанной другому. Между нами сказать, я в пребывание своё довольно узнала характер Лизы; и хотя не часто сообщала вам на сей счет своё мнение, но ясно видела, что она не имеет ко мне ни малейшей привязанности, и ежели желает оной с моей стороны, то для того только, чтобы лишь понравиться папеньке.

Это единственная цель наружных её добродетелей, она для этого будет всегда притворяться, что по своим летам довольно искусно делает. Это истинная правда, хотя далеко не утешительная.

Итак, вы видите, что я не могу с ней иметь пространную переписку ни по летам нашим, ни по образу наших мыслей. Папенькина к ней любовь не позволяет ему видеть её фальшивого характера, но пусть он будет лучше слеп, нежели несчастлив и этой дочерью, хоть другим образом.

Оставляю перо, чтобы отдохнуть немного; обнимаю моего единственного друга, никогда не забуду вас, клянусь душой!

Тебя забыть, но кто же будет

Мне в жизни радости дарить?

Нет, прежде бог забудет.

Тебя забыть, тебя забыть!

Покойной ночи вам желаю и приятнейшего сна. Христос с вами. Благословляю вас. Целую ваши глазки. Прощайте ещё раз. Вечно ваша Анета.

1-го августа, 5 часов вечера

Вот уже и август на дворе. Как быстро течет время в горестные минуты жизни! Но те, что я провела с вами, пролетели ещё быстрее; то был лишь сон, самый прекрасный сон в моей жизни, и воспоминание о нём я сохраню до последнего своего вздоха.

Нынче утром я была удивлена и обрадована приездом г-на Магденки.

Дружба его для меня драгоценна, каждый день все более убеждаюсь в этом. Мы говорим с ним о вас и о маменьке, он обещал, что осенью будет в Лубнах и посвятит целых два дня, чтобы познакомиться с милой моей маменькой. Он многое расскажет вам обо мне, я уверена в этом, ведь он питает ко мне истинную дружбу. Он остаётся здесь до послезавтра, дня бала, он говорит, что хочет быть сторонним наблюдателем и позабавиться на счет одного из моих обожателей, которого ему назвал муж.

Скоро у нас в Лубнах будет ярмарка, снова там воцарится веселье, а бедная ваша Анета в это время будет стенать под бременем всякого рода забот, твердя мысленно стихи, что запечатлелись в глубине её сердца:

Que le bonheur arrive lentement.

Que le bonheur s'ecoule avec vitesse {*}.

{* Как медлит прийти счастье,

Как быстро счастье пролетает *(фр.).*}

Сделайте мне удовольствие, спросите когда-нибудь в разговоре у Иммортели, какая причина вынудила его сменить платье,- помните ту смешную историю в саду; а ещё спросите, какие женские имена ему более всего нравятся.

7 часов вечера

Наши поехали в лагерь сегодня, сейчас, и я опять принимаюсь за перо. Магденко мне рассказывал сию минуту о недавно случившейся революции в Неаполе. Он читал это в газетах. В самом деле, удивительная вещь. Требование народом и войском конституции, о чём король и министры после всех узнали, и революция, которая не стоила ни капли крови. Думают, что это взбунтует французов, которые не захотят уступить итальянцам в тонкости, и что наконец что-нибудь да будет. Вы знаете моё мнение; все, что может меня с вами сблизить, не может мне быть противно. Я же не считаю за грех желать того, чего все войско наше желает. Я сейчас начинаю строить на воздухе замки: вы довольно знаете, какого роду.

Скажу вам, что я получила из Петербурга мои часы, и слава богу, когда одна, то знаю наверное... который час. Переселяюсь мысленно в вашу комнату, пью с вами чай; иногда хожу по комнате и всегда, когда одна, так живо представляю себя с вами вместе, что сия обманчивая

прелестная мечта услаждает на минуту мои горести.

2 августа, в 10 часов утра

Здравствуйте, милый друг. Нынешнюю ночь я провела прекрасно: видела вас во сне. Будто я была в вашей комнате, и Иммортель тоже. Зачем всё это не наяву? Скажите, мой ангел, как вы думаете, всегда ли он будет любить меня? Не знаю почему, но меня преследует безумная мысль, что он разлюбит меня, как только узнает о моём положении,- и мысль эта сокрушает моё сердце. Развейте мои сомнения, успокойте меня, мой ангел, ведь я больная, со мной надобно обращаться с осторожностью.

Прощайте, единственный мой друг, будьте здоровы, милый ангел. Ради любви ко мне, оправдайте меня перед Ольгой А., что ей не отвечаю: у меня так мало времени.

Магденко ещё у нас и останется до 4-го числа. Муж с ним очень хорош, но на свой лад, *обинякам кормит,* а он делает вид, будто не замечает,- и я тоже. *Вчера ввечеру он был у меня в кабинете, и я ему читала "Любовь есть кризис". Он до чрезвычайности хвалил перевод, хвалил многие места, он имеет это на немецком, это Шиллера сочинение; но говорит тоже, что "мы не боги и земля не Олимп". Прощайте, моя родная, Христос с вами, на будущей почте поищу послать что-нибудь Лизе на её именины. Грустно очень, что здесь нельзя ничего достать. Прощайте ещё раз, сокровище мое, с нетерпением буду ожидать вашего журнала. Скажите мне, мой ангел, как вы думаете,* ежели я вправду беременна, приезжать мне к вам для родов? Я так полагаю, что нет, потому что, коли я снова приеду к вам одна, мне потом и вовсе будет не уехать. Кажется, я уже вам писала, что в Петербург не поеду, решение это твердо.

Прощайте, единственное моё утешение, ради всего святого, берегите своё здоровье, видит бог, оно дороже мне моего собственного.

Завтра состоится бал. После того как письма эти будут отправлены, я снова начну свой дневник и уж тогда все вам опишу.

Пожалуйста, обнимите за меня вашу сестрицу, её мужа и детей. Как я завидую судьбе г-жи Бухариной, что она снова окажется неподалеку от Лубен. Когда б она могла оценить всю полноту своего счастья! Кланяйтесь от меня всем своим знакомым. Передайте от меня Иммортелю все, что только подскажет вам ваше доброе сердце, а главное, чтоб он был здоров

и т. д. и т. п.

Прощайте же, меня торопят, да хранит вас господь, мой ангел. Любите по-прежнему вашу навеки Анету.

Псков, 1820 г. 2-го августа в 2 ч. пополудни

Только что совершила небольшую прогулку с Магденкой, Катенькой и Кир И. Он обмолвился, что муж обещал ему погостить у него недельку в лагере вместе со мною. Он был очень удивлен, когда я сказала, что хоть общество его мне и очень приятно, но я сделаю все от меня зависящее, чтобы в этом не участвовать. Мне надобно совершенно отказаться от общества, чтобы сохранить свои силы для выполнения тяжкого своего долга. Не могу я выносить оскорбительные подозрения, коими он беспрестанно мне досаждает. Я слишком страдаю нравственно, чтобы чувствовать себя хорошо в обществе порядочных людей. Так ужасно быть вынужденной все время краснеть. А оставаясь в одиночестве, я проведу время с пользой и выиграю и в спокойствии, и в своих занятиях.

После обеда мой муж и Магденко отправились в гости за десять вёрст отсюда. Вы не представляете себе, до чего он милый. Мы провели два часа в приятнейшей беседе, и вы догадываетесь, конечно, что говорил более всего он и оставил мне изрядное удовольствие своими шутками над милым племянничком, который при своём недалеком уме и самом дурном воспитании ужас до чего самолюбив. Добрый г-н Магденко изо всех сил старался, чтобы тот почувствовал себя более непринужденно, но из этого ничего не получилось. Мне досадно, что он старался понапрасну. Керны не умеют быть любезными, они слишком высокого мнения о себе, и это мешает им понять, как мало они из себя представляют. И мой дорогой супруг, не то обиженно, не то шутливо, кивал головой, делая вид, будто он разумеет больше, нежели хочет показать, а сам-то ровно ничего не понимал, вы же знаете, тонкая, остроумная беседа нам недоступна, это не наше дело, не про нас это писано.

Когда Магденко уходил, он хотел непременно через час возвратиться и пожалел, что у него нет с собою часов. Я предложила ему свои, те, что были у меня на шее, а как стала их ему надевать, цепочка зацепилась за его пуговицы, и тут он стал говорить всякие любезности, что вот теперь он закован в цепи, а потом сказал, что по его неловкости я сразу могу увидеть, как он к ним непривычен. Чтобы выйти из затруднительного положения, я

стала говорить, что прошу его набраться терпения, ведь он так часто мне его проповедует, и вот теперь я покажу ему пример своего долготерпения, а уж он, разумеется, не пожелает выглядеть в моих глазах дьяволом, проповедующим мораль.

Муж просил меня сыграть на фортепиано и спеть, а я отказалась самым решительным образом - нет, это был не каприз - я слишком уважаю Магденку, чтобы хотеть прослыть в его глазах капризной; но просто я хорошо понимаю, что лишь немногим людям моя игра и пение могут доставить удовольствие, и эти немногие - в Лубнах. *Мне тяжело подойти к фортепианам с тех пор, как я узнала, что игра моя могла действовать на чувства достойнейшего в мире существа. Я твёрдо решилась, если возможно, не ехать к Магденке* после той неприятной истории, о коей вы знаете. Поймите, мой ангел, душе моей должно теперь чуждаться удовольствий. Если бы не подозрения насчёт моей беременности, я бы убежала отсюда куда глаза глядят, только бы избавиться от этого несчастия - разделять судьбу с таким грубым, неотесанным человеком. После завтрашнего празднества я хочу затвориться в своей комнате, никого решительно не видеть, только писать вам да молиться богу, взывая к божественному милосердию его, дабы он как-нибудь соединил меня с вами или же принял меня в лоно свое.

3-го августа, в 11 час. утра

Сейчас приезжал офицер ещё раз просить меня быть сегодня у них на бале хозяйкою, я ещё спала, когда муж мой вторично за меня дал слово. Сейчас зовут меня гулять пешком, я долго отговаривалась, но наконец должна была согласиться, и я пойду.

5-го, в полдень

Бал был великолепнейший, но мне не очень было весело, потому что Катя захворала немножко. На другой день Лаптев у нас обедал и ещё кой-кто. Как ни мало обходителен мой драгоценный супруг, он страсть как любит устраивать приемы и ради них просто готов разориться. Напрасно мы с Магденкой отговаривали его, ничего из этого не вышло, он всё твердил, что должен показать Лаптеву, кто он такой.

Бедная моя дочка все ещё не совсем здорова. Магденко просидел у нас за полночь. Он чуть ли не со слезами умолял меня сделать ему честь и

присутствовать на его празднике, если только Катенька поправится, но я решительно отказала ему - можно ещё выносить оскорбления, если их слышат одни стены, а на людях это слишком тяжко. Единственная моя защита - это одиночество.

Вы только представьте себе - вчера мы втроем сидели в моём кабинете, я очень тревожилась за Катеньку и шутя ему сказала, *что у него, так же как и у меня, на болоте глаза.* Так вообразите, он до того разобиделся, что сказал мне при Магденке: *"По милости твоей должен кулаками слёзы утирать".* Я прямо была поражена. Одно из двух - либо нам не жить вместе, либо мне не выходить из своей комнаты: никакие удовольствия не окупят всех этих мучений и не исцелят моих душевных ран. Чем больше я думаю, тем больше убеждаюсь, что в тысячу раз лучше было бы мне оставаться у вас.

В 6 часов вечера

Катеньке, благодарение богу, получше, и я немного успокоилась. Сам Лаптев заезжал узнать о её здоровье и передал мне книгу трагедий, переведенных Висковатовым [24],- это один поэт, который живёт здесь неподалеку. Его вдохновляла любовь, а потому я нахожу, что места, где он говорит об этом предмете, довольно хороши. Так как вам, может быть, никогда не представится другой случай прочитать его перевод, я с удовольствием посылаю вам выписки из наиболее красивых мест. Это по-русски, стало быть, вы и д_р_у_г_и_м сможете доставить удовольствие их прочитать.

... часов вечера

*Итак, посылаю вам выписки из Гамлета, это не изящные, но лучшие места из очень посредственного перевода. Сейчас можно видеть, какого роду сочинитель; я думаю, он очень успешно бы писал в нежном роде, не выходя из своей сферы. Надеюсь, что вам будет приятно читать этот маленький отрывок. Завтра 6-е августа, день веселия и удовольствия в Лубнах; у вас, верно, будет много гостей, и я боюсь, чтобы не сбылась пословица "*Les absents ont toujours tort" {Отсутствующие всегда неправы *(фр.).* Здесь по смыслу близко к русской поговорке: "С глаз долой - из сердца вон".}, *нет, я уверена, что никакие удовольствия вас не заставят забыть о бедной вашей Анете, печальной псковской затворнице; в теперешнем моём состоянии я много нахожу сходства* с *наказанием Тантала, который, утопая в роскоши, просил из милости каплю воды для прохлаждения пылающей внутренности. Так точно и я окружена удовольствиями, всякого рода почтением и привязанностью всех окружающих меня, я кровью бы заплатила за одну нежную, ласку*

моей несравненной маменьки, ваш взгляд, мой ангел, придал бы мне бодрости; но это тщетные желания.

Вотще простру от сердца руку,

Ни голос твой, ни взор меня не усладят.

Прощайте, мой бесценный ангел, удовольствие с вами беседовать заставило меня забыть, что мне нужен, очень нужен покой; Христос с вами.

6 августа, в 6 ч. вечера

Целый день не имела силы взять перо в руки, противоположность окружающих вас сегодня удовольствий и снедающих ежеминутно меня горестей терзала мою душу. Сейчас имела маленький разговор с моим мужем и получила от него честное слово не требовать от меня выездов никуда, он осенью поедет в Петербург и позволяет мне остаться дома. Ежели же ему не дадут дивизии, то будет проситься за границу до получения оной или до войны; а я имею приехать к вам.- Вы не будете столько жестокосерды, чтобы запретить или отсоветовать мне это, а, верно, примете опять меня с чувством нежнейшей привязанности и позволите посвятить это время дружбе к вам или, лучше сказать, любви. Одна эта мысль впредь будет поддерживать моё существование, одна эта надежда будет отныне подкреплять мою жизнь; это не прежде может случиться, как с будущей весной. Если луч этого благополучия будет иметь на вас столько влияния, сколько на меня, то я довольна и не имею нужды в другом уверении вашей привязанности ко мне. Благодарю моего создателя за посланное в скорби мне утешение и совсем неожиданно. Теперь постараюсь сообщить вам отрывки из г-жи Сталь, которые я нарочно выписала, надеюсь, что вы их одобрите, наши вкусы так согласны, я бы их перевела, но не имею лексикона, боюсь испортить слог, постараюсь когда-нибудь и доставлю вам.

"En general, ceux dont la felicite n'est point interrompue, s'apercoivent a peine de sa dure. Il n'en est pas de meme quand elle leur echappe. Le chagrin leur en montre alors tout le prix et le malheur leur fait sentir tout ce qu'ils perdent".

"Обыкновенно те, которых блаженство никогда не было прерываемо,

почти не замечают течение оного. Но это уже не то - когда оно удаляется, огорчение показывает всю цену оного, и несчастие заставляет чувствовать всё то, что они теряют" - это из г-жи Бэрней - *перевела я.*

Этот отрывок очень справедлив и приличен к теперешнему моему состоянию, одна только разница: что я очень чувствовала цену того блаженства, которым у вас наслаждалась; но мне кажется, что я теперь не довольно благодарна за оное и не довольно великодушно переношу мои горести. Никто из окружающих меня не может постигнуть моего состояния, и справедливо говорит г-жа Сталь:

"Il faut de l'imagination pour deviner ce qu'un coeur peut faire souffrir, et les meilleurs gens du monde sont souvent lourds et stupides a cet egard, ils vont a travers les sentiments comme s'ils marchaient sur les fleurs en s'etonnant de les fletrir".

"Надобно иметь воображение, чтобы отгадывать страдания сердца, и самые лучшие люди в свете иногда бывают тяжелы и просты в таких случаях, они проходят, подавляют чувства, как будто наступая на цветы, и удивляются, что они от этого увядают". Чем больше я читаю г-жу Сталь, тем более её люблю и почитаю и нахожу суждения её отличнейшими - в особенности, когда она говорит:

"Il y a dans le mariage malheureux une force de douleur qui depasse toutes les autres peines de ce monde".

"В несчастном супружестве есть такие страдания, которые превосходят всевозможные другие горести в свете".

7-го, 3 часа пополудни

Сейчас получила неоцененное письмо ваше, мой несравненный ангел; оно имело то же действие, какое все прочие радости и горе знаменуются у меня одинаковым образом.

Я обливаюсь слезами над умиротворяющими строками вашего письма и горячо молю небо ниспослать мне утешение - и когда-нибудь соединить нас с вами. *Я вас уже благодарила, мой ангел, и писала вам, что я А. А. заплатила 9 руб. за закладочку, я с вами квит, впрочем вы бы меня очень обязали, продавая ваши изделия как другим, для меня это ничего не стоит, а вам для аптеки очень нужно;* дружбе ни в чём не должно быть

отказа; она очищает все, до чего касается, то, что принадлежит мне, принадлежит и вам. Я бы отдала половину своего достояния, когда б это могло вернуть вам здоровье. Только одно место в вашем письме доставило мне удовольствие, не омраченное печалью,- это то, где вы просите прислать вам разные вещи. Чулки уже заказаны, а материю постараюсь получить из Дерпта, как только будет оказия.

Меня очень сокрушает, что вы говорите о милом моём Поле, мне даже приходит в голову несчастная мысль, что сходство его со мною ему вредит, я наверное знаю, что это причина ненависти Лизиной к нему, его прекрасный открытый нрав заставит фальшиво о нём судить, а фальшивые и лицемерные вечно будут торжествовать.

Что до гувернантки, то она оказалась достаточно политичной и поняла, что при поддержке папеньки всего можно достигнуть, вот они, стакнувшись с Лизой, и добиваются его поощрения. Зачем я не там и не могу защитить и утешить бедненького моего Поля, помогать ему в уроках и оберегать от огорчений бедную маменьку.

Простите мне, если я вам признаюсь, что Лизу люблю гораздо меньше, чем их: можно ли любить тех, кто нас ненавидит так же, как тех, кто любит нас? Согласитесь, что сие невозможно. *Письмо моей бесценной маменьки заставило меня горько плакать, я вообразила, что судьба меня навсегда лишила счастия пользоваться вашими нежными ласками и ваш рай - навсегда для меня потерянный рай. Это ужасная мысль! Никакая философия не в силах заставить к этому быть равнодушной; едва ли мысль о религии и вечной жизни может утешить, но вы сами не хотите, чтобы эта мысль единственно занимала мою душу; а хотите, чтоб я не теряла надежды и в этом свете когда-нибудь пожить.*

Теперь буду отвечать на письмо А. Н., но лучше сказать, на милый ваш журнал. Меня огорчает, что вы не хотите, чтоб это был Иммортель. Мне кажется, что любовь ничем не отличается от дружбы, кроме как чувственностью, а вы довольно меня знаете, чтобы понимать, что у меня к нему этого нет, нет совершенно; я люблю его, как друга, как нежнейшего из друзей; я бы всю жизнь провела с вами двумя, да ещё с доброй моей маменькой, и ничего другого бы не желала. Если бы я освободилась от ненавистных цепей, коими связана с этим человеком! Не могу побороть своего отвращения к нему! Мне кажется, ад был бы мне

милее рая, когда бы в раю пришлось быть с ним.

Не пугайтесь, только этих чувств уже ничто и никогда не сможет изменить. Но мне и самой непонятно, почему ещё большее отвращение вызывает у меня его племянник, может быть, потому, что я весьма приметлива и вижу, что это самый недалекий, самый тупоумный и самодовольный молодой человек, которого я когда-либо встречала. Обо всем-то он судит, на все-то у него готов ответ, ни с чьим мнением он не считается. Он и понятия не имеет о скромности (которая столь же необходима юноше, как и женщине), и вдобавок у него с языка не сходят самые пошлые выражения. Вот вам его портрет, хоть и не лестный, зато точно нарисованный.

Чтобы поймать меня на удочку, надобно половчее за это браться, а этот человек, сколько бы он ни исхитрялся и ни нежничал, никогда не добьется моей откровенности и только зря потратит силы. Но довольно об этом, столь мало интересном предмете, и, пожалуйста, не будем больше и говорить о нем.

Слава богу, что Иммортель выздоровел, пусть будет здорова и его душа. Вы пишете, что он человек скромный, и полагаете весьма вероятным, что его чувства ко мне остынут и даже вовсе погаснут. Боже, избави от этого! Скажите ему, что мои к нему дружеские чувства кончатся только с жизнью моей, а он свои обязан сохранить ради меня, и этим я долга своего отнюдь не преступаю и всегда буду преклоняться перед его достоинствами и боготворить его душу, прекраснейшую из всех, что существует во вселенной.

Достаточно ли я вам доказала, мой ангел, что моя дружба есть любовь, а любовь значит для меня - дружба? Я надеюсь, что вы мне в этом поверите и дозволите отдаться единственной надежде, которая меня поддерживает.

1-го числа, в 7 часов вечера

Я только что немножко прокатилась в карете, и это принесло мне пользу. Но ещё более того - молитва. Проезжая мимо отпертой церкви, я вошла туда. Шла вечерняя служба. Я стала в уголке перед образом нашего спасителя, умирающего на кресте, и горячо молилась, прося небо сохранить мне тех, кого я люблю и... *Вы не можете себе вообразить, как*

эта молитва меня облегчила, святость места, образ умершего на кресте за нас, всё это внушает упование и тихое спокойствие. Г-жа Сталь говорит истинную правду, что это прекрасное обыкновение у католиков, что у них во всякое время церкви отворены, бывают минуты в жизни, где так приятно прибегнуть к молитве в уединенном храме!

8 часов

Я уже сообщала вам о своих надеждах, которые попеременно то успокаивают меня, то внушают тревогу. Муж мне ещё прежде говорил, что не прочь был бы поехать за границу. Я полагаю, что по многим причинам это было бы для него наилучшим выходом. Пока нет войны, он вряд ли получит дивизию, если же ему попроситься в отставку, это может прогневить государя. Да и что он может делать помимо военной службы? Всякое другое занятие было бы ему не по вкусу, в делах гражданских он ничего не смыслит, он рожден военным. Так что я только одного бы желала - чтобы никто не стал отговаривать его от этого намерения. Во всяком случае, это лучшее из всего, что он может сделать. Только таким способом он получит дивизию. Он останется за границей до начала войны, и это будет для него какое-то занятие.

Скажу ещё раз - вы дурного мнения о моём вкусе, ежели полагаете, будто одни только романы мне по вкусу. Думаю, я доказала вам обратное уже тем, с каким восторгом высказалась о прекрасном литературном сочинении, которое я осмелилась оставить у себя, так же как теми выписками из весьма серьёзной книги, красоты которой я умею понять и почувствовать.

Воскресенье, 8-го, в 11 часов

Вернулась из церкви, обожаемый друг мой, где, по своему обыкновению, горячо молилась за всех тех, кто дорог моему сердцу.

Могу теперь вам сказать, что дочке моей гораздо лучше: она очень была больна после того поноса. Благодаря богу и одному прекрасному здешнему врачу, она уже вне опасности, и я на этот счет спокойна. Лаптев подходил ко мне в церкви осведомиться о её здоровье, и все те, кто её знают, принимают её болезнь близко к сердцу. Все её любят, и в этом отношении она унаследовала моё счастье. Хотя бы в другом отношении она оказалась счастливее своей матери и судьба её не походила бы на

мою!

2 часа пополудни

Мне хочется ещё раз поговорить с вами о Шиповнике, или Иммортеле, называйте его как хотите; с первым именем я готова расстаться, но уже со вторым - никогда. Я хочу верить, что это крепкая, очень крепкая дружба, и хотела бы ему её высказать; иначе говоря, если бы мне посчастливилось вновь с ним свидеться, я бы предложила ему относиться ко мне дружески и с доверием и сумела бы и сама отвечать ему тем же. Однако г-жа Сталь говорит ещё так: "Les sentiments dans lesquels on n'est pas d'une verite parfaite font plus de mal que l'indifference".

"Чувства, не совершенно справедливые, более вредят, нежели равнодушие".

Итак, может быть, не захотели бы принять от меня предлагаемую чистую дружбу, ежели бы в ней скрывались другие чувства, которых нельзя скрыть. Как приятно иметь другом умного, любезного и с познаниями человека. Невежественный друг, как и невежественный возлюбленный - вещь незавидная. Вот что говорит по этому поводу г-жа Сталь: "L'ignorance dans les hommes oisifs prouve autant la secheresse de l'ame que la legerete de l'esprit. Et alors cet homme ne merite pas de la part d'une femme sensee aucune sorte d'attachement" {Невежество в праздных людях столько же доказывает сухость души, сколько и легкомыслие ума. Подобный мужчина не заслуживает со стороны рассудительной женщины никакой привязанности *(фр.).*}.

Хоть я получила довольно небрежное воспитание, чувство восхищения перед прекрасным, что вложено в меня природой, позволяет мне тотчас же распознать алмаз, будь он даже покрыт самой грубой корой, и мне никогда не пришлось бы краснеть за предмет своей привязанности. Когда способности человека выявляются, так сказать, сами собой, без чьей-либо посторонней поддержки, и он выказывает незаурядность и благовоспитанность, кои суть плод его собственных усилий,- это всегда признак высокой даровитости. Именно таков Иммортель. Благородство и изящество его манер проявляются сами собой, без помощи воспитания, прекрасные свойства его души заметны с первого же взгляда. Стоит ему лишь произнести слово, как сразу угадываешь его ум и те усилия, кои он употребляет, дабы с каждым днём все более обогащать его новыми

познаниями. Нет надобности говорить с ним, чтобы узнать его,- достаточно лишь увидеть выражение его глаз, которое то и дело меняется, являя нам верное зеркало прекрасной души его.

Перечитала только что написанное и нахожу, что это очень напоминает панегирик, хотя мне не к чему писать его для вас, ибо вы не хуже меня знаете и угадываете все его достоинства. Это скорее просто портрет, о котором можно сказать, что он не приукрашен, хоть и недописан.

В 4 часа

Собираюсь выйти немного подышать свежим воздухом, но сперва хочу переписать для вас из г-жи Сталь прекрасный отрывок о религии. Он в самом деле великолепен. Я старалась перевести его как можно лучше, чтобы вы могли познакомить с ним и того, кто умеет ценить прекрасное во всем. Вы меня понимаете и, разумеется, дадите ему это прочесть. Хоть перевод и дурен, всё же через него можно распознать красоту слога писателя.

Сейчас немножко прокатилась, и хотя не рассеяла снедающей меня грусти, но закружила голову и от этого устала немножко. Кир И. был у меня, теперь я ему сказала все препоручения ваши к нему, и он благодарен. Говорит, что и теперь часто мысленно вас на руках носит. Он очень добрый и честный человек, но теперь я редко имею случай его видеть, принял должность старшего адъютанта и все сидит дома. Он уже давно не имеет писем - вот все, что он мог мне сказать, а оба первых письма я читала. То, что было написано ко мне, я зашила вместе с резедой в кусочек материи и привязала к своему крестику, о чём вам, кажется, писала.

Прощайте, добрый мой ангел, до вечера. А пока буду отдыхать. Когда бы я не для вас писала, мне бы казалось, что пишу слишком много. Но ведь это и для меня тоже. Как подумаю, что это может доставить вам приятную минуту, мне и самой делается приятно. Так что я трачу на это время из благородного эгоизма.

Вечером в 7 часов

Мне пришла в голову странная мысль, не должно бы вам о ней сказывать, но, привыкши все разного разбора мои мысли вам открывать, и эту скажу. Вот она: мне вдруг пришло в голову, что мои

письма могут вам наскучить, что вы устаете, их читая, это я вообразила особенно с этой почтой; я вам советую читать с расстановкой и сделать дневку хоть на половине.

Теперь скажите мне, справедлив ли мой страх, ежели мои глупости могут хотя малейший сделать вред драгоценному вашему здоровью, я велю красноречию моему замолчать; и поверьте, мой ангел, что жертва меньше с вами беседовать не трудна будет для меня, если противное может быть для вас вредно. Меня очень утешает, что вы маменьке читаете мой журнал; продолжайте, мой бесценный милый ангел, сообщать ей возможные статьи.

Письма ваши и Анны Николаевны я очень аккуратно получаю, но оставляю их у себя до свидания с ней, которое должно быть скоро, потому что мы недавно узнали, что мать её родила дочь Марью[25] *и, верно не останется долго в Петербурге, она большая хозяйка и не любит столицу. Впрочем, она так считает себя счастливою, что везде довольна своим состоянием.*

Я бы очень рада скорее увидеть Анету, было бы с кем душу отвести.

Теперь у меня слёзы навернулись на глаза; ваше письмо лежит развернутое на столике - сколько различных, вместе горестных и приятных чувств оно во мне возбудило; начертание руки вашей, надпись земного, потерянного для меня, рая,- всё это производит движения души, превосходящие всякое описание. О, боже мой! Какие бы жертвы я в состоянии сделать, чтобы он соединил меня с вами, все, что я имею, отдала бы с радостью. Лишь тогда достало бы у меня силы следовать стезей добродетелей: ни одна из них не осталась бы чуждою моей душе! Всякий бедняк был бы мне другом, всякий несчастный - братом. Теперь же я только то и делаю, что стенаю под бременем собственных горестей, и у меня нет сил на добрые дела; беда моя подавила во мне все способности, и у меня хватает сил только на то, чтобы говорить о ней с единственным сердечным другом моим, лишь на её груди ища себе утешения, да лить слёзы о том, что мы так ужасно далеко друг от друга.

9 часов

Только что у меня снова был разговор с мужем, речь шла о его поездке за границу, он решил в сентябре ехать в Петербург, там получить отпуск и в начале весны отправиться. Он заявил мне, что готов, ежели я этого хочу, перейти в армию Ермолова, но уж тогда пусть я имею в виду, что мы с ним навсегда расстанемся,- я бы этому только рада была (ибо для меня невозможно составить его счастье), одно лишь меня удерживает - страх

доставить неудовольствие папеньке: я была бы безутешна (даже подле вас), зная, что из-за меня он несчастлив. Что вы посоветуете мне, мой ангел?

Напишите, буду ждать вашего ответа со страстным нетерпением.

Ежели вы полагаете это возможным, напишите, что вы на этот счет думаете.

Положение моё достойно жалости. Прощайте на сегодня. Спросите у Иммортеля, рад ли он будет, ежели скоро увидит меня в ваших местах. Спросите его об этом непременно и перескажите мне его ответ, я не успокоюсь, пока не узнаю его. Доброй вам ночи, пусть спит спокойно весь этот маленький мир дорогих мне существ, коих я люблю больше себя самой.

Понедельник, 9-го, в 10 часов утра

Только что я успела встать с постели, как мне сказали, что приехал Лаптев, чтобы справиться о моём здоровье. Он очень тревожился о Катеньке, но теперь все уже прошло, и она вне опасности.

Прощайте, мой бесценный ангел, Христос с вами. "Les hommes froids et egoistes trou vent un plaisir particulier a se moquer des attachements passionnes et voudraient faire passer pour factice tout ce qu'ils n'eprouvent pas" *(Stael)* {Люди холодные и себялюбивые находят особое удовольствие в том, что высмеивают чувство страстной привязанности и готовы объявить неестественным все, чего сами не испытывают (Сталь) *(фр.).*}.

Вот точно так же, мой ангел, и все те, кто меня окружают, никогда не способны были судить о силе и природе моей привязанности к вам.

Ещё немного о моих делах. Муж твёрдо мне обещал отвезти меня к вам и там оставить на те месяцы, что он будет на водах - с мая до сентября, - так что ежели только я останусь жива, то всё это время буду самым счастливым человеком на свете. Довольны вы, мой ангел? Сдается мне, что эта новость радует вас меньше, нежели меня: или вы не одобряете этого плана? Быть не может. Все, что до меня касается, без сомнения, должно и на вас производить то же действие.

Пора оставить перо, я и так все другие переписки оставила и занимаюсь только журналом. Очень я слабодушна и не умею полезное предпочитать приятному, но зато умею согласить одно с другим - раз это

доставляет вам удовольствие, значит, мне это полезно. Однако прощайте. С тех пор как я сюда приехала, я ни разу не писала Надине, не поздравила Анету и ещё не ответила на письмо Каролины. Прощайте же, *надобно выполнить все обязанности.*

Хотела послать Лизе сапожки, но Ермолай Федорович говорит, что дорого на почту, и хотел послать казенным конвертом, но я это отклонила. Пришлось бы это сделать от его имени, а, говорят, нынче это очень опасно, могут распечатать, и тогда у него будут неприятности.

Боже, сохрани от этого. Вы ведь знаете, что над ним висит ещё дело по поводу дуэли, которое зависит от Ротта, и так как он отказывается стать презренным орудием его любовницы, тот воспользуется этим предлогом, чтобы насолить ему. *Прощайте ещё раз.* Всякий раз, как я отправляю мой дневник, мне кажется, будто я снова с вами расстаюсь. Да хранят все силы небесные ваше здоровье и спокойствие всех вас. Анета, *ваша.*

Псков, 1820-й. Понедельник, 9-го, в 9 часов вечера

Не успела опомниться, и опять перо в руках. Я отложила все другие письма до отправления журнала, я его отправила в четыре часа, все отдыхала, а теперь, принявшись за перо, нечаянно попался приготовленный номер под руку. Невольного влечения не в силах удержать, и истинно к несчастью могу сказать: вы ни на минуту не выходите из головы или, лучше сказать, из сердца. Ежели я возьму книгу, то единственно для того, чтобы выбирать эссенцию и сообщать вам лучшие мысли.

Хочу написать вам то, что прочитала сейчас у г-жи де Сталь касательно солнца (вы помните тот маленький спор, который закончился тем, что со мной согласились и воздали должное солнцу): "Quand les tenebres nous epouvantent ce ne sont pas toujours les perils auxquels ils nous exposent que nous redoutons, mais c'est la sympathie de la nuit avec tous les genres de privations et de douleurs dont nous sommes penetres. Le soleil au contraire, est comme une emmanation de la Divinite, comme le messager eclatant d'une priere exaucee: ses rayons descendent sur la terre, non seulement pour guider les travaux de l'homme, mais pour exprimer de l'amour a la nature" {Когда мы устрашены мраком ночи, нас часто пугают не опасности, коими она подстерегает нас, а её соприкосновенность всякого рода утратам и страданиям, коими она в нас проникает. Солнце же, напротив, есть как бы

эманация божества, как бы сияющий провозвестник услышанной молитвы, лучи его нисходят на землю не для того только, чтобы сопутствовать человеку в его трудах, но чтобы изъяснить природе свою любовь *(фр.).*}.

"Его лучи сходят на землю не для того только, чтобы сопутствовать трудам человека, но и чтоб изъяснить любовь Природе".

Не правда ли, что эта мысль божественна? Любите г-жу Сталь! Познакомьте с этой мыслью тех, кто сумеет её оценить: для этого-то я и перевела последнюю и самую прекрасную фразу. Как дивно это выражено! Кто другой сумел бы столь благородно, столь приятно выразить свой восторг перед этим прекрасным светилом?

Ещё небольшой отрывок о Солнце: "Les fleurs se tournent vers la lumiere afin de l'accueillir; elles se reforment pendant la nuit et le matin et le soir elles semblent exhaler en parfums odorifiants leurs hymnes de louange. Quand on eleve les fleurs dans d'obscurite, pales, elles no revetent plus leurs couleurs accoutumees; mais quand on les rend au jour, le soleil reflechit en elles ses rayons variees comme dans l'are-er-ciel et l'on dirait qu'il se mire avec orgueil dans la beaute dont ii les a parees" {Цветы поворачиваются к свету, чтобы принять его в себя: они закрываются на ночь, а утром и вечером своим ароматом словно выдыхают хвалебные гимны. Когда цветы растят в темноте, они утрачивают присущую им яркость красок; но стоит их вынести на свет, как солнце отражает в них, словно в радуге, многоцветные лучи свои, и кажется, будто оно горделиво любуется собой в той красоте, коей их украсило *(фр.).*}.

Это небольшое описание тоже прелестно, не правда ли? Но пора расстаться с вами; покойной ночи; завтра я расскажу вам, как она оценивает франкмасонство.

10 августа, в 10 часов утра

Здравствуйте, нежный друг мой! Вот что говорит она о франкмасонстве: "Lessing a ecrit sur la franc-maconnerie un Dialogue ou son genie lumineux se fait eminemment remarquer. Il affirme que cette association a pour but de reunir les hommes, malgre les barrieres etablies par la societe; car si sous quelques rapports l'etat social forme un lien entre les hommes en les sonmettant a l'empire des lois il les separe par les differences de rang et de gouvernement. Cette fraternite, veritable image de l'age d'or a ete melee dans la

franc-maconnerie a beaucoup d'autres idees qui sont aussi bonnes et morales. On nesaurait se dissimuler cependant qu'il est dans la nature des association secretes de porter les esprits vers l'independance; mais ces associations sont aussi tres favorables au developpement des lumieres, car tout ce que les hommes font par eux-meme et spontanement donne a leur jugement plus de force et d'etendue" {Лессинг написал о франкмасонстве Диалог, в котором светлый его ум обнаруживается в высшей степени. Он утверждает, что содружество это имеет целью объединить людей, вопреки тем преградам, что установлены обществом; ибо если общество и образует некую связь между людьми, подчиняя их власти законов, оно же их и разъединяет, благодаря различиям в общественном положении и месту в управлении. Идея братства, этого подлинного образа Золотого века, в франкмасонстве слилась со многими другими идеями, столь же благими и нравственными. Нельзя закрывать глаза на то, что по самой своей природе тайные содружества влекут умы к независимости; однако они весьма способствуют и развитию просвещения, ибо всё то, что люди делают по собственной воле и без принуждения, сообщает их суждениям большую силу и широту *(фр.).*}.

Я всегда считала эту секту очень полезной: но крайней мере, человек в ней близок к природе, поскольку люди видят друг в друге братьев; и (между нами говоря) я думаю, что когда бы все мы были масонами, то были бы гораздо счастливее.

В 9 часов

Г-жа Сталь ещё говорит, что: "L'enthousiasme est de tous les sentiments celui qui donne le plus de bonheur, le seul qui en donne veritablement, le seul qui sache nous faire supporter la destinee humaine dans toutes les situations ou le sort nous place" {Из всех чувствований энтузиазм доставляет нам наибольшее счастье, действительно подлинное счастье, то единственное счастье, которое способно заставить нас переносить человеческую жизнь во всех тех положениях, в которые может поставить нас судьба *(фр.).*}.

Совершенно с ней в этом согласна, потому что сама это испытала. "La nature peut-elle etre sentie par les hommes sans enthousiasme? Ont-il pu lui parler de leurs froids interets, de leurs miserables devoirs? Que repondraient la mer et les etoiles aux vanites etroites de chaque homme pour chaque jour? Mais si notre ame est emue, si elle cherche un Dieu dans l'Univers, si meme

elle veut encore de la gloire et de l'amour, il y a des nuages qui lui parlent, des torrents qui se laissent interroger et le vent dans la bruyere semble daigner nous dire queique chose de ce qu'on aime" {Возможно ли людям общаться с природой без энтузиазма? Разве могли бы они поведать ей о своих холодных расчетах, о жалких своих желаниях? Как откликнулись бы море и звезды на мелкие, ежедневные дела, на суетные стремления каждого человека? Но если душа ваша взволнована, если она ищет во вселенной некое божество, пусть даже алкает она славы и любви - с ней говорят облака, ей внемлют бурные потоки, и кажется, будто ветерок, пробегая по вереску, благосклонно шепчет вам что-то о вашем любимом *(фр.).*}.

Она всегда соединяет любовь со всем изящным и великим! "Quelle magie le langage de l'amour n'emprunte-t-il pas a la pensee et des beaux arts! Qu'il est beau d'aimer p_a_r _l_e _c_o_e_u_r_ _e_t_ _p_a_r_ _l_a_ _p_e_n_s_e_e! De varier ainsi de mille manieres un sentiment qu'un seul mot pent exprimer, mais pour lequel toutes les paroles du monde ne sont encore que misere! De se penetrer des chefs d'oeuvre de l'imagination qui relevent tout de l'amour, et de trouver dans les merveilles de la nature et du genie quelques expressions de plus pour reveles son propre coeur" {Какого только очарования не заимствует язык любви у поэзии и изящных искусств! Сколь это прекрасно - любить и сердцем и мыслью! Варьировать таким образом, на тысячу ладов, чувство, могущее быть выраженным всего одним словом, но для выражения коего все слова на свете кажутся бедными! Проникаться совершеннейшими созданиями воображения, кои вдохновлены были любовью, и в чудесах природы и человеческого гения находить новые выражения, дабы раскрывать собственное сердце *(фр.).*}.

Я кончила читать г-жу Сталь, и теперь у меня нет больше ничего прекрасного. Если бы это не стоило так дорого, я доставила бы себе удовольствие и послала вам эту книгу почтой, чтобы вы могли её прочесть. Однако скажите все же, хотели бы вы этого? Тогда я вам её пришлю, как только у меня будут деньги: ибо сознаюсь вам, этот праздник, который мы дали бог знает зачем, обошелся нам около тысячи рублей. Сначала я думала, что это будет танцевальный вечер и можно будет обойтись одним чаем, а пришлось подавать и шампанское, и всевозможные фрукты, и разных сортов мороженое, словом, всего ушло очень много. *Магденко удивляется не кстати расточительности.* Всем распоряжался племянник, а меня заранее предупредили, что я ничему не должна

противиться.

Теперь же я никуда не выезжаю, да и, признаться вам (хоть я уверена, что будете сердиться), не хочется на людей глядеть, от всех удовольствий мира отказалась бы сейчас, только бы избавиться от такой жизни. Виновата! Без ужасу не могу вспомнить жестокости, с которой вы изгнали меня из вашего раю! Вы отравили дни мои горестью, я не имею ни минуты покою, ужасная мысль грызет мою душу, что несчастный увидит свет с ненавистью своей матери! Ежели бы и была возможность к вам теперь ехать, то я не решусь родителям показаться в моём положении; всякий прочитает мои чувства на лице моем, а я бы желала скрыть их от самой себя.

Вы знаете, что это не легкомыслие и не каприз; я вам и прежде говорила, что я не хочу иметь детей, для меня ужасна была мысль не любить их и теперь ещё ужасна.

Вы также знаете, что сначала я очень хотела иметь дитя, и потому я имею некоторую нежность к Катеньке, хотя и упрекаю иногда себя, что она не довольно велика. Но этого все небесные силы не заставят меня полюбить: по несчастью, я такую чувствую ненависть ко всей этой фамилии, это такое непреодолимое чувство во мне, что я никакими усилиями не в состоянии от оного избавиться.

Это исповедь! Простите меня, мой ангел.

1820. 10-го августа, вечером, в половине одиннадцатого

Итак, вы сами видите, ничто уже не может помочь мне в моей беде. Господь прогневался на меня, и я осуждена вновь стать матерью, не испытывая при этом ни радости, ни материнских чувств. Мой удел на сей земле - одни лишь страдания. Я ищу прибежище в молитве, я покорно предаю себя воле божьей, но слёзы мои все льются и нет рядом благодетельной руки, что осушила бы их, нет подле меня моего друга-утешителя, который заставил бы иссякнуть их источник или принял меня в лоно свое.

Простите меня, я понимаю, что огорчаю вас. Берегите своё здоровье - этим вы убережете жизнь мою: она в ваших руках. Никого нет на свете, кроме маменьки, кого бы я больше вас любила. Совестно признаваться в этом, но это правда: даже моя дочка не так дорога мне, как вы. И мне

нисколько этого не стыдно; ведь сердцу не прикажешь, но всё же я должна вам это сказать: будь это дитя от..., оно бы мне дороже было собственной жизни, и теперешнее моё состояние доставляло бы мне неземную радость, когда бы..., но до радости мне далеко - в моём сердце ад, повторяю это. Тут не каприз: чувство это непреодолимо, хотя и приводит меня в отчаяние.

Спокойной ночи, мой ангел, и не думайте дурно о вашей Анете.

11-го августа, в полдень

Здравствуйте, мой нежный друг. Нынешним утром мне пришло сразу три приглашения: первое - в Дерпт, на свадьбу одного майора нашего полка; второе - на несколько балов к ряду у Магденки в Острове, на 20-е число; а третье - на крестины одного младенца с его величеством императором Александром. Приняла я только последнее: душе моей так чужды сейчас всякие развлечения. Балы для меня самая безразличная вещь на свете, скорей даже неприятная. Предвижу, что все военные станут приставать ко мне с уговорами, особенно губернатор и Лаптев, но я решила твёрдо стоять на своем; и потом у меня ведь есть оправдание - нездоровье дочки.

Погода прехолодная и предождливая, чему я очень рада. Когда на сердце весело, тогда приятно и на светлое солнце смотреть, а когда на сердце ненастно, то и в вёдро дождь идёт. Молю бога, чтобы у вас была всегда хорошая погода, совершенное у всех здоровье, спокойствие душевное и милое воспоминание о той, которая вами только дышит. Я не знаю, почему мне вздумалось сделать вам странный, может быть, вопрос и на который требую от вас непременно скорого и решительного ответа. Скажите мне, довольны ли вы будете, т. е. папенька, маменька и все семейство, видеть меня у вас на будущую весну и на долгое, может быть, время? Вам это покажется странно, но я чувствую, что, конечно, не вас и не маменьку, а других моё присутствие может тяготить. Как вы думаете? К сожалению, должна признаться, что только в ваших и маменькиных чувствах совершенно уверена, а это очень тяжело - быть в тягость близким людям, вы, верно, со мной в этом согласитесь. Я уже сказывала вам, что Ермолай Федорович обещался оставить меня, когда поедет за границу, может случиться, что я год у вас пробуду. Ежели, боже сохрани, моим присутствием я кому-нибудь буду в тягость, я этого не перенесу, и

потому, мой ангел, я спрашиваю вашего совету и прошу вас отвечать мне откровенно, не судя только по своему сердцу; ежели бы только от него зависело, то я наперед знаю его ответ.

Прочитайте маменьке эти строки и сообщите мне её мысли. Конечно, я уже не буду та, как прежде, не буду занимать вас моею веселостью, а надоедать вам моею грустью; мне, может быть, прибавится обязанность, и тяжелая обязанность, без любви ужасно тяжелая. Пишите ко мне чаще, ради самого неба, недавно виденный сон подал мысль: ежели вы имеете особенное что-нибудь сказать, то пишите на имя Кира Ивановича, второй пакет вручить не замедля в собственные руки; ежели вы находите это удобным, то это очень легко, и я верно буду получать ваши письма, ежели нет, то я потерплю, делайте, как вы находите лучшим, я всегда с вами согласна.

В 11 часов вечера

Доброй вам ночи, ангел мой, спите спокойно. Сегодня я написала к Каролине по тому адресу, который она сообщает - в Могилев на Днестре. Мне от души жаль эту бедную женщину - и всё же я невольно думаю, что судьба её в тысячу раз счастливее моей. Теперь она снова увидит своих родителей; она пишет ещё, что приедет в Лубны, а я снова потеряю эту возможность её увидеть. Наша с Каролиной судьба напоминает мне мысли г-жи Сталь касательно любви в браке: "C'est dans le mariage que la sensibilite est un devoir. Dans toute autre relation la vertu peut suffire; mais dans celle ou les destinees sont entrelacees, ou la meme impulsion sert pour ainsi dire aux battements de deux coeurs il semble qu'une affection profonde est presqu'un lien necessaire" {Именно в браке чувствительность сердца является необходимостью; во всех других человеческих отношениях можно удовольствоваться одной добродетелью; но в браке, где судьбы тесно переплетены друг с другом, где два сердца бьются, так сказать, единым порывом, глубокая привязанность есть условие почти обязательное *(фр.).*}.

Кто после этого решится утверждать, будто счастье в супружестве возможно и без глубокой привязанности к своему избраннику? Одни только бесчувственные, холодные, глупые женщины, кои от рождения обречены никогда не узнать, как сладостно любить и быть любимой, могут в подобном положении не чувствовать себя безмерно несчастными. А если

говорить обо мне, до коей косвенно касаются все эти споры, то вы хорошо знаете, что я отнюдь не принадлежу к их числу; вам известна моя душа - пылкая и любящая до самой крайней степени. Уж не знаю, к счастью или несчастью создал её такою бог, должно быть, к вечному моему несчастью - и, однако, я не променяла бы её на другую. Страдания мои ужасны, но зато мне ведомы и божественные радости. Неоценимо счастье, которое испытала я, живя у вас. Я плавала в море блаженства; а между тем всякая другая спокойно пользовалась бы всем этим, не подозревая, что это, быть может, самое великое счастье на земле. По крайней мере, я в своей восторженности рассматривала это так.

Прощайте, утешительница моя. Спите спокойно. Пусть приснится вам та, кто так счастлива бывает, только когда видит вас во сне.

12-го августа, 1 час пополудни

Кир И. сейчас был у меня; я так всегда рада его видеть и Катенька также, мы вместе вспоминаем наше счастливое пребывание в земном раю.

Вот моё состояние:

"Lutter seuie contre le sort, s'avancer vers le Cercueil sans qu'un ami vous soutienne, sans qu'un ami vous regrette, c'est un isolement dont les deserts de l'Arabie ne donnent qu'une faible idee; et quand tout le tresor de vos jeunes annees a ete donne en vain... il vous semble qu'on vous a prive des dons de Dieu sur la terre" *(Stael)* {Одной бороться с судьбой, все ближе подвигаясь к могиле, и не иметь подле себя друга, который поддерживал бы вас, который бы вас пожалел,- это такое одиночество, что даже одиночество в Аравийской пустыне может дать о нём лишь слабое представление. И когда оказывается, что все сокровища вашей юности растрачены понапрасну... вам представляется, будто вас лишили даров божьих на земле (Сталь) *(фр.).*}.

Меня лишили самых прекрасных даров божьих, а я должна терпеть и не роптать.

В 4 часа

День сегодня прекрасный, солнце чудесное - но это только усугубляет мои страдания - все мне вспоминается милый сердцу край. Воображение рисует мне вас, нежный друг мой, в прелестном голубом чепчике, я вижу,

как вы гуляете по нашему чудесному саду, а может быть, рядом с вами ещё кто-то? И я стараюсь угадать, о чём вы говорите. Не слишком ли это большая самонадеянность - думать, что обо мне?

В 6 часов

Я только что проехалась в карете. Видела добрейшего Кира Ивановича, сидевшего у своего окна. Он тоже был несказанно рад, увидев меня. Стоило мне завидеть в окне форму их полка, как сердце моё забилось. Когда наконец узрею я того, кто красит её собою - для меня и всех тех, кто способен оценить истинное достоинство? Пусть будет он счастлив, так счастлив, как я ему того желаю и как он того заслуживает! Мне кажется, что папенька так и не узнал о маленькой прогулке, которую он тайно совершил, чтобы проводить меня. Вы не можете себе представить, как отчётливо воспоминание о той ночи или, вернее, о том утре запечатлелось в моём мозгу, особенно то мгновение, когда карета подъехала к почте, где, я знала, он должен был ждать, а он минутку замешкался, и я испугалась, что его нет! Никогда не сумею описать вам то сладкое чувство, которое испытала я при виде его. Ни одно любовное свидание не может быть столь чарующим. Это мгновение счастья, я смотрела на него с чувством блаженства, я любила его, не испытывая угрызений совести, да и теперь никакие угрызения совести не отравляют моей привязанности к нему.

В 10 часов, после ужина

Покойной вам ночи, дорогой друг мой. Хоть мне и нечего вам сказать, всё же беру перо - по привычке, ибо никогда не ложусь, прежде чем не выполню своей обязанности пожелать вам приятного сна, по крайней мере мысленно, раз уж я так несчастна, что лишена этого в действительности.

Сегодня я плакала горькими слезами, вспоминая последнее своё прощание с вами, мой ангел. Мне велели обмануть вас, а у меня не хватило на это ни сил, ни мужества. Душа моя хранит воспоминание о последних ваших объятиях. Скорей бы дождаться того часа, когда вновь наслажусь ими и смогу назвать себя вашей счастливою Анетой. А до тех пор жалейте меня и молитесь за меня. Приятного сна вам, ангел мой, друг мой, а также...

13-го в 11 часов утра

Добрый день, нежный мой друг, как вы себя нынче утром чувствуете? Я

только что закончила писать к тетушке Анете и думаю о том, какая разница между нею и вами, между добровольным дружеством и доверенностью вынужденной. На её примере сразу видишь, как справедлива пословица, что для счастливого отсутствующий всегда не прав.

В 2 часа

Легко давать советы, когда не способен сочувствовать чужому горю. *Хорошо счастливым рассуждать, а несчастный должен молчать, да и не имел бы сил столько, чтобы возвысить голос.*

Пока прощаюсь с вами, иду обедать, больше для порядка, нежели с голоду. Мне ничего не хочется, совсем пропал аппетит. Все эти последние дни я ем только постное и буду поститься до 15-го, может, господь сжалится надо мной.

Вечером, в половине 7-го

Только что ездила кататься с дорогим супругом. Сначала лошади чуть было не опрокинули карету, чему в душе я очень обрадовалась, в надежде что это может повлечь за собой благодетельный исход, но нет, мы не вывалились. Когда мы проезжали мимо церкви, супруг милостиво разрешил мне в неё войти. Там, в уголочке, я прочла свою обычную краткую молитву, после чего мы продолжали прогулку. Она отнюдь не была приятной, не был приятным и наш разговор, но всё же это лучше, чем быть вынужденной появляться в обществе, где всякий втихомолку судит нас и осуждает. Желания у меня теперь, как видите, самые скромные - я хочу даже уже не счастливой, а спокойной жизни - жизни в безвестности и уединении. И более всего уповаю я на будущий май, когда должны осуществиться самые заветные мои желания. Мне нужно спросить вас ещё об одном: как вы полагаете, не перестанет он меня любить? Это очень глупый вопрос, но он невольно смущает мою мысль, ибо, говоря по правде, я не представляю себе большего несчастья, чем потеря его привязанности. Если бы по приезде я вдруг нашла перемену даже в одном его обращении со мной, это было бы для меня большим горем. Не то чтобы я хотела выказывать ему любовь свою (непозволительную с точки зрения этого противного долга), но мне хотелось бы навечно сохранить это сладостное право читать в его глазах, иногда дозволяя и ему читать в моих. Постарайтесь выведать у него, мой ангел, как он относится к этому

обстоятельству. В том, что я вам предлагаю, нет ничего предосудительного, напротив, это согласуется с велениями самой строгой нравственности и деликатности, иначе, зная вас и ваше сердце, никогда бы не стала о том просить. Дело ведь только в том, что надобно понять, как он встретит меня в случае, если я возвращусь в Лубны. Обрадуется ли он этому известию? *Вы это скажите нечаянно, чтоб видеть, какие действия произведут слова ваши. Вы знаете, как нетрудно читать в глазах его все движения прекрасной, благородной души.* Не отказывайте в этом утешении вашей Анете, напишите, что вы об этом думаете и что он вам ответит. Вы меня довольно знаете, праведный мой друг, чтобы быть уверенной, что я не способна на женскую слабость, и для меня не может быть выше блаженства, чем любовь невинная, без угрызений совести.

Завтра суббота. Для меня это день праздничный, потому что я наверное получу от вас письма, а может быть, и какие-нибудь известия через *Кира Ивановича* об Иммортеле. *Я не могу придумать, почему вы то имя больше любите, нежели это? Неужели от неуверенности в продолжении,- горицвет - капля крови. Я вам, кажется, сказывала, отчего я нахожу* Иммортель *самое приличное имя:* потому что однажды он сказал мне то слово, прощаясь со мной, и потом, уходя, повторил его очень выразительно, как выразительно все, что он говорит. А потом я все надеялась на милосердие божие, на то, что не всегда он будет для меня Шиповником, а, быть может, когда-нибудь станет Тимьяном рядом с Царицею Лугов, вот потому я и решила, что нужно такое имя, которое прошло бы через все обстоятельства и могло бы подойти ему во всякое время.

Прощайте, мой ангел, покидаю вас: пришли гости, полковник; во вторник я буду крестить и, кажется, с Лаптевым. Какой приятный кум! Прощайте, мой ангел, прижимаю вас к сердцу, вся ваша мысленно.

В 8 часов вечера

Как бы мне хотелось получить ответ на свой вопрос! Уж такая я нетерпеливая, это один из больших моих пороков.

В 10 часов вечера, после ужина

Сейчас была у П. Керна, в его комнате. Не знаю для чего, но муж во что бы то ни стало хочет, чтобы я ходила туда, когда тот ложится спать. Чаще

я от этого уклоняюсь, но иной раз он тащит меня туда чуть ли не силой. А этот молодой человек, как я вам о том уже сказывала, не отличается ни робостью, ни скромностью; вместо того чтобы почувствовать себя неловко, он ведёт себя, как второй Нарцисс, и воображает, что нужно быть по меньшей мере из льда, чтобы не влюбиться в него, узрев в столь приятной позе. Муж заставил меня сесть подле его постели и стал с нами обоими шутить, все спрашивал меня, что, мол, не правда ли, какое у его племянника красивое лицо. Признаюсь вам, я просто теряюсь и придумать не могу, что всё это значит и как понять такое странное поведение. Помню, однажды я спросила племянника, неужели его дядюшка к нему ни капельки не ревнует, и тот мне ответил, что он не смеет ревновать, он, мол, виноват перед ним, сделав несчастье всего его семейства, что ежели бы даже у него и были причины ревновать, он не стал бы этого показывать. Признаюсь вам, что я боюсь слишком дурно говорить о муже, но некоторые свойства его отнюдь не делают ему чести. Ежели человек способен делать оскорбительные предположения насчёт своего тестя и собственной жены, то он, конечно, способен позволить племяннику волочиться за ней, дабы возместить ему утрату матери. Я, конечно, могу поверить, что тот, кому из-за каких-то пустяков могут прийти подобные подозрения, и сам на такое способен. Вот каков человек, к которому вы так несправедливо, вернее, так жестокосердно меня отослали. Заикнись я только обо всем этом папеньке, который всегда так строг насчёт чести, он бы позволил мне остаться. Но у меня, кажется, никогда недостало бы смелости заговорить с ним об этом.

Прощайте, мой нежный друг. И всё же я рассчитываю, ежели доберусь только до вас, ни за что более с вами не разлучаться. Мне отвратительно жить с человеком столь низких, столь гнусных мыслей. Носить его имя - и то уже достаточное бремя. Прощайте ещё раз. Молитесь за вашу Анету.

14-го августа, в 10 часов утра

Слава богу, милый друг мой, сейчас только получила ваше письмо! Благодарю небо за то, что вам стало лучше. Известие это возвращает меня к жизни.

Ваши прогулки и беседы с Полем безмерно меня радуют. Отдавайте ему всегда самую лучшую грушу в память о том времени, счастливом времени, когда я отдавала ему самую лучшую ягодку земляники и чувствовала себя в тысячу раз счастливее, чем если бы съела её сама.

Сейчас я пишу к вам и пью чай из чашки, которая сделалась мне дорога, потому что в последнее расставанье из неё пил обожаемый Поль. Я теперь никогда не пью чая из другой чашки и всегда ношу то ожерелье, что мы вместе нанизывали, сидя на балконе.

Как я рада, что вы едете к обедне, может случиться, что наши молитвы в одно время будут воссылаемы ко всевышнему и тогда авось будут услышаны.

Насчет А. А. скажу вам, что я очень рада, что от неё отделались; надобно ей отдать справедливость, никуда не годится; уверила меня, что вам заплатила за пояски, увезла мою хорошенькую лорнетку и оборочки, почти из глаз моих старые, все прочее я по записке приняла. Желтое шелковое платье выпросила у меня в день отъезда, а я не умела отказать и отдала. Она не имеет ни стыда, ни совести и точно то есть, что я об ней заключила. За Катенькой теперь ходит Катерина, и я ей очень довольна. Вы мне писали, что имеете прекрасные узоры, так для пелеринки я полагаюсь на ваш вкус, или попросите папеньку, чтоб он для меня выбрал, приятнее будет носить. Хороших и модных узоров я постараюсь для вас достать, мой ангел. Я с вами согласна, что почта вещь неоцененная, и молюсь о царстве небесном тому смертному, который первый это изобрел.

Как мне грустно, мой ангел, что мы не в состоянии теперь никак выкупить бриллианты, а как скоро будут деньги, то я упрошу мужа, чтоб он послал и после непременно их продал. На что они мне? Я намерена и фермуар продать.

Сказать ли вам, мой ангел? Маменька меня огорчила сегодняшним письмом, она никогда так не начинала (друзья мои Ермолай Федорович и Анна Петровна), но прежде - друг мой Анетушка. Скажите ей, чтоб она ко мне так не писала, я даже папенькиным была довольна. Попросите мою родную маменьку, чтоб она меня (Анной Петровной) не огорчала, а называла бы всегда Анетушкой. Она, верно, это сделала от рассеянности, а для несчастной и такая малость много значит.

Папенькиным и вашим письмам более всех довольна. Лизе не верю о грусти её, что меня нету, я её очень узнала и знаю, что, может быть, она даже рада моему отъезду. Очень жаль, что она так фальшива и может говорить против своих чувств; это, однако ж, послужит к её

счастью, в нынешнем свете всего более надобно скрывать истинные чувства и показывать ложные - чего я совсем не умею сделать. Оставляю перо, чтобы купать Катеньку, обнимаю вас, мой ангел, Христос с вами. Это последнее слово, какое я сказала Полю. *Дай бог вам здоровья, что расчетливость не заставляет вас реже писать, а меня никогда не заставит прекратить мой журнал, разве сил недостанет.*

14-го августа, утром, в половине 12-го

Как обрадовало и утешило меня сегодняшнее письмо ваше, мой ангел, бог услышал хотя одну мою молитву, подкрепил вас, слава богу, что вы уже выезжать можете. Это мне подает надежду на совершенное ваше выздоровление. Вы мне ничего не пишете насчёт вашей мамзели, а папенька, кажется, ею недоволен. Что бы это значило? Ежели она не будет полезна, то не очень приятно платить такую ужасную цену при тесных обстоятельствах и таком расстроенном состоянии.

Вечером в половине девятого

Поль мне пишет, что получил хорошенький перочинный ножик и цепочку. Как он добр, что доставляет удовольствие моему любимому братику. Поблагодарите его за это тысячу раз - не забудьте.

Сейчас взглянула на свою штору и вспомнила, что вы ещё не знаете её сюжету. Он состоит в огромной башне на берегу большой реки или озера, осеняемой с правой стороны большим деревом, а влево видна большая дорога, вероятно, ведущая в Лубны, по крайней мере, моё воображение так представляет. По эту сторону, т. е. на противоположном берегу, стоят два егеря, один с ружьем, а другой с трубой, они не в егерских мундирах, но в охотничьих платьях.

Сегодня у меня обедала гостья, молодая вдова, г-жа Фигнер, и после обеда мы вместе с ней катались; она мне признавалась насчёт тяжелого характеру её невестки, бывшей Муравьевой; она только что месяц как к ним приехала, и не знают, дождутся ли её отъезда, так наскучила. Не довольно иметь блестящее воспитание и хорошую наружность, чтобы нравиться и быть любимой! Хороший нрав и доброе сердце более всего привлекают к себе.

Я сегодня целое после обеда проплакала, это почти всякий день со мной случается, не исключая тех праздничных для меня дней, когда я

имею счастье получить от вас грамотку. Так тяжело видеть себя одну, как в пустыне, не имев, к кому голову приклонить. Я никак не считаю себя счастливее несчастных, невинно заключенных в темницу; они имеют отраду в надежде быть когда-нибудь освобождены, а я... может быть, осуждена вечно страдать! Скажите мне хотя один раз о роде ваших разговоров на счет мой, предложите ему быть моим Йориком, я с радостью буду его Элоизой - хотя по чувствам, если не по достоинству. Вы мне ничего не отвечаете? Какие вы жестокие! Виновата, мой ангел, я брежу, извините беспорядок моих мыслей, я не приготовленное вам пишу, а все вдруг, что приходит в голову, да иначе бы недостало сил столько бумаги марать.

Иногда я воображаю с удовольствием, когда придут счастливые времена, т. е. я буду с вами вместе, непременно будем читать этот нескладный, но справедливый и пространный журнал. Хорошо, если тогда он заставит нас посмеяться.

Напишите мне, пожалуйста, что делают цветы, которые мы с *Пашей садили возле балкона; они, верно, не принялись и теперь, может быть, совсем завяли, да я и не знаю ведь, какого они роду, верно резеда. Я уверена, что настоящий хозяин имеет о них попечение, и если они живы, не позволит завянуть резеде.*

Как ненавистны мне люди ограниченного ума и при этом ещё самонадеянные, а ведь это счастливейшие люди на свете, потому что они воображают, будто стоят гораздо больше, нежели стоят на самом деле. Мой драгоценный супруг, например, вбил себе в голову, будто все заняты его особой и будто он невесть какое важное лицо для России и для армии. Вот теперь он совершенно уверен, что Ротт будет ходатайствовать перед императором, чтобы ему дали 15-ю дивизию, и он уже заранее ломает себе голову, как он будет выходить из затруднений, кои это за собой повлечет. А я голову готова дать на отсечение, что этого никогда не случится, но если бы случилось, несчастнее меня не было бы на свете, несмотря на то что я имела бы тогда счастье вас видеть и быть подле вас. Но мне пришлось бы тогда страдать не только за себя, но и за всех вас от неприятностей, кои он без конца стал бы учинять; не говоря о том, что при муже у меня совсем другое расположение духа, ибо приходится всякое слово взвешивать, на каждом шагу остерегаться; да и как можно быть веселой и любезной, когда каждую минуту видишь перед собой виновника

всех своих несчастий? Для всех, кто знал меня прежде, перемена была бы столь разительна, что это причинило бы вред моей репутации, и, вероятно, я стала бы предметом язвительных насмешек Ротта и *Юшкова;* уж они бы тогда меня не пощадили, а это огорчило бы и вас, и моих родителей не меньше, чем меня. Но этого не будет, это вернее верного. Ротт не станет обращаться с этим к императору, а его величество (между нами говоря), пока нет войны, не будет торопиться исполнить обещание, данное знаменитому г-ну Керну.

Посылаю вам, мой ангел, ту песенку, которую я вам часто пела; слова очень хорошенькие, и вам, верно, будет приятно её иметь.

10 часов, после ужина

Сейчас у меня был спор с уважаемым племянничком, и я решила с сегодняшнего дня больше ничего никогда ему не говорить, кроме "здравствуйте" и "прощайте", потому что заговори я с ним хоть о погоде, он всё равно станет мне возражать, а я устала спорить с дураком; ему охота шутить, а он даже понятия не имеет, что такое приличная шутка. Нынче вечером, за столом, он говорил такой вздор, что будь при этом кто-нибудь здравомыслящий, он бы только руками развел при виде разумного человека в одной компании с этими дураками.

Нечего сказать, тяжелая жизнь моя со всех сторон. Хотя бы от одного избавиться, а то двоих уж слишком много для слабого моего здоровья.

Не могу равнодушно видеть дурака, который мечтает о себе, что он 8-е чудо света, и кричит поминутно обо всем своё мнение, наотрез говорит и считает всех глупее себя.

Что может быть путного от молодого человека 18-ти лет; не имея ни скромности, ни ума, ни познаний, ни учтивости, ни любезности, нимало не сумневается во всех этих достоинствах до крайней степени.

14-го августа, вечером, в половине 11-го, после ужина

Спокойной ночи, мой ангел. Начинаю этот номер только для того, чтобы пожелать вам приятного сна и всех тех благ жизни, которых недостает вашей Анете, а именно здоровья, счастия и спокойствия. Пусть всегда будут они уделом моего дорогого и единственного друга, а мне пусть останется хоть утешение, что я могу быть спокойна за него. Прощайте, мой

ангел, до свидания.

Я завтра буду у обедни в соборе. Приезжайте тоже туда. Завтра большой праздник, авось и для меня будет праздник, то есть если я что-нибудь узнаю при посредстве Кира И. Прощайте, моё блаженство. Спокойной ночи, счастливых сновидений. До свидания.

15-го, в половине 5-го

Я сегодня была у праздника, у обедни, видела там Кира И., который мне сообщил, что вчерашняя почта была для него так же счастлива, как и для меня. Жду его теперь с величайшим нетерпением: хоть я и знаю уже, что отдельно для меня там ничего нет, но уверена, что есть что-нибудь обо мне, а это всё-таки какое-то утешение. Боже мой, как мало мне иной раз нужно, чтобы почувствовать радость.

Я сегодня слышала довольно хорошую проповедь, где он говорил, что смерть есть лучший советник в благополучии и самый сладкий утешитель в несчастии. Это справедливо, хотя я о последнем могу только судить.

Представьте себе, что мой любезный супруг непременно желает, чтобы я поехала на бал к Магденке, хотя я и сама почти что больна, и дочка ещё очень слаба, и её нельзя везти с собой; так он предлагает оставить её дома, на попечении двух служанок. Не правда ли, прекрасный план? Уже по одному этому можно судить, что даже дочку свою он не любит, потому что готов рисковать её жизнью только затем, чтобы не стали говорить, будто он не хочет меня пускать на этот бал.

Я сделаю все возможное, чтобы остаться, но не знаю, что мне делать, если он воспользуется своей властью и велит мне ехать. Зачем вас нету здесь со мною, вы дали бы мне совет. Я не знаю, куда голову приклонить. А теперь советы ваши придут уже слишком поздно. Почему ему не поехать одному? Не так глуп Магденко, чтобы обижаться на то, что ради его бала я не бросаю больного ребенка.

Сегодня я обедала одна, вернее, хуже, чем одна,- с этим идиотом племянником и нашим адъютантом, о котором, если вы хотите его знать, может порассказать вам г-жа (неразбр.).

Теперь жду *Кира И.,* которого, ежели хотите, будем называть Желтой Настурцией.

Действительно, праздник я провела довольно приятно. Впрочем, все дни проходят у меня приятно и однообразно - один похож на другой.

После вчерашнего, когда дорогому племяннику вздумалось наговорить мне столько глупостей, а его дядюшка на это и слова не сказал, будто его тут и не было, я совершенно откровенно на него дуюсь и с ним не разговариваю. Можно иметь дело с теми, кто понимает приличия, а раз мой дорогой супруг может равнодушно слушать, как мне говорят глупости, мне самой надобно защищаться. После того как ему не удалось уверить меня, что он в меня влюблен, он перечит мне на каждом слове, да так дерзко и неучтиво, что этого невозможно вынести. Я уверена, что ни к какому другому племяннику муж не стал бы проявлять столько снисходительности, но этот делает из него (и желал бы сделать и из меня) все, что ему вздумается. Дом наш превратился в какой-то кабак: свечи никогда не гасятся, ни ночью, ни днем, чтобы было от чего прикуривать трубки; словом, я здесь будто гостья, а он, если судить по его заносчивому тону, тут всему хозяин. Всего несколько дней, как он перестал давать советы, потому что увидел, что я им не следую. Я уже потеряла терпение, ожидая Желтую Настурцию, и если он не придет до того, как вернется..., я не смогу узнать о письме, которое он получил, и стану мучиться этой неизвестностью: ведь после ваших писем это большая моя отрада. И как он ни скромен и как ни владеет собой, я понимаю всякое его слово и весь интерес, который он ко мне проявляет. О, если другой удастся понравиться ему, тогда для меня все кончено: я на всю жизнь отказываюсь от любви.

Половина девятого

Он приходил и передал мне его. Я поехала в карете, нарочно, чтобы свободно его прочитать. За мной следят, так что я шагу не могу ступить, чтобы не вызвать самых оскорбительных подозрений! Право, нет больше моего терпения. Вот уже несколько дней, как он обращается со мной грубо, словно с горничной: курит себе трубку с утра до вечера, обнимается со своим племянничком, а со мной разговаривает с высоты своего величия.

Я отказываюсь от всех благ на свете, дайте мне уединенный угол только, чтоб я об нём не слышала и не видела! Своим поведением он доведет меня до крайности. Можете сказать об этом даже папеньке, я согласна. Я так несчастна, не могу больше выдержать. После того как в мои годы я от всего отказалась ради своей репутации (уж конечно, не ради

него), обращаться со мною подобным образом,- я этого не заслуживаю. Господь, видно, не благословил нашего союза и, конечно, не пожелает моей гибели, а ведь при такой жизни, как моя, я непременно погибну. Как это можно - не дать ни одной счастливой минутки, доставлять одни только огорчения той, которая ради его спокойствия (во всяком случае, он-то должен так думать) сидит запершись в четырех стенах. И о таком человеке говорят: "Это очень порядочный человек, *очень хороший человек!"* Так уж ведётся на свете! Достойный остаётся в тени, невежда торжествует. Кто придет мне на помощь, мне, всеми покинутой? Дитя моё не может меня утешить, и я в отчаянии, что оно постоянно видит меня с глазами полными слёз.

Вот по какой причине он так настаивал, чтобы я ехала к Магденке: он вообразил, будто мне весьма удобно будет остаться одной, когда он уедет. К кому же теперь он ревнует меня? Кому оказывает эту честь? Ведь я ни одной живой души не вижу. Не иначе как к Желтой Настурции,- о, несчастный! В этом он может быть спокоен. Я слишком самолюбива и чувствительна, чтобы могла когда-нибудь полюбить своего почтенного супруга, но я слишком уважаю себя, чтобы унизиться до интрижки.

В половине 10-го, 15-го числа

На этот раз вы, верно, испугаетесь величины пакета, семь полных нумеров; но не утешительных. Что же делать, мой бесценный ангел; я этому не виновата вовсе. Я была бы очень счастлива иметь что-нибудь хорошенькое вам сказать, но увы! Надобно было бы лгать, а я не умею.

У меня к вам ещё одна просьба. Утешьте моего любезного друга: он очень расстроен, пишет, что не получил ещё от Желтой Настурции ни одного письма, а посылает ему уже третье. Пишет об ярмарке, о красавицах, но прибавляет: *милых нет.* У него новая печатка: слова "дружба" и "любовь", а между ними две руки. Он умоляет, не называя моего имени, сообщить ему известия обо мне. Как мне жаль его! Ради бога, успокойте его, дайте ему прочитать несколько отрывков из моих писем, это доставит ему удовольствие. Он почти болен,- исцелите его, мой ангел. Это будет милосердным делом во имя человечества. Возвратите, если это возможно, спокойствие прекрасной этой душе. В этом не будет ничего предосудительного, и это будет благодеяние, достойное вашего сердца.

Я только что взглянула на себя в зеркало и - поверите ли - почти

испугалась, так скверно я выгляжу. Какая разница с тем, какой я была у вас! Мой румянец, моя свежесть, здоровый, счастливый вид - все исчезло. Побледневшие щеки, круги под глазами, постоянно полными слез, слишком ясно свидетельствуют о состоянии души моей. Горячая молитва да вы, коей я поверяю свои страдания,- вот единственное утешение, оставшееся мне на сей земле. И ещё бываю счастлива, когда меня оставляют в покое в моём углу.

Забыла вам сказать, попросите папеньку, бога ради, чтобы он не заботился с обещанной нам каретой, можно ли с его расстроенным состоянием дарить такую дорогую вещь. Он же одну мне подарил, я, право, довольна. Продажею такой кареты он может заплатить кой-какие долги, и это мне тысячу раз будет приятнее новой модной кареты. Ежели бы этим подарком он мог сделать меня счастливою, то я бы от него не отказалась. Но вы знаете, мой ангел, может ли какая-нибудь карета меня утешить. Ежели бы и в самом деле такая вещь могла принесть мне удовольствие, я бы с радостью им пожертвовала спокойствию моих родителей, которое не может быть устроено с такою кучею долгов.

11 часов, после ужина

Нужно признаться, чудесный образ жизни я веду! В доме я словно пятое колесо у колесницы: меня уже не ждут с обедом, без меня садятся за стол; и хоть бы, по крайней мере, извинились, так нет, такие учтивости не про нас писаны. В самом деле, странная вещь получается. Втерся в дом, живёт в нём хозяином, на всем готовом, и не только не стесняется и не считается с хозяйкой дома, но не оказывает, ей даже простого уважения, словно её и не существует. Только Керн способен на такую наглость! Просто в себя не могу прийти.

Прощайте, мой добрый ангел, спите спокойно, пусть никакие заботы не потревожат вас, мой добрый, мой ласковый друг. Впрочем, ящик Пандоры уже раскрылся над моей головой, так что все напасти, все горести и печали сыплются на меня, и я уже не боюсь, что они посмеют долететь до вас. Прощайте. Пусть божье благословение снизойдет на вас и отгонит от вас все, что сколько-нибудь напоминает мои страдания. Обнимите за меня добрую и нежную мою маменьку и передайте Иммортелю, что я желаю ему счастия.

16-го, в 10 часов утра

Здравствуйте, мой ангел! Поздравьте меня: сегодняшней ночью счастливее меня не было во всей вселенной. Какой дивный сон! *Все силы небесные, соединясь, чтобы меня осчастливить, не могли бы так успеть. Ах, мой ангел, разделите моё восхищение. Какой божественный сон! Но вы ещё ничего не знаете, а слушаете только бестолковые восклицания мои.* Так знайте же, всю эту ночь мне снился он, то есть мой Иммортель! Я видела его нежным, заботливым, он всюду следовал за мной, словно тень моя! Я плавала в море блаженства и удела своего не променяла бы ни на какое царство. Никогда ещё я не видела сна, который бы столь похож был на явь. Обычно все сновидения мелькают, словно тени, сегодня же напротив: я явственно слышала его голос, я держала руку его в своей. О, сладостный мираж! Одного этого было бы достаточно, чтобы разум мой помутился, но нет, я все ясно понимала (и это тоже был сон). Видела я, будто просыпаюсь на своей постели, а подле постели стоит он, скрестив на груди руки, и смотрит на меня; лицо его огненными чертами запечатлелось в душе моей: он бледен и худ, он долго говорил со мной, *взял мою руку, крепко прижал, поцеловал и скрылся тихими шагами; тогда я совершенно проснулась и благодарила творца моего за такой сон. Чувствуете ли вы мой восторг? Ах, мой ангел, в жизни моей не видала такого явственного сна! Ежели б это была истина! Но я не достойна такого благополучия. Это мечта, посланная небом для утешения в моих горестях.* Я думаю, если бы он об этом узнал, ему было бы приятно. О, боже мой, как я его люблю! Простите меня, мой ангел, я пишу глупости; но если бы вы только знали, как много во мне жасмина. Только сегодня я почувствовала, как его люблю. Ещё раз простите меня, мой нежный друг, пожалейте меня. *Прощайте, моя родная, Х_р_и_с_т_о_с _с_ _в_а_м_и, поцелуйте за меня папеньку, скажите ему, что я очень его люблю. Пора оставить перо, этого вам, верно, будет на месяц читать. Ещё раз прошу вас попросить папеньку, чтоб он не беспокоился дарить мне карету, это ни на что не похоже с его расстроенным состоянием, да скажите моей доброй маменьке, чтоб она не огорчала меня А_н_н_о_й _П_е_т_р_о_в_н_о_й. Я уж и без того достаточно несчастна. Прощайте, мой ангел. Целую вас 156 589 655 676 раз, а люблю в тысячу раз больше, нежели это можно выразить на всех языках мира.*

Прощайте. Посылаю вам романс. Быть может, вам он понравится. Завтра крестины и бал. Лаптев будет крестить со мною. Прощайте ещё раз. Я уже не прошу вас, чтобы вы всегда любили меня, прошу лишь быть ко мне снисходительной.

Сделайте милость, вышейте мне крестнику шапочку, нетрудную, хорошенькую; пожалуйста, мой ангел, полегче узор.

Псков. 1820. 16-го августа, в половине 6-го

Сейчас была у меня гостья пренесносная, сидела очень долго и рассказывала прескучную историю, в которую она несчастливо замешана с католическим ксендзом, насчёт неблагочиния, сделанного в церкви; натурально, что она себя оправдывала; не меньше того меня удивило, что она нимало не кажется этим огорчена и шутит, что её имя будет известно государю.

Я её проводила и хочу рассеять мысли, немного прокатиться, голова болит; сегодня рассталась с журналом, который теперь на дороге к вам, и я как будто опять осталась сиротою, до субботы и до будущего понедельника, потому что минута отправки оного мне почти столько же приносит удовольствия, сколько получение ваших строк; я воображаю удовольствие, которое он вам принесет, и это меня утешает.

Сегодня мне пришлось довольно изрядно поспорить с моим почтенным супругом по поводу его высокочтимого племянника. Так как у них один и тот же характер, дядюшка просто души не чает в этом прелестном дитяти, и, по его мнению, во всём виновата я. Но тут я сказала ему, что не желаю быть пустым местом в его доме, что ежели он позволяет своему племяннику ни во что меня не ставить, так я не желаю тут долее оставаться и найду себе убежище у своих родителей. Он мне ответил, что его этим не испугаешь и что, ежели мне угодно, я могу уезжать, куда хочу. Но мои слова всё же подействовали, и он сделался очень смирен и ласков. Тем не менее я решила, что останусь у своего отца в первый же раз, как к нему поеду. Постараюсь сделать это так, чтобы папенька не догадался, не хочу его огорчать, но ежели он спросит, я ничего скрывать от него не стану, и тогда, надеюсь, все будет кончено. Что мне щадить его после того, как все вокруг ему милее, чем я, даже кучер и его противная жена? Никому не убедить меня, что он меня любит, никому на свете. Я знаю, как ведут себя,

когда любят.

10 часов вечера, после ужина

Мой драгоценный супруг ещё раз говорил со мной о своём племяннике. А я перво-наперво доказала ему, что виновата не я, а он, потом сказала, что, уже конечно, не я сделаю первый шаг. Тот ко мне не подходит, не желает мне ни доброго утра, ни спокойной ночи, так что, полагаю, это я должна быть на него в обиде, и клянусь, что и шага не сделаю к примирению. Вы довольно меня знаете, чтобы судить, люблю ли я ссориться и злое ли у меня сердце. Могу сказать, не хвалясь, что нет человека, с коим я не могла бы ужиться. Ежели кто характером со мной не схож, по мне лучше относиться друг к другу с полным равнодушием. Вот и тут так же. Так ведь нет, этому господину хотелось во что бы то ни стало сделаться моим другом, чтобы во всём меня наставлять, а в дружестве приказывать нельзя. Душа у меня нежная, но я разборчива даже в выборе друзей, а из опыта я знаю, как опасно дарить своё доверие каждому. Человеку бездушному я никогда не доверюсь. Вот потому-то этот господин, разозленный моею холодностью, и решил все говорить мне наперекор и на каждом шагу чинить мне тысячу неприятностей.

Но довольно о сем неприятном предмете, поговорим о другом. Сон мой не выходит у меня из головы, *воспоминание производит содрогание, и слёзы навертываются на глазах. Прелестная мечта, что ежели сновидение произвело такое влияние на чувства мои, что бы сделала сущность? О, я думаю, я не пережила б такого блаженства.*

Зачем нет у меня такого дара слова, чтобы я могла передать вам все, что я испытываю? Мой язык слишком беден, перо моё отказывается это выразить. И я замечаю, что двадцать раз принимаюсь писать одно и то же, все боюсь, что вы недостаточно поймете. Зачем я не с вами? Я перелила бы в ваше сердце все чувства, что волнуют моё.

Покойной ночи, мой ангел. Желаю вам, чтобы сны ваши доставляли вам половину того наслаждения, какое сегодняшний мой сон принёс мне. Конечно, нынешнюю ночь я уже не испытаю такого счастья, как в прошедшую. Ежели это случится, то боюсь...

Да хранит бог вас, и меня тоже.

Августа 17-го утром в половине девятого

Добрый день, вот вам новость: мой драгоценный супруг назначен дивизионным командиром 2-й дивизии. Бог знает, где эта дивизия, как узнаю, сообщу вам. Я не очень этому радуюсь, потому что для меня всюду будет одно и то же. Что меня огорчает, так это то, что уж тогда мне нельзя будет читать прекрасные письма Иммортеля и Желтой Настурции. А вы так мало сообщаете мне о моём Иммортеле. Хоть он очень сдержан и никогда не называет моего имени, но я знаю, кто у него в мыслях, и это уже утешение. Я и сегодня видела его во сне и... но это был только сон в сравнении с тем; тот был совсем похож на явь. *Это незабвенный сон!*

17 августа, в 9 часов утра

Приказ этот дан его величеством в Воронеже. Сейчас мне сказали, что дивизия эта стоит под Могилевом; это совсем неподалеку от вас, но, не знаю почему, это меня не радует. Я стараюсь понять почему же. Я бы радовалась, если бы беременность не делала мне жизнь невыносимой. Ведь если бы не это, я тотчас же приехала к вам; теперь же, если я приеду, для вас это будет не удовольствием, а мучением.

Может быть, я окажусь совсем близко от доброй *Дарьи Петровны*[26], и это уже будет мне утешением. Напишите, какое впечатление произведет на вас эта новость. Покидаю вас, чтобы немного приготовить к вечеру свой туалет, потому что как раз сегодня я буду крестить, а после будет танцевальный вечер. *На мне будет синее платье такой волнистой материи,* называется муаровая, *отделка простая из такого же атласа; на голове ничего, а на шее цепочка и часы. С тех пор как у меня на кресте висит драгоценный талисман, я выдумала, когда для бала мне должно бы скинуть с шеи шнурок, то чтоб с ним ни на минуту не расставаться, я просто его кладу за платье, а возвращаясь, опять надеваю.*

Я сейчас перечитала последнее письмо Иммортели к Желтой Настурции. Как я жалею его, что нет у него никакого утешения. Он пишет: *я сердит без сердца.* А это сердце принадлежит мне! Как я счастлива! И как достойна жалости. Но вот доказательство, что принципы у меня хорошие: я чувствую, что истинно счастливой была бы, только если бы могла любить его законно, иначе даже счастье быть с ним было бы для меня счастьем лишь наполовину.

В половине двенадцатого

Все являлись поздравить моего дорогого супруга, и он сейчас мне сказал, что в дивизию мы поедем к 1 сентября, а оттуда он отправится в Петербург. А я, если вы мне позволите, приеду к вам.

За богом молитва не пропадет, а за царём - служба. Я думала, что со мной ничего уже счастливого случиться не может, и потому сначала, эта весть не принесла мне ни малейшего удовольствия; а теперь, обдумавши, вижу, что в сентябре я смогу вас обнять, и эта мысль приводит меня в трепет

от восхищения: рука дрожит, насилу пишу; скажу теперь, как Сен-Пре [27]*: "Боже, ты дал мне силы перенести величайшие горести, дай теперь столько, чтобы вынести величайшее блаженство!" Итак, я вас увижу опять, вот толкование чудесного сна. Как бог милостив до меня, грешной, он услышал мои стенания, внял жарчайшим пламенным молитвам моим и, конечно, продлит дни мои до счастливой минуты нашего соединения.*

Оставляю перо, слишком расстроена, не могу писать, поеду немножко прокатиться. Сердце бьется сильно, очень сильно. Боже всемогущий, благодарю тебя, стократ благодарю.

В час пополудни

Сейчас ездила кататься, думала зайти в церковь и там благодарить бога, но все заперты, и я возвратилась. Была у меня Желтая Настурция. Он хороший человек, и мне его жалко: он так несчастлив. Я всегда буду помнить об его услугах. К нему дурно относится Лаптев, а мой драгоценный супруг не умеет быть благодарным; и потом - разве к лицу генералу испытывать благодарность к своему подчиненному, бедному офицеру. Мне так жаль этого бедняжку. Сегодня он мне признавался, что ему почти жить не на что. *Душевно бы желала ему помочь, да не знаю как.* Если бы мой драгоценный супруг больше бы считался с моим мнением, я просила бы у него взять его с собой адъютантом, но он, конечно, никогда этого не сделает. Я думаю, он скорей не расстанется со своим, хоть это и тупица, но зато приятель его возлюбленного племянника.

В три часа пополудни

Квартировать мы будем в *Старом Быхове.* Кажется, это в настоящее время местопребывание тётушки Дарьи Петровны, и, может быть, приехав туда, я увижу её вновь здоровой и уже готовой ехать в Лубны. Очень буду рада ехать вместе с нею и доставить вам двойное удовольствие.

18-го, в 11 часов утра

Вчера были крестины. Потом были танцы. К вечеру пришло письмо от Магденки, в котором он настоятельно просит меня приехать к нему на бал. Уже решено было, что я не поеду. Губернаторша страшно удивилась, когда я ей сказала, что не я это решаю. Она сказала, что брачный союз должен зиждиться на дружбе, а не на подчинении. Я это тоже превосходно знаю, только, к несчастью, у меня все обстоит иначе. После ужина она говорила обо мне с моим драгоценным супругом, который почел нужным выказать весь свой прелестный характер, сказавши, что будет так, как хочет он. В

карете он принялся орать как зарезанный, что, мол, никто на свете не убедит его, что я остаюсь ради ребенка; он-де знает настоящую причину, и ежели я не поеду, то он тоже останется. Я не хотела унижаться и не оправдывалась. Ежели после всего, что я сделала, он так дурно обо мне думает и со мной обращается, как с крепостной, мне невозможно далее оставаться с ним, не желаю я, чтобы обо мне говорили, будто я бросила больного ребёнка и помчалась на бал. Достаточно и без того он позорит меня своей очаровательной манерой себя вести, я гораздо меньше буду рисковать своей репутацией, ежели стану жить отдельно. В самом деле, с тех пор как здесь этот племянник, я просто мученица. И ещё он сказал мне вчера в карете, что если я хочу, то могу уезжать, ему это совершенно безразлично.

Во имя самого неба, прошу вас теперь, поговорите с папенькой; я в точности выполняла все папенькины советы насчёт его ревности, но скажите ему, пусть не думает, будто его можно переубедить. Только *Ершов,* или Пётр *Мартынович,* или его любезный племянничек ещё могут похвалиться, что он их слушает благосклонно, да ещё *Аннушка* - только они ещё могут притязать на близкие с ним отношения. Ежели родной отец не заступится за меня, у кого же искать мне тогда защиты? Ради бога, вступитесь за меня перед ним. Строки эти я обливаю слезами. Доколе буду я их лить?

Уже полдень, а я все ещё его не видела.

18-го числа в полдень

Сейчас принесли мне холстинку и шерсть, которую я выписывала из Дерпта для вас, жаль мне очень, мой ангел, что холстинка не такого цвету, как вы желали, но она очень тонка и хороша, другого цвета не нашли; я постараюсь ещё выписать и ту сама, привезу, шерсть тоже посылаю, но она не очень хороша. Посылаю Лизе на именины модный платочек, который прошу вас ей вручить от меня душевно, чтобы понравился.

У меня большое желание самой написать папеньке и просить его защитить меня, только не знаю, одобрите ли вы это. Впрочем, можете показать ему в моём дневнике те места, какие сочтете подходящими. Поверьте мне, не могу дольше терпеть. Простой солдат и то более уважительно относился бы к своей жене. Он должен был бы иметь ко мне

жалость хотя бы из-за моей несчастной беременности, но ведь это бездушное существо, у него каменное сердце.

Сейчас они там обедают, а я осталась с вами, чтобы излить вам свои горести. Нет, мне решительно невозможно переносить далее подобную жизнь, жребий брошен. Да и в таком жалком состоянии, всю жизнь утопая в слезах, я и своему ребенку никакой пользы принести не могу. Я все выносила, пока мне приходилось терпеть только от него, но теперь это уже чересчур. Я прекрасно вижу, откуда всё это идёт. Вы представьте себе, он посмел сказать моей горничной, что будь у него такая жена, он бы бил её палкой и сослал в монастырь. И ещё он ей сказал, что я-то, конечно, отправлюсь к своим родителям, но Катенька останется. Понимаете всю эту дерзость и наглость? Он ведь знает, что эти слова будут мне переданы. И я вынуждена это выносить, и всё это будет дозволяться ему и впредь.

Теперь умоляю вас, расскажите обо всем папеньке и умолите его сжалиться надо мной во имя неба, во имя всего, что ему дорого. Маменьке об этом говорить не нужно; и так она слишком рано про то узнает.

Ради бога, не очень огорчайтесь, мой ангел; если это повредит вашему драгоценному здоровью, я буду самым несчастным человеком на свете.

В 6 часов вечера

Не стану ждать до понедельника, а пошлю вам этот дневник послезавтра, то есть в пятницу. Представьте себе ужасное моё положение: всё это время я пролежала, даже пошевелиться не могла от слабости и расстройства, не обедала, все только плакала, а он со мной даже словечка не сказал, никакого не выразил беспокойства, и ведь нет у него иной причины сердиться, кроме той, что мне тошно ехать на этот бал. Можете вы вообразить себе мои страдания, мой ангел? Вы ведь знаете моё сердце, оно не выносит одиночества, а этакое положение ещё в тысячу раз тяжелее, клянусь вам.

Вчера губернаторша рассказывала мне об одной из своих сестёр, как та была помолвлена, но она за неё жениху отказала. Она так сказала: "Когда я увидела, что она сделалась с ним очень холодна и что он до чрезвычайности ревнив, я, не говоря ни слова ни отцу, ни мужу своему, ни ей самой, взяла да и отказала ему, потому что поняла, что она с ним счастливой быть не сможет". А я про себя подумала: "Зачем не было у

меня такой вот доброй сестры, которая предотвратила бы вечное моё несчастье?" Много было людей, которым угодно было устроить этот брак, но не нашлось ни одной души, которая не допустила бы его, а именно это должно было сделать, видя моё к нему отвращение.

Но довольно об этом. Мне совершенно ясно, что далее так продолжаться не может, не то вам скоро придётся услышать что-нибудь ужасное. А этот племянник - боже мой, я голоса его не могу слышать без содрогания. О, если бы папенька мог сейчас видеть, как я страдаю, он пришёл бы мне на помощь, я в этом уверена. *Его сердце облилось бы кровью, видя мои страдания. Федор И*. - пустяки в сравнении с ним. Когда человек холоден, потому что таков его характер, это ещё можно перенести, но когда холодность происходит от злобы, от презрения к тебе и сопровождается самыми оскорбительными подозрениями! Это убийственно! Его поведение сделало его для меня столь отвратительным, что я рада была бы бежать, куда угодно, только бы ничего не слышать о нем, он мне стал невыносим. Вот сейчас он приходил, целый час плевался у меня в комнате и ушел, не сказав ни единого слова.

Нет, не могу я больше его выносить. Этот человек посмел мне нынче сказать, будто я назначаю свидания в церквях, а он, мол, так деликатен и великодушен, что никому не позволяет худо обо мне говорить. Люди, которые знают его характер, нарочно, чтобы его позлить, говорят ему обо мне гадости, а он их слушает. Ради бога, ежели хотите увидеть меня ещё живой, скорей пришлите мне позволение приехать к вам!

Они там сейчас ужинают, а я вот уже целый день как ничего не ела. Но я не голодна - слезами насытилась. Представьте себе, этот дорогой племянничек говорит, что-де дядюшка его до женитьбы был прекрасным человеком и что мне следовало бы о нём заботиться, ведь он-то все время заботится обо мне. Я спросила, что же он такое для меня делает, так племянник со свойственной ему глупостью ответил, что он-де покупает мне всякие вещи, а я их всем раздариваю. На это я ему сказала, что он сам не знает, о чём говорит, что не в этом состоит забота, и просила его не говорить больше о том, чего он не понимает. Слыханное ли дело - мужу подсчитывать, какие вещи он купил жене! Эти люди никакого понятия не имеют о благородных поступках, о деликатности. Этот племянник лишь приблизил час нашего разрыва, давно уже неизбежного. В самом деле,

невозможно это долее терпеть.

19-го утром

Здравствуйте, мой нежный друг, мой ангел-хранитёль. Как вам спалось? В добром ли вы здравии? Вчера к вечеру я совсем расхворалась, но благодарение богу, теперь мне полегчало. Это было оттого, что я целый день ничего не ела.

На днях мы посылаем адъютанта в мою деревню за деньгами на дорогу. Прощайте, мой ангел, я устала, очень устала. Прощайте.

Августа 19-го, в 10 часов утра

Я, право же, не знаю, что делать. Меня во что бы то ни стало хотят заставить ехать на этот бал, и мне не с кем посоветоваться. Между тем собственный разум говорит мне, что ежели я стану безропотно переносить подобные подозрения, тем самым я докажу, что я их заслуживаю. Это предел жестокости, со мной обращаются самым возмутительным образом и после этого хотят, чтобы я веселилась и появлялась на людях. Это неслыханно!

Я собираюсь ему заявить, что на этот раз исполню его желание и поеду, но после всех этих недостойных подозрений пусть и он исполнит моё и разрешит мне прямо отсюда отправиться в Лубны.

Прощайте, мой ангел, плачу и еду, но получила слово, что мне позволят ехать домой, хотя несколько времени отдохну, если нельзя будет надеяться на дальнее спокойствие. Прощайте, мой бесценный ангел, должна оставить перо; извините, что шерсти мало посылаю, сколько достала. Христос с вами, мои родные, помолитесь за меня, грешную, ваши праведные молитвы скорей дойдут к престолу всевышнего творца нашего.

В скором времени после получения сего вы, может быть, увидите вашу Анету в объятиях ваших. Примете ли вы меня по-прежнему? Мысль эта меня тревожит. Неужели может меня постигнуть и это несчастие? Боже избави и сохрани, этого уже я не перенесу; но нет, вы знаете моё сердце, мои чувства вам известны, они достойны вашей привязанности и любви и вечно, вопреки всем бедам, пребудут одинаковы. Прощайте ещё раз, до свидания, мой ангел-хранитель, покровитель и утешитель. Прощайте все, что для меня есть дороже в

свете. Христос с вами! и со мной также. После получения сего письма уже во Псков не адресуйте ваши письма, а в Старый Быхов. Я и там недолго пробуду. Ещё раз до свидания. Вечно ваша Анета.

1820. Псков. 24-го августа, в 10 часов утра

Я хочу и дальше писать свой дневник - до тех пор, пока не буду подле вас и он уже будет не нужен. Нынче наш адъютант отправляется за деньгами к тетушке Анете. Он может быть обратно не ранее как через десять дней, а до тех пор мы не уедем. В этом промедлении виноват всё тот же любезный племянник. Он собирается по пути заехать к г-же Тормасовой, но перед этим хотел ещё быть на бале у Магденки. Малейшие его прихоти - закон, а мне, бедной, приходится запастись терпением.

Мой дорогой супруг посылает своей племяннице мои красивые часики, и хоть мне их и жалко, но я отдала их, даже не показав своего огорчения; не хочу, чтобы он думал, будто подобные вещи способны меня расстроить. Но такие поступки (неразб.).

Мне кажется, мой дорогой супруг намерен посадить себе на шею двух особ, нисколько не заботясь, приятно мне это или нет. Я думаю, вы ещё помните, как он, будучи со мной помолвленным, лил слёзы, вспоминая ту женщину. А мои родители, видя, что он даже в тот момент, когда женится на их дочери, не может позабыть свою любовницу, позволили этому совершиться, и я была принесена в жертву. Ведь могли же они видеть, что любовь его ко мне не столь уже велика, раз он оплакивает другую. Роковое ослепление!

Снова берусь за перо, дорогой мой друг. Как хотела бы быть уже подле вас, чтобы спрашивать ваших советов и откровенно разговаривать с вами.

Мы уже готовимся к отъезду, и это немного придает мне сил, потому что я уверена, что, после того как прибудут деньги, устройство всех дел займет не больше дня.

10 часов вечера

Только что был у меня Желтая Настурция. Он едет в Митаву, и я ему дала поручение привезти оттуда чулок, коими поделюсь с вами, мой ангел. Ещё я написала одному посреднику насчёт бонны для Катеньки - немки или англичанки.

Прощайте, нежный друг мой, доброй ночи, спите хорошо и, главное, спокойнее, чем ваша Анета.

25-го, в 11 часов утра

Здравствуйте, мой ангел, каково вам спалось? Я спала хорошо, насколько это для меня возможно. Считаю часы и минуты, которые мне осталось провести вдалеке от вас, радость моя единственная.

У меня до вас просьба, мой ангел. Велите приготовить для меня маленькую комнату, что рядом с вашей. Здесь я никого не обеспокою и буду чувствовать себя всего приятнее. Уже одно то, что вы днём и ночью будете рядом со мной, способно усладить печальное моё существование. Ежели боитесь, что там сыро, прикажите поставить железную печку - их ведь много у папеньки. Я уверена, что это не будет для него беспокойством.

Впрочем, весьма вероятно, что я приеду прежде, чем до вас дойдут эти строки. Для меня то было бы большим счастьем.

Только что ушли от нас гости - бывший мой обожатель, дивизионный адъютант, который в Риге женился. *Он старший адъютант.* Это человек неглупый, потому что, к счастью, я никогда не нравилась дуракам.

Хочу идти в лавки, чтоб купить чего-нибудь для дорожного капота, это меня утешает. Забыла вам сказать, что Магденко подарил меня прекрасным мылом, духами и перчатками. Так рад был меня видеть, что все на свете хотел отдать, выпросил у мужа позволение подарить мне шелковых чулок с узорами и будет нас провожать до Орши.

В 10 часов вечера.

Я получила очень хорошие книги, французские - "Надгробные речи" Флешье [28] и "Новую Элоизу", а ещё "Сентиментальное путешествие" Стерна [29], тоже по-французски. Хоть они у меня есть и по-русски, но снова их перечитываю. Я в восторге, что у меня есть "Новая Элоиза", там есть места в самом деле восхитительные, которые в русском переводе совершенно пропали. Некоторые из них перепишу для вас завтра, ежели буду чувствовать себя получше. А то сегодня мне весь день так было плохо, что я не могла этим заняться.

Итак, до завтра. Сегодня я поехала проводить мужа до дома одного купца, он ездил в его баню. Добрые купчихи, увидевши меня, стали меня умолять, чтобы я на минуточку зашла в дом; невозможно было отказать им. Я провела там целый час одна, чуть не умерла со скуки, потому что хозяйки только то и делали, что подавали и убирали всякую всячину и

нельзя было отказаться; но я нисколько не раскаиваюсь, потому что это доставило мне случай заказать им *снетки* самого лучшего качества, чтобы отвезти маменьке. Я приказала их высушить, перебрать и посолить как можно чище. Мне так сладко заниматься чем-нибудь, что до вас относится.

Хочу ещё написать к Каролине, чтобы она, если сможет, осенью приехала в Лубны со мной повидаться. Мне хочется приуготовить себе всякого рода удовольствии, чтобы хоть как-то вознаградить себя за горести, кои я испытала и не перестаю испытывать ежечасно. Что бы там ни говорили, но я но себе знаю, что чувствительное сердце никогда покоя не имеет и не так просто его удовольствовать. Вы это знаете, мой ангел, лучше, чем кто-нибудь другой, вы не раз мне за это выговаривали, между тем как я видела, что вы не можете со мной не соглашаться и в глубине души меня оправдываете.

Прощайте же. Как видите, моя привязанность к вам сильнее моей усталости, ибо я забываю о ней, когда к вам пишу, и не замечаю, как перо выпадает из моих рук и что надобно отдохнуть. Ещё раз прощайте. Если бы мои предчувствия осуществились и мы в самом деле могли бы вместе читать эти строки! Желаю вам спокойствия, прелестный друг мой. Ваша навечно Анета.

Да хранит его господь.

26-го августа, в 1 час пополудни

Здравствуйте, нежный мой друг. Время идёт, и все ближе и ближе счастливая минута, когда я смогу вас обнять. Не знаю, отчего меня мучит какой-то страх. Воображение рисует страшные картины. Это уже не то сладостное видение, о коем я недавно писала вам. Я уже не могу, уже не смею представить его себе таким нежным, каким бы желала вновь увидеть. Не знаю почему, но он теперь видится мне очень холодным, очень серьезным и более далеким, чем когда-либо. Мысль об этом сокрушает меня и тревожит невыразимо. Как бы хотела я, чтобы рядом был кто-нибудь, кто бы разуверил меня, кто бы меня приободрил. Я сама стараюсь побороть свои сомнения. Но они обычно одерживают верх, и я снова предаюсь им.

Вот небольшой отрывок о любви: "O que les Illusions de 1'amour sont aimables! Ses flatteries sont en un sens des verites; le jugement se tait, mais le

coeur parle. L'amant qui loue en nous les perfections que nous n'avons pas, les voit en effet telles qu'il les represente. Il ne ment point en disant des mensonges. Il blatte sans s'avilir et l'on peut au moins l'estimer sans le croire" {О, сколь сладостны заблуждения любви! Льстивые слова её в некотором смысле правдивы; разум здесь молчит, но говорит сердце. Влюбленный, восхваляющий в нас несуществующие совершенства, в самом деле видит их такими, какими он их себе воображает. Он не лжет, изрекая ложь. Он льстит не из раболепия, и если ему и нельзя верить, то, по крайней мере, его можно уважать *(фр.).*}

Это очень верно, ведь я хотя и не верю всему тому, что он написал мне в альбом, но верю, что писал он это от чистого сердца. Он сам обманывался, ибо любовь слепа, но вовсе не хочет обмануть, в этом я присягнуть готова. Вот по этому и узнается истинная любовь.

В 6 часов вечера

Я теперь читаю "Новую Элоизу" и нахожу, что книга эта достойна того, чтобы её читали все те, кто восторгается прекрасным, но непременно по-французски. Самое большое её достоинство, на мой взгляд, в красоте слога и выборе выражений. В ней столько прекрасных мест, что я не в состоянии все их переписать, а между тем мне бы хотелось, чтобы вы разделили мой восторг, как разделяете все самые сокровеннейшие мои мысли,- одним словом, я хотела бы читать эту книгу вместе с вами. Мне очень досадно, что я не смогу её привезти - она чужая, а купить я хочу что-нибудь более полезное. Мне обещали "Гений христианства" [30] и "”Характеры” Лабрюйера" [31], и у меня уже есть русские трагедии г. Озерова [32]. Они превосходные и смогут заинтересовать, ещё кое-кого. Мы перечитаем вместе моего сладостного Стерна, моё сокровище; не подумайте, что у меня плохой вкус (в отношении книг); вы, надеюсь, уверены в противном; но чтобы в этом убедиться, возьмите в папенькиной библиотеке "Литературную смесь" Сюара [33], третий том, и прочитайте на странице 111-й "Письмо женщины" о "Сентиментальном путешествии" Стерна, и уж тогда, держу пари, что вы не станете более сомневаться в моём вкусе, по крайней мере в отношении книг.

В 10 часов вечера

Спокойной вам ночи, мой ангел. Хоть Руссо и говорит: "La patience est amere mais le fruit en est doux" {Терпение горько, но плод его сладок *(фр.).*}, но я скорее согласна с г-жой де Севинье [34] в том, что: "Les longues esperances usent la joie" {Сбывшаяся надежда бывает омрачена долгим ожиданием *(фр.).*}. *Я все терпение потеряла, ожидая счастливой минуты выезда нашего отсюда. Почивайте покойно, мой бесценный ангел. Христос с вами. А.*

27-го августа, в 4 часа вечера

Я продолжаю читать "Новую Элоизу"; восхищаюсь слогом, но очень многие места мне не нравятся; об этом мы поговорим вместе. Спокойной ночи, ангел мой, я до того слаба, что не в силах далее вам писать. Завтра счастливый день - суббота. Пусть и на этот раз улыбнется мне счастье и я, как обычно, увижу дорогие очертания вашего почерка.

Я немножко проглядела "Сентиментальное путешествие" по-французски и, представьте себе, русский перевод нахожу приятнее; не знаю, красота ли перевода или прелестные замечания, кои придают очарование всей книге, только, на мой взгляд, по-русски она написана гораздо лучше, нежели по-французски. Вы знаете, что ведь вполне возможно, чтобы перевод был лучше подлинного сочинения, и доказательство тому "Мой друг, хранитель-ангел мой!", который в тысячу раз лучше, чем "Je t'aime taut" {Я так тебя люблю *(фр.).*}.

Прощайте, мой ангел, моё всё. Да будет спокоен ваш сон, да не омрачат его никакие горести и заботы.

28 августа, 9 часов утра

Сейчас получила письмо ваше, ангел мой, проклятая почта! Клянусь небом и всем, что для меня дороже в мире, что наверно не пропускала, можно ли мне это сделать, когда у меня только и занятия, что с вами беседовать, считать дни и минуты от прихода почты до отправления писем; нет, она неисправна и меня несколько раз огорчала, бог с нею, теперь она мне не нужна; только я намерена вам доказать, мой ангел, когда я буду с вами вместе, кто из нас больше писал, все ваши письма у меня в сохранении, я знаю, что и мои также. Тогда не трудно будет судить. Прощайте, мой ангел, вы удивитесь, как я мало теперь пишу. Одна-единственная мысль заглушает все прочие, а более всего расхолаживает меня уверенность, что я буду у вас раньше, чем этот дневник. Я нынче ездила с визитом к одной даме, здесь неподалеку, и провела очень приятных два часа. *Я видела их искренние сожаления со мною расстаться и пользовалась приятным удовольствием видеть себя истинно любимой этими добрыми людьми; это чувство услаждает и в горестях; жалкий человек, кто им не пользуется и не умеет ценить опыт.*

Христос с вами, мой ангел, вы из мыслей у меня не выходите ни на минуту. Ваша Анета.

Вечером 29-го, в 8 часов

Я сегодня была у обедни, молилась за вас и за скорое соединение с вами; впрочем, день провела по обыкновению, т. е. очень скучно и к тому же грустно. Что может быть горестнее моего положения - не иметь

около себя ни души, с кем бы могла излить своё сердце, поговорить и вместе поплакать. Несчастное творение я. Сам всемогущий, кажется, не внемлет моим молитвам и слезам. К умножению моих печалей вы ничего не отвечаете на мои письма, и я не знаю, найду ли я подле вас отраду в удовольствии вашем меня видеть? Я уже вам сказывала, что я не сомневаюсь в собственной особе вашей, но желала бы, чтобы папенька и маменька столько имели удовольствия меня видеть, сколько я почитаю блаженством быть у них, и хотя этим бы вознаградили меня за все претерпенные горести в разлуке с ними.

1820, Псков, 29-го, вечером, в половине девятого

Маменька со своим чувствительным сердцем очень может судить о мучительном моём положении, пусть только вспомнит своё состояние, когда она оставляла своих родителей. С нежно любимым мужем, с милыми детьми, в цветущем состоянии, что способствовало ежеминутно делать жизнь её спокойною и приятною, а тут ей сопутствовал всегда кто-нибудь из родных её. Возьмите теперь противоположность моего состояния, с таким же чувствительным сердцем, обремененным всеми возможными горестями, должна проводить дни мои, оставлена всею природою, с тем человеком, который никогда не может получить моей привязанности, ни даже уважения. Он обещал мне отпустить меня к вам, по усиленным просьбам моим, вскоре по приезде в Старый Быхов, теперь опять отговаривается и хочет, чтобы я пробыла там до отъезда его в Петербург, что не прежде будет, как в конце октября; ему нужды нет, что я буду делать во время его разъездов одна, с ребенком, в этом несчастном городе и как потом я в холод и колоть поеду в октябре; но я настою, чтобы ехать, как прежде сказано, и ежели он эгоист, то я вдвое имею право быть оной, хоть для тех, которым моя жизнь и благосостояние ещё дороги.

Впрочем, это последнее время совершенно заставило меня потерять терпение, и я бы в ад поехала, лишь бы знала, что там его не встречу.

Вот состояние моего сердца; прощайте, мой ангел, все сказала вам, что было на душе.

Христос с вами мои родные.

30-го августа, 1820, в 11 часов утра

Сегодня праздник; у меня обедают гости, а теперь супруг мой у развода. Я сейчас писала к Каролине и просила её, если можно, приехать в Лубны, когда я там буду. Мы надеемся выехать очень скоро, т. е. прежде 5-го сентября. Ежели бы все так шло, как бы я хотела, то, наверное, я приехала бы прежде этого письма; но надобно повиноваться судьбе и дожидаться, когда будет богу угодно доставить меня к вам.

Прощайте, мои бесценный ангел, должна оставить перо: уже первый час, скоро будут гости, это несносно. Хотела послать вам выписки из "Элоизы", но не успею, а особенно все примечательные места спишу и вам привезу. Прощайте, моё сокровище драгоценное, Христос с вами, моя родная, до смерти не хочется оставить перо, а, кажется, уже кто-то едет. Прощайте, моё всё; возьмите на себя труд сказать много хорошего Иммортелю. Любите оба вам вечно по гроб преданную Анету.

Примечания

[1] "Язык цветов" - условный язык, использующий названия цветов с определенным значением для выражения чувств. Был распространен среди дворянской молодежи тех лет и позже. А. П. Керн в своём дневнике прибегает к нему довольно часто. Так, Шиповником, а затем Иммортелей она называет предмет своей романтической любви - молодого офицера, с которым познакомилась в Лубнах, Желтой Настурцией - дружески расположенного к ней офицера Кира Ивановича.

[2] Кир Иванович - офицер, знакомый А. П. Керн ещё по Лубнам, однополчанин и приятель "Иммортели".

[3] Особа, о которой идёт речь, вероятно, женщина, привезенная из Лубен для ухода за ребенком.

[4] "Трумф", или "Подщипа" - комедия И. А. Крылова (1800), сатира на павловское царствование. Широко распространялась в списках.

[5] "Мой друг-хранитель..." - из стихотворения В. А. Жуковского "Песня" (1808), переложение стихотворения того же названия французского поэта Фабра д'Эглантина (1750-1794).

[6] Лаптев Василий Данилович (1760-1825) - генерал, командир дивизии. Другие генералы, неоднократно упоминаемые Керн: Гильфрейхт Богдан Борисович (1773-1843), Ротт Логин Осипович (1780-1851).

[7] Магденко - полковник, служивший с Керном в Лубнах и Пскове.. 8 Поль - маленький брат А. П. Керн.

[8] Поль - маленький брат А. П. Керн.

[9] Коцебу Август Фридрих (1761-1819) - немецкий драматург и романист. Произведения его в большом количестве переводились на русский язык и пользовались широкой известностью. Реакционный политический деятель, Коцебу был убит студентом Зандом.

[10] Псковским губернатором в 1820 году был Б. А. Адеркас. В 1824-1826 годах с ним приходилось иметь дело ссыльному Пушкину.

[11] Вероятно, Анна Петровна ранее ездила из Пскова в Лубны.

[12] Фонтенель Бернар (1657-1757) - французский писатель.

[13] Катенька - дочь А. П. Керн, Екатерина Ермолаевна.

[14] Керн П.- племянник Е. Ф. Керна.

[15] Беннигсен - графиня, жена гр. Л. Л. Беннигсена (1745-1826), начальника штаба русской армии в 1812 году.

[16] Пьенн де - французская писательница. Её роман "Два друга" вышел в 1810 году.

[17] Сталь Аниа-Луиза-Жермена де (1766-1817) - французская писательница и публицистка. Её книга "О Германии" ("De 1'Allemagne") вышла в 1810 году.

[18] Резиденцией псковского архиерея был Снетогорский монастырь на берегу Великой, в трёх верстах от города.

[19] Поль - здесь, вероятно, имя того офицера, которого А. П. Керн обычно называет Иммортелем.

[20] "Je t'aime tant..." - первая строка стихотворения Фабра д'Эглантина "Песня", переведенного В. А. Жуковским ("Мой друг-хранитель, ангел мой...").

[21] Йорик - герой "Сентиментального путешествия" и "Писем Йорика к Элизе" Л. Стерна.

[22] Бухарина - сестра Ф. П. Полторацкой, двоюродная сестра отца А. П. Керн.

[23] Сосницы - уездный город Черниговской губернии, возле которого находилась маленькая усадьба, принадлежавшая Д. П. Марковой-Виноградской, рожд. Полторацкой. Здесь в 40-50-х годах, находясь в крайне стесненных материальных обстоятельствах, вынуждены были жить А. П. и А. В. Марковы-Виноградские.

[24] Висковатов Степан Иванович (1786-1831) - пскович родом, поэт и драматург и одновременно агент тайной полиции, сочинивший в 1826 году донос на Пушкина. Его "Гамлет", "подражание Шекспиру в стихах", вышел в 1811 году.

[25] Дочь П. А. Вульф-Осиповой - Мария Ивановна Осипова (1820-1895).

[26] Тетушка Дарья Петровна Полторацкая, по мужу Маркова-Виноградская,- двоюродная сестра П. М. Полторацкого, мать второго мужа А. П. Керн - А. В. Маркова-Виноградского.

[27] Сен-Пре - герой романа Ж.-Ж. Руссо (1712-1778) "Новая Элоиза".

[28] Флешье Эспри (1632-1710) - французский духовный оратор и писатель.

[29] Стерн Лоренс (1713-1768) - английский писатель, автор широко известных в России книг "Жизнь и мнения Тристрама Шенди" и "Сентиментальное путешествие по Франции и Италии".

[30] "Гений христианства" - книга Франсуа-Рене Шатобриана (1768-1848), французского писателя-романтика.

[31] Лабрюйер Жан-Батист (1645-1696) - французский писатель. Его "Характеры, или Нравы этого века" вышли в 1688 году.

[32] Озеров Владислав Александрович (1769-1816) - автор трагедий, весьма популярных в начале XIX века.

[33] Сюар Жан-Батист (1733-1817) - французский писатель и журналист.

[34] Севинье Мари (1626-1696) - французская писательница. Широкую известность приобрели её "Письма".